

Николь Галанина

НЕУДЕРЖИМЫЕ
ДЕМОНЫ, ИЛИ
ИСТОРИЯ
ЖЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Книга первая

Николь Галанина

**Неудержимые демоны,
или История женской
войны. Книга первая**

«Издательские решения»

Галанина Н.

Неудержимые демоны, или История женской войны. Книга первая
/ Н. Галанина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859804-3

Год назад Империя покорила вольнолюбивый город Кеблоно. Почти все его защитники перебиты, а на местных жителей смотрят с презрением и опаской. Юная Марта Сауновски, чудом спасшаяся во время штурма, и её лучший друг Бирр Кавер решают бросить Авалории вызов и вернуть утраченную свободу.

ISBN 978-5-44-859804-3

© Галанина Н.
© Издательские решения

Содержание

Начало	6
То, что было после	41
Парад	41
История Его Превосходительства Министра Внутренних дел Авалории, Гая Фолди (28. 08. 14)	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Неудержимые демоны, или История женской войны Книга первая

Николь Галанина

П.– П. 9 августа 2014 года, суббота, 09:19 PM.

© Николь Галанина, 2017

ISBN 978-5-4485-9804-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

11 Сэйра 3040 года по летоисчислению Авалории. Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно.

Осада длилась уже два месяца. Толстая цепь имперских легионов окружила, тараня, ворота. Сверкали снопы пламени, свистели тяжёлые булыжники, роем в сгустившемся воздухе носились стрелы. Защитники не сдавались, они, неумолимые, лили на головы врагов раскалённую смолу и сыпали отравленными дротиками. Но имперцев было больше. Куда больше. И они, как и кеблонцы, были зажжены яростью. Они сильнее. Они победят. Город падёт, а что будет с ними всеми дальше... неизвестно. Ведь они – шпионы, дезертиры, предатели, опасные элементы, и все называют их так потому, что они просили самостоятельности! Немыслимо! Думая об этом, юная Марта Сауновски злилась ещё больше, чем только могли все эти самоуверенные мужчины, слепо полагающиеся на свою силу.

Марта стояла на крепостной стене, и налетающие порывы сухого ветра шевелили ей волосы. Здесь было опасно; женщины и дети не допускались на такое близкое расстояние к «линии фронта», как выразился генерал Лист. Марта едва выдавила из себя слабую улыбку. Линия фронта... как смешно это звучит! Война идёт везде, начиная от осаждённых предметов и оканчивая запертыми пока воротами. Война – везде! И где они должны спрятаться, чтобы их пощадили? Марта поправила забрало шлема на лице, чтобы кто-нибудь из защитников случайно не узнал её. А такое могло случиться, ведь среди них было множество её знакомых, друзей её детства и друзей её юности. Она притворялась неким Саллином Саллуни, труп которого она вчера нашла во дворе соседней. И кто теперь скажет, что в центре Кеблоно безопасно? Злобно фыркнув сквозь зубы, Сауновски крепче стиснула арбалет. И прищурилась, ища среди чёрного месива врагов потенциальную жертву, благо что таких было много. Со своей стратегически выгодной позиции она застрелила уже немало имперских легионеров. Судя по шлемам с пышными султанами и плюмажами, слетевшим с их голов от мощной отдачи, некоторые из них были важными шишками.

Тем лучше. Многие из стоящих под их стенами воинов не стали бы идти на штурм, если бы их не заставила Королева Влеона и её муж, Принц Хевилона, Кларк. Достаться по заслугам должно их бессовестным прихвостням! Простой народ, подгоняемый плетью, идёт против своих же братьев – где это видано? Верно, только в Авалории, в этой несправедливой, мерзкой, себялюбивой стране!

Разгорячившись, Марта выпустила стрелу и поспешино пригнулась, чтобы уклониться от вражеского снаряда. Огромный булыжник тяжело пролетел у неё над головой и шлёпнулся на рыхлую землю под крепостными стенами. Она уже вся была изрыта глубокими воронками, похожими на кратеры Дьявольской Горы. Марта слышала, как кричат люди, не успевшие отбежать от распластавшейся над ними смерти, и эти крики ещё ярче разжигали неугасимый огонь, горевший в её душе.

–Саллуни, как тебе битва? – осведомился кто-то из воинов, подбегая к ней ближе.

В руках у него был зажат арбалет наподобие того, который держала Марта. Она узнала его голос: это говорил Бирр Кавер, её земляк. Она знала его с глубокого детства. Когда-то они, неразумные ребята, играли в войну, даже не подозревая, что однажды им придётся столкнуться с нею всерьёз.

Эта, настоящая, война была куда страшнее всех героических описаний, что Марта читала в книжках. Умные историки умалчивали о том, как противно разило кровью от недав-

него поля боя, как вороны тучами усаживались на тела павших. Историки умалчивали о том, как безвинные люди гибли по зловецей случайности. Историки умалчивали о том, как больно давили на душу стоны умирающих, не говорили они и о том, как тяжело это: не иметь уверенности в будущем, не знать, что произойдёт с тобой и твоими близкими даже в следующую секунду. Обо всём этом им не рассказывали, зато жизнь, сама жизнь показала. Марта чувствовала, что слёзы ползут у неё по щекам, но она не пыталась отереть их. И взрослые мужчины порой давали волю рыданиям, когда находили в глубоких воронках от снарядов тела дорогих им людей. Она знала, что Кавер никак не отреагирует на её молчание. За то время, что фальшивый Саллин Саллуни провёл на укреплениях, он ни с кем не обменялся ни единым словом.

— Я понимаю, тебе паршиво, — проронил Кавер, выпуская стрелу из арбалета. — Я ненавижу Империю!

— Её все здесь ненавидят, Бирр, — горько усмехнулась Марта и быстро присела на корточки.

Тяжёлая арбалетная стрела прошила воздух у неё над головой и скрылась в воздухе, подёрнутом сизой дымной плёнкой. Она задыхалась от противного горьковатого запаха гари, набившегося в ноздри. Ей не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, откуда он взялся.

Предместья Кеблоно горели. Деблльские ворота, которые по причине их ветхости охранялись лучшие других, уже ходили ходуном под натиском врагов. Марта чувствовала, как земля содрогается у неё под ногами. Ей нечего терять: месяц назад вся её семья погибла под ударом тяжёлого камня, а она чудом выжила. Это был знак свыше, знак того, что она должна мстить. И она мстила бы, даже если бы родители и сёстры были живы. Она не могла терпеть издевательств над своим городом. Империя, сколь бы могущественна и высокомерна она ни была, не имела права трогать кеблонцев.

«Они заплатят за это, — с ненавистью думала Марта, посылая стрелы во врагов одну за другой. — Я клянусь всем, во что только верю, что они заплатят!!»

На крепостной стене возникло небывалое оживление. Воины со встревоженными лицами бежали туда-сюда, громко, суетливо переговариваясь. Большую часть их речей заглушал свист снарядов над головами, крики умирающих, раненых и рокот катапульта осаждающих, но Марте хватило и той ничтожной крупинки, что она услышала. «Кеблоно падёт уже завтра», — с ужасом поняла она, ощутив, как тревожно сжалось сердце.

Невдалеке забряцали доспехи: это командир внешней оборонной линии подбежал к их посту, «посту смертников». Именно здесь велось самое ожесточённое наступление, и защитники его должны были полечь все до единого. Не стоило и сомневаться, что Империя пощадит хоть кого-нибудь из них. Марта насупилась и крепче сжала арбалет: она ни за что не сдавалась бы без боя. Она дралась бы до конца, если бы женищине позволено было стать командиром! Но всем управляют мужчины, мужчин всегда нужно слушать, даже если они несут откровенную чушь. С презрительной улыбкой на устах она обернулась к командиру, искренне сожалея, что не может поднять забрало и расхохотаться ему в лицо. Они все, так или иначе, умрут! Что терять, зачем говорить о тактике, стратегии, когда смерть уже дышит тебе в затылок?

— Так, ребята, — подозвал их к себе командир, — грядёт последний бой. Ворота вряд ли устоят до завтрашнего рассвета.

— Мы знаем, Ваше Командирство, — стараясь изменить голос, ответила Марта. — Но нам-то что за дело? Мы все погибнем тут, ведь Вы, как я полагаю, знаете, что это пост смертников?

— Саллуни, не надо раньше времени сопли распускать! — рявкнул командир. — Вы ещё можете отступить на дальние укрепления, чтобы потом мы могли...

– Что, Вы предлагаете отдать Деблльские ворота имперцам? – вспыхнул Бирр Кавер. — Ну, уж нет, мы не отойдём отсюда ни на шаг, даже если нам придётся отдать жизнь за своё упрямство!

Солдаты, окружавшие их, согласно загомонили. Все, кто стояли на обороне этого места, истинно любили свою Родину, а прочие трусы, лицемерно снующие по безопасным участкам оборонительной линии, лишь прикрывали ложью своё равнодушие! Марта вдруг осознала, что только среди этих людей ей хотелось бы встретить свою гибель. Да, возможно, спустя годы никто и не вспомнит её имени, и род её прервётся, не оставив на земле и призрачного следа, зато её короткая жизнь будет полна смысла. На смерть!

– Смерть Империи! – завопила она, потрясая арбалетом в воздухе.

Истые патриоты подхватили её сумасшедший клич, и только командир промолчал. Марта видела, как на лбу у него собрались глубокие продольные морщины, словно ему неприятно было слышать проявления чуждой преданности – той, которую ему никогда не получить.

– Вы не понимаете, — тихо сказал он. — Это — наш единственный шанс спасти Кеб-лоно! Мы должны оставить позиции и отступить к центру!

– А что будет потом, Ваше Командирство? — не утерпел Бирр Кавер. — Что потом? Мы отступим к центру, позволим Империи войти в город и укрепиться на наших позициях? Их больше, чем нас, их гораздо больше! Что мы будем делать, когда они отобьют у нас все важнейшие высоты: мы будем драться за каждую улочку и каждую разваленную хибару, пока нас не прижмут к ратуше и не вырежут, как свиней?

— Я и сам не знаю, юный Бирр, — пробормотал командир, — но иного пути у нас пока нет.

– Есть, — вздохнула Марта, — но мы уже не сможем воспользоваться им.

Ворота вновь угрожающе сотряслись, налетевший затхлый ветер бросил им в лицо горсти щебня. Отсюда, сверху, всем им было хорошо видно, как небольшая группа рабов-оборотней подбегает к запертым Дебллам с огромным тараном. Хоть в чём-то командир был прав: скоро ворота падут. Сегодня уже одна высота будет завоёвана. Марта ощутила, как плечи её начинают опускаться, в пылу битвы, когда нельзя было ослаблять бдительность!

О чём она говорит? Зачем эта бдительность, когда всё... пройдено, кончено, побеждено? Она целый месяц обманывала сама себя, в чужих доспехах сражаясь на линии фронта в самой горячей её точке, она думала, что спасает город... Но город уже готов сдаться, он держится только на мужестве своих защитников, а она, увы, не всегда такая уверенная и непреклонная, какой хочет казаться.

«Нельзя плакать!» — сердито подумала она, закусив губу почти до крови. Ещё всё можно исправить... сдаваться нельзя! Она должна мстить, пока кровь ещё течёт в её жилах! Она — Марта Сауновски, её дед был героем Великой Войны! И она не посрамит его памяти! Она действительно сильная!

– Вы должны оставить высоту! Плюньте на Деблльские ворота, подумайте о своих семьях! — в попытке урезонить вышедшее из-под контроля войско командир неосторожно произнёс запретную фразу.

Головы всех солдат, чем бы они ни были сейчас заняты, медленно повернулись к нему. Марта прочла в их глазах ту же боль, что целый месяц скрыто терзала и её. Ни у кого здесь не было родных; все они погибли от рук Империи. Защитники Деблльских ворот не имели в этой жизни никаких иных целей, кроме мести, и им было всё равно, сколь долго продлится их век.

– У нас больше нет никого, кроме нашей чести и нашего города, — тихо сказал Бирр Кавер. — Если мы послушаемся Вас, Ваше Командирство, мы потеряем и то, и другое.

И бой закипел снова. Они отказались подчиняться дезертиру, готовому продать родную землю ради призрачного шанса на спасение. И смертники вновь встали плечом к плечу, и вновь они вскинули арбалеты, подтащили к крепостным стенам котлы с кипящим маслом. Кровавая битва кипела вокруг, а Марта уже не чувствовала ничего, будто её телом управлял кто-

то другой, а она оставалась безучастным наблюдателем. Ворота дрожали всё отчетливее, и, хотя она сбилась со счёта, стреляя во врагов со своей позиции, их не становилось меньше. Наоборот, казалось, что силы Империи неистощимы, в то время как защитники Кеблоно падают один за другим. Лишившись последней надежды, Марта прокричала в ухо стоящему рядом Бирру:

– Что нам делать? Как спастись?

– — Я думал, ты, Саллуни, ничего уже не ценишь, даже собственную жизнь, – пробормотал тот. – Я не командир, я только в детстве был стратегом, да и то, думаю, никудьшим.

«Кто же, как не я, должен помнить об этом», – с усталой улыбкой подумала

– Неужели у тебя нет никакого плана?

– — Почему, есть, – Бирр выпустил ещё одну стрелу и отшатнулся, уклоняясь от другой. – Нужно сменить позиции; полки Империи уже переместились, чтобы мы не могли достать их.

– На Северной Стене есть катапульта, – вспомнила Марта. – Но у нас нет камней, нам нечем стрелять в них! А без катапульты наше перемещение не даст нам никаких выгод!

– Зачем же камни, – хитро усмехнулся Кавер, – когда у нас есть жидкий огонь!

– Жидкий огонь? – удивилась Марта. – О чём ты говоришь, Бирр?

– — Саллуни, неужели ты не слышал об этом? Империя совсем недавно додумалась изобрести это оружие, и мы были бы в неведении до сих пор, если бы не обнаружили его формулу у пленного офицера!

– Пленный офицер? – Марта удивлённо вскинула брови. Она не помнила, чтобы группа диверсантов под её началом захватывала в плен хоть кого-

– Мои друзья поймали его вчера у ворот. Пара часов пыток — и он расколется, как орешек, – довольно хмыкнул Бирр. – Он расскажет нам, как...

Но его слова прервал громогласный рёв вражеских труб. Удивлённая Марта молча смотрела, как осаждающие оттаскивают тараны от ворот, воины покидают свои места и спешат на холм Седьмого Креста – туда, где укрепились имперские легионы. Она не находила адекватного объяснения этому неожиданному отступлению до тех пор, пока не бросила взгляд на потемневшее небо. В жаркой схватке миновал день, и солнце уже скрылось за горизонтом. Множество суток уже прошло так: в бесконечном страхе за свою жизнь, за жизнь своих боевых товарищей. Марта старалась не привязываться ни к кому из них, ведь это было не только опасно, но и больно. А вдруг их не станет? Вдруг...

Приподняв забрало шлема, она ударила себя по лицу: говорят, что это помогает избавиться от стресса. И, да, помогло: на несколько мгновений боль притупила страх. Когда же дискомфорт исчез, рядом с нею присел Бирр Кавер. Она поспешно надвинула забрало обратно на лицо: ей не хотелось, чтобы он узнал её. Одним из главных недостатков Кавера было его трепетное отношение к особам женского пола. Он выгнал бы Марту с оборонительной линии, даже если бы она была здесь последним бойцом!

– Саллуни? – тихо окликнул он. – Ты спрашивал меня о пленном офицере, помнишь?

– Помню, – кисло подтвердила Марта. – Ты так и не сказал мне, что вы сумели узнать...

– Тебе лучше услышать это самому. На деле он не сказал ничего особенного, кроме своего имени. Думаю, нам следует попытаться его ещё немного. Все имперцы слабые, они не умеют терпеть, ведь они не понимают, зачем им нужно молчать, когда можно рассказать всё и спастись. У них ничего важного в жизни нет, больше всего они ценят свою предательскую шкуру!

Марта сурово нахмурилась: её дед, Беонис Сауновски, был рождён в браке кеблонки и имперца. Но вслух она не сказала ничего, чтобы не возбудить случайно подозрений Бирра. Она замечала, что его косые взгляды, обращённые к ней, исполнены недоверия, и ей не стоило усиливать его.

– Так ты идёшь смотреть на офицера? – нетерпеливо спросил Бирр. – Надо пользоваться затишьем; вдруг этот пленник знает что-то, что могло бы спасти наш город?

«Вряд ли, – печально подумала Марта. – Кеблоно не спасёт никто, кроме нас, но наши силы уже истощились».

Тем не менее, она поднялась на ноги и последовала за Бирром вниз, во дворик, изрытый свежими следами падения двухтонных снарядов. На дне этих устрашающих воронок лежала спрессованная кровавая масса – тела тех погибших, которые ещё не успели убрать. Вороны с карканьем садились на трупы, погружая клювы в уже остывшую плоть. А ведь когда-то она была живой. Вот эта смешанная субстанция из крови, мяса и костей имела своё имя, свою жизнь, свои воспоминания. Но кто теперь может сказать, чем дышал этот человек? Его душа улетела в Измерение Мёртвых, улетела навсегда... раньше положенного срока. Вот она, война во всей её красоте! Что есть хорошего в битве? Потoki крови, сотни загубленных жизней... А кому-то нравится сражаться. Проходя мимо стенающей старухи в чёрном вдовьем одеянии, Марта вдруг испытала неимоверное желание подвергнуть пленного офицера зверским пыткам. Пусть попробует вынести хоть сотую долю того, что выносили здесь они! Чтобы скорее сократить разделявшее их расстояние, она ускорила шаг. Бирр, мрачный, как безлунная ночь, шёл впереди неё. Остановившись у противоположной стены, он рывком распахнул старую ржавую дверь и велел:

– Входи.

Марта вступила под мрачные чёрные своды, и мгла обволокла её непроницаемым чёрным плащом. Спустя пару секунд она сумела различить над собой скобу с потухшим факелом, оплетённые плесенью стены и извилистый земляной коридор, уводящий куда-то вглубь городских укреплений. Протиснувшись мимо неё, Бирр твёрдо взял её за руку и повёл за собой. Он ориентировался в этой темноте так свободно, словно родился здесь. Следуя за ним, Марта безмолвно удивлялась.

Шаг за шагом в гнетущей темноте начинал действовать ей на нервы. Когда вдали показался свет и послышались громкие мужские голоса, она так обрадовалась, что сердце чуть не выскочило у неё из груди. Наконец-то, люди! Марта стремительно проскользнула в кружок света следом за Бирром...

И зажмурилась: тусклых лучей затухающих факелов оказалось достаточно, чтобы временно ослепить её. Пока девушка приходила в себя, Бирр непринуждённо болтал с охранниками. В черноте, окружавшей её, его голос казался потусторонне далёким.

– Что, молчит? – спросил он.

– Если бы!

Этот знакомый раскатистый бас принадлежал Весту Айрену. Вест, ровесник Марты и Бирра, когда-то тоже был товарищем их детских игр. Тогда он брал на себя роль палача: у него лучшие всех получалось казнить кексы резким взмахом кухонного ножа. Вспомнив о его невероятной силе, Марта представила себе, каково сейчас приходится офицеру, и про себя злорадно усмехнулась.

– Однако крепкий пленник попался! – удивлённо воскликнул Бирр. – Я думал, он уже поёт, как канарейка.

– Поёт, – подтвердил ещё один друг детства Марты, Венис Упульма. Много лет назад он в их играх исполнял роль тюремщика. – Только песни его состоят из брани. Этот офицер клянёт нас так, как не всякий неварец сможет!

– Пригрозите ему, что вырежете его грязный язык или зальёте ему в глотку расплавленный свинец! – свирепо фыркнув, предложил Бирр. – Тогда заговорит!

– Я был бы глупцом, если бы уже не пытался выбить из него информацию угрозами, – сумрачно хмыкнул Вест. – Офицер плюнул мне в лицо и ответил, что мы не сделаем этого,

ведь именно из-за его языка мы сохраняем ему жизнь. Вообще, впервые вижу такого наглого имперца. Он ничего не боится.

– А вот теперь мне действительно хочется взглянуть на него, – проговорил Бирр. – Саллуни! – позвал он. – Идём!

Решив, что теперь можно открыть глаза, Марта несмело взглянула на мир. Вест и Венис, оба здоровенные амбалы ростом под два с половиной метра, стояли на страже единственной подземной камеры. За костяной решёткой, забрызганной свежей кровью, клубилась чернота, и потому девушка не могла разглядеть ни темницу, ни сидящего в ней пленника. Зато до её ушей доносились цветистые имперские проклятия, исполненные такой ненависти, какую Марта никогда не слышала ещё в голосах своих врагов. Видимо, этот офицер был предан своей Короне так же, как и они преданы своему городу.

Отлично, теперь у неё появился ещё один мотив убить этого мерзавца медленно и с наслаждением. Придется, наверное, встать в очередь, поскольку Вест, Бирр и Венис тоже мечтают приложить руку к этому благому деянию. Между прочим, палач и тюремщик уже успели осуществить часть своей мечты: Марта заметила пятна свежей крови у них на доспехах. «Интересно, сколько же ещё осталось жизни в этом офицере?» – отвлечённо подумала она.

Судя по его фанатичной ругани, жизни в нём достаточно. Куда больше, чем в любом из них.

– Саллуни! – нетерпеливо позвал её Бирр. – Ты не можешь пропустить это зрелище!

Девушка торопливо подбежала к ним, бряцая своими старыми, забрызганными кровью латами. Вест снял с пояса ключи, вынул из скобы факел и отворил камеру. Тускло-оранжевый круг света упал на земляной пол. Четверо товарищей медленно, по одному, протиснулись в узкие двери и встали плечом к плечу, внимательно изучая прикованного к стене пленника.

Марта поражённо вздохнула. Вглядываясь в это лицо, она изумлённо повторяла про себя: «Как же он молод...»

Офицер, сидевший прикованным у дальней стены подземной камеры, казался немногим старше Марты: на вид ему было около девятнадцати лет. За время, что он провёл в заточении, его новенький дорогой мундир с высоким стоячим воротничком и блестящими эполетами истрепался и испачкался. Ещё не высохшая вишнёвая кровь, как пролитое вино, темнела на шитых золотом рукавах, стекала по выпуклым серебряным пуговицам. Кажется, офицера больше беспокоило состояние его мундира, чем собственная жизнь: Марта видела, с каким недовольством и яростью он косится на кровавые дорожки, словно обвиняя собственный организм в том, что тот не может залечивать раны моментально. Пару раз юноша дёрнул рукой, пытаясь стряхнуть с коленей пыль. Но кандалы мрачно звякнули, и его ободранная до крови ладонь уныло повисла. Он смерил вошедших людей испепеляющим взглядом, от которого Марте даже стало немного не по себе. Впрочем, в то же мгновение страх сменился возмущением. Пленный офицер в своём новеньком мундире выглядел куда внушительнее, чем они, облаченные в древние, запачканные кровью латы. «Но сейчас он в проигрыше, – злобно подумала девушка. – Ему придётся признать, что он повержен».

– Вот он, наш пленник, – с нескрываемой издёвкой в голосе проговорил Вест Айрен. – Поздоровайся, мальчик, не стесняйся. Они пришли пытать тебя.

Офицер гордо вскинул голову, нагло выпятив подбородок. Черты его побледневшего лица презрительно исказились, а из его горла вырвалось:

– Ещё чего захотел!

– Венис! – повелительно крикнул Вест.

Упультма, как ветер, подскочил к пленнику и затянул кандалы у того на руках. Послышался неприятный хруст, как будто от ломающихся костей, и прикованный офицер побледнел ещё больше. Сквозь алое сукно мундира у него на запястьях проступили кровавые дорожки.

Но он не шевельнулся, он не произнёс ни звука. Хотя Марта возненавидела пленника в ту же минуту, когда узнала о его существовании, она не смогла отвергнуть от своей души уважение к нему. Сильные люди всегда испытывают друг к другу почтение, даже если они – смертельные враги. А Марта привыкла считать себя сильной.

– Ну, теперь будем разговаривать вежливо? – кровожадно осведомился Вест. – Думай быстрее, парень, не то мы с Венисом решим всё за тебя.

На этот раз офицер не удостоил их даже беглым взглядом. Отвлечённо изучая кровавые следы на своём мундире, он молчал.

– Венис, теперь неси сюда расплавленный свинец, – велел Вест, подходя к пленнику.

Упьюльма как будто испарился: неслышно и незримо он сбегал за чаном со свинцом и так же незаметно вернулся. Офицер искоса стрельнул взглядом в сторону чана. Марта заметила, что в его тёмных глазах отразилось истинное презрение, словно он был палачом, а они все – пленниками.

– Лей ему на физиономию, – приказал Вест. Обращаясь к офицеру, он с притворным сожалением произнёс: – Эх, парень, если ты выживешь, у тебя возникнут немалые проблемы с выбором жены...

– Я не боюсь никого из вас, предатели, – высокомерно выплюнул пленник и обвёл их дерзким взглядом.

– Ух ты, я и не знал о себе таких подробностей! – вдруг заговорил Бирр. Повернувшись к Венису, он попросил: – Пока не трогай. Я хотел бы поговорить с ним о формуле жидкого огня...

Впервые Марта увидела, как по лицу пленника протянулась гримаса сожаления. Впрочем, в следующее мгновение он уже взял себя в руки и процедил сквозь зубы:

– Без меня вы не сможете воспользоваться формулой, у вас не хватит ума расшифровать её самим.

– Ты думаешь? – удивился Бирр. – Хорошо, я понял, что ты молишь о пощаде. Но, знаешь ли, в нашем войске есть умные люди, ты далеко не единственный в стране, кто умеет смешивать эликсиры. Я могу приказать этим ребятам, – он махнул рукой в сторону Веста и Вениса, – убить тебя, и они сделают это с радостью. Но, если ты расскажешь нам, что ты делал вчера под нашими стенами, я пощажу твою жалкую жизнь, хоть она того и не стоит.

– Я не предатель и не трус! – проговорил офицер. – Я не такой, как вы.

– Верно, ты мерзавец, а мы – нет, – вклинулся Вест. – Хватит, Бирр, этот гад всё равно ничего не скажет. Давай убьём его!

Марта молча смотрела, как медленно склоняется голова Кавера в знак согласия, как Венис с готовностью подтаскивает чан со свинцом к пленнику. Офицер вздохнул, закрыл глаза и пробормотал себе под нос несколько ругательств. Даже перед лицом смерти он не желал сдаться.

– Будьте вы прокляты, все вы, – отчётливо сказал он и снова смерил своих тюремщиков испепеляющим взором.

– Спасибо на добром слове, – язвительно протянул Бирр. – Пора кончать с ним, ребята.

Марта оставалась так же нема и неподвижна, хотя голос жалости внутри молил её заступиться за пленника. Но зачем? Зачем? Ведь он – надменный, отвратительный вражеский воин, его смерть стала бы маленькой отплатой за гибель всей семьи Сауновски! Нельзя было щадить противников только потому, что у них длинный язык, железная выдержка и красивые глаза. Нельзя! Настоящие защитники Кеблоно, те мужчины, на которых ей хотелось равняться, так не поступают!

Но внутри Марты уже проснулась чуткая и добрая женщина. Девушка печально вздохнула: «Наверное, я схожу с ума» и, сдёрнув шлем с головы, бросилась к офицеру.

– Оставьте его в покое! – закричала она, расталкивая товарищей в стороны.

Глаза Бирра изумлённо округлились, у Веста отвисла нижняя челюсть, а Венис едва не вылил на себя расплавленный свинец. Лицо офицера тронула надежда, когда он всмотрелся в Марту и понял, что она решительно встаёт на его защиту.

– Сауновски? – одновременно выдохнули друзья её детства. – Ты?!

– Я, – мрачно признала девушка. – Не смотрите на меня так! Моя семья погибла, мой город таранят имперцы! Я не могла не воспользоваться шансом и не пойти оборонять свои родные стены!

– Но... твоей жизни грозит опасность! – возмущённо вскрикнул Бирр. – Марта, женщины не должны находиться на линии фронта! Уходи отсюда, а мы пока разберемся с офицером!

Мягко взяв её под локоть, Бирр осторожно подтолкнул её к выходу. Но Марта упёрлась, крепко схватившись за скользкие от крови кандалы имперца. Пленник сквозь зубы взвыл от боли. Вздвогнув, Марта на секунду ослабила хватку, но, стоило Бирру сжать её руку крепче, как она вновь твёрдо сомкнула пальцы.

– Не пойдёшь! – твёрдила она. – Я хочу поговорить с пленником наедине!

Переглянувшись у них за спиной, Вест и Венис раскатисто расхохотались. Марта поняла, что значит этот смех, и невольно залилась стыдливой краской. А офицер снова вызывающе ухмыльнулся.

– Марта, нельзя, – возразил Бирр, не отпуская её руки, – это запрещено!

– Отстань, Кавер! – крикнула она. – Я всё решаю сама! Если вы сейчас же не уберётесь отсюда, я лишу вас удовольствия убить пленника собственноручно!

В доказательство своих слов она продемонстрировала им блестящий стальной ножик. Острое, как бритва, лезвие зависло над горлом офицера. Мужчины затаили дыхание, с ужасом наблюдая, как пальцы Марты начинают разжиматься.

– Нет... – вздохнул Кавер.

Вест стремительно шагнул к ней, и ножик повис, качаясь, сдерживаемый только её согнутым указательным пальцем.

– Марта, положи нож, – прерывистым голосом попросил Вест.

– И не подумаю, пока вы не сделаете то, что я велела, – хмыкнула девушка. – Не пытайся приблизиться! Если хоть кто-то из вас подойдёт ко мне, пленник умрёт.

Она не могла не испытывать внутренней гордости, наблюдая за тем, как мужчины обречённо обмениваются взглядами. Она победила их, но они, в силу своей гордости, не признавали это столько времени, насколько у них хватило терпения.

Наконец, Бирр первым выпустил её руку и отступил назад.

– Хорошо, – выдохнул он. – Идём, ребята. Думаю, Марта не станет делать то, что ей запрещено.

– Слышала? – злорадно рассмеялся Вест. – Не надо давать ему поблажек, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Я не обнимаюсь с врагами, Айрен, – жёстко возразила она.

– Я лишь предупредил, – с невинным видом произнёс тот. – Ты же знаешь, женщины легко поддаются на уловки красивых парней в мундирах...

– Пошёл прочь, – оборвала она его, пресекая, таким образом, все дальнейшие споры.

Трое парней неохотно потопали к выходу. Вест уносил факел с собой: это была одна из очередных его провокаций, и Марте пришлось повестись на неё, иначе она осталась бы наедине с офицером в темноте.

– Вест! – злобно крикнула она.

– Я думал, вам не понадобится освещение, – спокойно ответил Айрен, но всё-таки воткнул факел в скобу и вышел из камеры следом за Бирром. – Когда тебе наскучит общество нашего пленника, позовёшь нас! – напутствовал он её и скрылся в коридоре.

«Если ты расслышишь мой зов», – подумала Марта. Вест Айрен был туговат на ухо с тех пор, как в детстве случайно забрёл в зону магического усиления звука. Впрочем, сейчас его глухота служила Марте хорошую службу: палач не мог услышать, о чём она будет говорить с пленником.

Если из этого пленника получится выдавить хоть слово. Отвернувшись, офицер хранил гордое молчание. Струйка крови текла у него по лицу. Хотя Марте нестерпимо хотелось стереть её, она невероятными волевыми усилиями заставляла себя стоять на месте. Если товарищи сейчас тайком наблюдают за ней (а они, разумеется, делают это), потом она не сможет убедить их, что вид крови вызывает у неё тошноту. Воспоминания о погибшей семье вернулись, стоило ей взглянуть в глаза офицеру. И это вновь разожгло в ней огонь, это вновь заставило её взять себя в руки.

– Как тебя зовут? – деловито осведомилась она.

Пленник чуть заметно шевельнулся.

– Ноули Виллимони, – по-военному чётко отрапортовал он. – У тебя есть ещё вопросы, или ты пришла посмотреть на меня?

– Таких негодяев, как ты, я вижу каждый день с Деблских укреплений, – сухо ответила Марта. – Это нельзя назвать захватывающим зрелищем. Виллимони – знатная фамилия. Ты сам дослужился до офицерского звания, или родственники помогли?

О, как приятно ей было видеть на физиономии Ноули пламя возмущения! Она была уверена: если бы его не сдерживали цепи, он задушил бы её за возникшие подозрения.

Однако офицер был скован, и поэтому ему пришлось ответить:

– Я добился всего сам! Её Величество Влеона собственной персоной даровала мне отличительные воинские знаки!

– И чем же ты заслужил её милости? – стараясь скрыть бушевавшее внутри презрение, спросила Марта.

– Я воевал под стенами вашего предательского города, на моих руках-кровь сотни твоих сотоварищей! Вы спекулируете оружием, продавая его вражеским странам, ваши шпионы собирают информацию для наших заморских противников! Я поклялся ненавидеть вас, подлых продавцов собственной родины!

Пока мальчишка говорил эти крамольные вещи, Марта видела, что в его глазах проскальзывают молнии, а впалые щёки наливаются яростным румянцем. Он верил в эту низкую, мерзкую, подлую ложь! Как же она пожалела, что не позволила Бирру, Весту и Венису убить его! Чан всё ещё стоял здесь, но её сил не хватило бы, чтобы поднять его и вылить его содержимое на пленника. А ей так хотелось бы увидеть, как он скорчится в смертельной агонии! Ей хотелось заставить его прочувствовать истинную боль...

Но она была всего лишь слабой женщиной, к тому же безоружной: свой меч и арбалет она оставила на пороге тюрьмы, а Вест, Венис и Бирр, уходя, отобрали нож, словно боялись, что она убьёт пленника, едва оставшись с ним наедине. Поэтому ей не оставалось ничего иного, кроме как размахнуться и отвесить Виллимони знатную пощёчину.

Голова его резко мотнулась вправо, из губы потекла кровь. Марта с удовольствием наблюдала, как на его щеке медленно появляется пуницовое пятно от удара, в который она вложила всю свою силу и всю свою ненависть к нему.

– Слушай меня, гадкий имперец! – рявкнула она, сжав кулаки. – Не смей говорить о нашем городе такие вещи! Кеблоно никогда не предавал свою Родину; наши уроженцы служили Короне по мере своих сил, пока та не стала ущемлять наши права! Мы были автономной республикой в составе Авалорши, но тут в министерское кресло сел Гай Фолди! Он подбил Короля и Королеву напасть на нас без предупреждения! Но, как бы вы ни были ненавистны нам, мы не стали бы предавать свою Родину, сотрудничая с иностранцами! Предатели – вы, убийцы собственного народа! Запомни это, Ноули Виллимони!

Виллимони молчал, прожигая её насквозь скептическим взглядом.

– Я не знал об этом, – холодно обронил он.

– Жаль, – в тон ему ответила Марта. – Я ненавижу тебя всей душой.

– Я тебя тоже, – хмыкнул офицер и дёрнулся, отгоняя залетевшую в камеру муху.

Покружив над ним, муха беззастенчиво уселась на свежую рану на его лбу. Ноули нервно ёрзал в своих кандалах, но не смел просить врага о помощи. Эта картина напомнила Марте о семье: тело Лениш, забросанное обвалившимися балками и расколотыми кирпичами, лежит на чёрной земле, и жуужсающие мухи витают вокруг. Мухи, эти гадкие падалыцики, пьют вытекающую из ран кровь, а перепуганная Марта стоит рядом, парализованная ужасом.

Она резко встряхнула головой: на мгновение ей показалось, что она вернулась в прошлое вновь, и мухи облепляют не противного офицера Виллимони, а её близких людей. «То, что было – прошло», – мысленно сказала она себе и отогнала муху от раны врага.

Взгляд Ноули показался ей удивленным, и – на полчутьки – благодарным.

– Зачем? – глухо спросил он.

– Не знаю, – коротко ответила Марта. Помолчав, она спросила: – Теперь, после моих слов, ты ещё считаешь нас бандитами и спекулянтами?

Ноули долго собирался с мыслями, а она, как дура, втайне надеялась, что его ответ будет отрицательным. Но он поднял голову и твёрдо ответил:

– Да.

– Зря, – прошелестела Марта. – Я поняла, что ты мог бы быть толковым парнем. Отстаивай ты с нами Кеблоно, я стала бы твоим другом. Но Империя испортила тебя. Прощай.

– Ты собираешься убить меня? – заинтересованно спросил Виллимони.

Она не услышала в его голосе и капли страха, словно он даже был рад наконец-то отправиться в Измерение Мёртвых. Нет, этот парень определённо достоин некоторой доли уважения – хотя бы за своё непоколебимое мужество. Марта шёпотом спросила:

– Ты не боишься?

– Не боюсь, – самоуверенно ответил Виллимони. – Я вижу, что умру от руки справедливого человека – о твоих товарищах этого не скажешь. Ну, что ты медлишь? Я же твой враг, убей меня!

– Мои товарищи – замечательные люди, – свирепо отрезала Марта. – А убивать тебя я не стану. Мне не хочется пачкать руки о такую крысу, как ты. Пусть Вест и Венис уморят тебя пытками, мне всё равно.

– Я думал, у тебя хватит смелости сделать это самой, – издевательски рассмеялся офицер. – Оказалось, ты всего лишь трусливая слабая девчонка.

Против её воли внутри неё разгорелся яростный огонь. О, если бы она была глупее, она уже незамедлительно повелась бы на эту грубую провокацию и задушила бы парня даже без перчаток. Но Марте хватило сообразительности, чтобы распознать блеф, взять себя в руки и успокоиться. Она постаралась улыбнуться офицеру с тем же презрением, с каким он улыбался ей.

– Да, я девчонка, – проговорила она, – но я не слабая и не трусливая.

Офицер вновь промолчал: то ли он не хотел, то ли не знал, что ответить ей. Печально вздохнув, Марта отстранилась от него. Почему-то ей совсем не хотелось уходить; ей казалось, что Виллимони только ей раскроет секретную формулу жидкого огня.

В наступившей тишине неожиданные слова пленника удивили её. Впервые она не слышала в них ни капли привычного яда, он говорил с усталой мольбой:

– Слушай... Сауновски, ведь так?

Она утвердительно кивнула. Облизнув пересохшие губы, Виллимони торопливо заговорил:

– Знаю, мы враги. Но у вас тоже принято исполнять последнее желание умирающего! Возьми у своего дружка Айрена фиолетовый мешочек с печатью «КМЛ» и передай его девушке по имени Байна Санна, она должна жить в этом городе на улице Серебряных Колоколов, в девятом доме.

– Я не стану делать это, – отрезала Марта. – Ты враг мне, а твоя девушка проживёт и без твоих денег.

– Это не деньги! – воскликнул офицер. – Это... это – её шанс спастись из Кеблоно! В мешочке лежит имперский пропуск на моё имя и на имя всех моих родственников. Я сам назвал бы себя гадом и трусом, если бы бросил свою сестру в беде. Пожалуйста, Сауновски, я не смогу умереть спокойно, пока Байна будет в опасности! Я надеялся, что смогу проникнуть в город и вывести её, а теперь... – вздохнув, он снова нацепил маску самодовольной наглости и фыркнул: – Что ж, было бы глупо надеяться на помощь бандитки. Забудь и уходи отсюда.

– И ты будешь мне приказывать? – Марта не прекращала поражаться наглости этого офицера. – Ты – пленник!

– Пленники – все мы, – загадочно ответил офицер. – Кто-то – физически, а кто-то – морально. Вот ты, например, сидишь в окопах своей узколобости и агрессивности и даже не желаешь высвободиться из них. Бросать вызов Империи нельзя, Сауновски. Ты плохо кончишь, помяни моё слово.

– Не собираюсь, – высокомерно ответила она, – ведь ты не пророк и не умеешь читать судьбы. Прощай, Ноули Виллимони. Пусть твоя смерть будет мучительной.

Офицер молча зыркнул на неё исподлобья и снова дёрнулся: муха уселась к нему на сломанные запястья. Но в этот раз Марта не стала помогать ему. Он – её враг, она должна ненавидеть его всей душой, как ненавидит его собратьев, что толкуются под стенами Кеблоно. Странно, но ей казалось, что Виллимони не похож ни на одного из тех пленных имперцев, что они раньше пытали в тюрьмах. В этом офицере было что-то... необычное...

Даже если бы он был последней интересной личностью во всех трёх Измерениях, Марта не пощадила бы его. Круто развернувшись, она подошла к решётке и требовательно забарабанила по ней. Вест и Венис возникли в коридоре так неожиданно, будто перенеслись сюда по воздуху. Ключи звякнули в воздухе, ухмылки возникли на лицах парней, и вот уже она протолкалась мимо их здоровенных туш на волю. Только очутившись за пределами камеры Виллимони, она почувствовала в полной мере радость свободы. Там, вокруг пленника, витал запах крови, страдания и страха. Она бы сошла с ума, если бы осталась рядом с ним ещё пару минут. Но в то же время ей не хотелось покидать его. Разговор с Ноули ещё ярче разжёл пылавший в ней огонь фанатизма. Марта не знала, почему, но этот офицер своими наглыми выходками заставлял её чувствовать себя живой. За два месяца осады она настолько привыкла к военным будням, что уже почти перестала тратить нервы хоть на что-нибудь. Наверное, она стала бы безразличным ко всему кремнем, если бы не встретила Виллимони. Да, он – враг, но это не мешало ей уважать и ненавидеть его одновременно. Жаль только, что не все её друзья были способны понять эти странные чувства.

– Что, понравился парень? – деловито осведомился Вест, запирая камеру.

Из-за решётки послышалось многозначительное покашливание: Виллимони внимательно ловил каждое их слово. Марта презрительно сморщилась:

– Думаю, нет. Этот пленник – редкостная скотина, которая, наверное, даст фору даже Гаю Фолди.

– Ты оценила нашего мальчика слишком высоко, – рассмеялся Венис. – Да, он мерзок, но до уровня министра всё же не дотягивает.

– Даже если бы он был Принцем, это не повлияло бы на его судьбу, – неумолимо пророчески сказал Айрен. – Ты согласна казнить его? Поверь, он заслуживает этого.

Марта молчала, нерешительно поглядывая в сторону опущенной решётки. Она должна была дать утвердительный ответ, она должна переступить через свою жалость! И почему же она не может быть такой твёрдой и уверенной в себе, как парни? Видимо, они правы, и женщины действительно не умеют воевать.

«Что ж, – вздохнула она, – я принадлежу к слабому полу по праву рождения, и даже самое сильное желание не превратит меня из девушки в юношу. Значит, мне не стоит противиться своему сердцу: вдруг в следующий раз оно уже не сможет посочувствовать?!»

Эта мысль испугала её, вонзившись в душу ледяными осколками. Подняв взгляд на сумрачные лица Веста и Вениса, пересечённые шрамами-близнецами, она тихо проговорила:

– Оставьте Ноули в живых.

– ЧТО?!

Одинаковые физиономии друзей исказились в одинаковых удивлённых гримасах. Наконец, Айрен первым сумел отойти от шока. Когда он заговорил, его привычный бас неожиданно сорвался на мальчишеский тенор от волнения.

– Марта, твой Ноули – имперец! Он убил бы нас, попадись мы ему в руки! Что такого он сказал тебе, раз ты вдруг сжалась над ним?

– Он лишь ослеплен, – твёрдо произнесла Марта. – Империя ввела его в заблуждение фальшивыми историями о наших преступлениях! Он... он не виновен.

– Марта, иногда ты поступаешь как последняя дура, – недовольно пробурчал обычно спокойный и неразговорчивый Венис. Марта поняла, что её поведение начинает всерьёз раздражать друзей, иначе Упульма не отчитал бы её. Но их осуждение не сумело поколебать её решимость.

– Пусть Ноули и имперец, пусть он и враг, пусть я и дура, но я буду настаивать на том, чтобы вы оставили его в живых. Он действительно невиновен, он стал жертвой обмана. Я вижу это!

– Ты – девчонка, а девчонкам легко задурить голову, – усмехнулся Вест. – Даже Бирр признал, что твои суждения не всегда бывают верными, как у нас, у мужчин, – последние два слова он отпечатал, будто на станке, зная, что ему удастся задеть самое слабое место Марты. – Иди отсюда, а мы уж сами разберёмся, виновен твой «замечательный» офицер или нет. На нас не действуют печальные вздохи и умоляющие взгляды.

– Вест, ты... – она задохнулась от возмущения. – Не смей так думать обо мне! Я не тряпка, я не поведу на такие грубые уловки!

– Я допускаю, что они могли быть и тоньше, – улыбнулся Айрен. Он хотел было сказать ещё какую-нибудь колкость, но, заметив, как изменилось её лицо, благоразумно решил промолчать. После пары секунд, улетевших в Вечность в тишине, он сказал уже серьёзно: – Марта, иди. Бирр ждёт тебя у Деблских ворот.

– А Ноули?

– О твоём Ноули мы позаботимся, не волнуйся, – нетерпеливо бросил Венис. Кажется, ему уже не терпелось спровадить Марту отсюда.

Но она не могла уйти: ощущение невыполненного долга тяготило её душу. Всмотревшись внимательнее в суровые, грубые, как будто высеченные из камня, черты Айрена, она вспомнила о словах офицера и несмело попросила:

– Вест, отдай мне ту вещь, которую забрал у пленника.

Брови друга поражённо собрались домиком на его горбатой переносице.

– С каждой минутой ты поражаешь меня всё больше, – шёпотом произнёс он. – Почему я должен отдавать тебе вещь офицера? Он сам заберёт её, если, конечно, сможет...

– Он просил меня, Вест, – так же тихо ответила Марта. – Ты прав, он может уметь. А просьбы умирающих исполняются по закону чести! Все в Авалории соблюдают его!

Виллимони хотел, чтобы я взяла из его мешочка имперский пропуск и отдала его сестре. Он пытался вывести её из Кеблоно, спасти её! У него тоже есть сердце, Вест...

– Слезливая сказка для доверчивых девушек вроде тебя, – нагло улыбнулся палач. – Марта, неужели ты готова верить всему, что говорит имперец? Они обманывают с той же лёгкостью, с какой просыпаются по утрам!

– В некоторых случаях, – вздохнула Марта, – даже имперцы бывают честными. И этот случай – один из таких.

– Хорошо, хорошо, я понял, – гримаса неудовольствия исказила лицо Веста, когда он запустил руку в свой глубокий карман в поисках мешочка офицера. – Только предупреждаю тебя: ты ещё пожалеешь о своём благородстве.

– Айрен, – железным тоном промолвила Марта. – Ты должен!

– Ах, да, я, как один из последних представителей вымирающего рода честных и справедливых дурачков, должен помогать своему врагу потому, что того требует старинный неписанный закон, который уже никто, кроме нас, не соблюдает! – неожиданно взорвался Вест. – Забирай этот мешок, чтоб глаза мои его не видели!

Резким движением вытащив из кармана грязный фиолетовый свёрток, он швырнул его Марте в руки. Девушка пораженно хлопала глазами: она никогда не видела Веста, спокойного, язвительного, немного надоедливого добряка Веста в такой ярости. «Война вытянула из нас все наши силы, – осознала она. – После того, как наша родина предала нас, мы никому не можем поверить вновь. Из-за этого нам так плохо, из-за этого мы теряем остатки самообладания. Я тоже уже не та, кем была ещё месяц назад...»

Вест переводил дыхание, медленно поглаживая рукоятку меча. Бросив мимолётный взгляд на вздувшиеся голубые вены у него на массивных кулаках, Марта представила себе на миг, что может случиться, если он выйдет из себя, и мысленно содрогнулась от леденящего кровь ужаса. Война – это война, здесь нельзя доверять даже тому, кто плечом к плечу с тобой рядом обороняет родной город. Ведь однажды Кеблоно предали те, от кого предательства вовсе не ждали. Марта с грустью всмотрелась в фиолетовый мешочек офицера, лежащий у неё на ладони, будто крохотный беззащитный ребёнок. И неужели предсмертная просьба врага стоила ссоры с другом? На какой-то момент ею овладела непростительная слабость, и она захотела вернуть свёрток Весту, чтобы он простил её. Ведь, забери она вещь офицера, друг окажется потерян для неё навсегда...

«Иногда приходится жертвовать даже тем, что тебе дорого», – решительно сжав губы, подумала Марта и крепче стиснула мешочек в кулаке.

Она видела, как огорчённо опускаются массивные плечи Айрена. В одну секунду он из взрослого, сильного человека превратился в оскорблённого, задетого ребёнка, и в эту секунду ей стало истинно жаль его. Но она не отступила бы от принятого решения ни в коем случае. Она обещала офицеру позаботиться о его сестре. Вест перестал бы уважать её, если бы она не сдержала данного слова и бросила беспомощную невинную девушку на произвол судьбы. Пусть злится. Со временем он поймёт, что она поступила правильно.

– До встречи, Айрен, – одними губами проронила Марта.

– Прощай, – медленно, хором ответили Вест и Венис.

Но она не слышала в их словах прежнего доверия и дружеского участия. Сознать, что дорогие люди беззаботного детства теперь потеряны для неё навсегда, было невыносимо тяжело. Сказать, что ей было больно, значит не сказать совсем ничего. Покидая подземные тюрьмы в страдающем одиночестве, с едва тлеющим чадным факелом в руках, она чувствовала, как жгучее раздражение режет глаза. Но то было вызвано не едким дымом, а внутренними терзаниями. Лишь однажды в жизни она чувствовала себя так же плохо, как и сейчас: тогда, когда потеряла семью. Однако былую боль было не сравнить с нынешней. От той, первой, лекарством выступала месть, а здесь и сейчас она не знала, что нужно сделать, чтобы

исцелить свою душу. И уже в который раз Марта с сожалением подумала: а стоили ли этот нахальный выскочка-офицер и его сестра принесённой жертвы, ведь они даже не отблагодарят её?

Крепче сжав мешочек в кулаке, она упрямо вскинула голову в том жесте, который, она знала, раздражал многих, и тихо, но твёрдо произнесла, убеждая саму себя:

– Да. Я всё сделала так, как от меня требовали моя честь и моя совесть, пусть офицер и не заслуживал моей помощи.

Холодный пронизывающий ветер, налетевший со стороны Седьмого Креста, помог ей привести эмоции и мысли в порядок.

«Всё, хватит сомневаться. То, что сделано, уже сделано, а возврата в прошлое не существует. Следовательно, хватит забивать себе голову пустыми проблемами и перегружать сдающие нервы. Мужчины всегда думают, что их поступки правильные, так почему же женщины не имеют этого права?»

Марта закусила губу, вновь надела шлем и опустила забрало на лицо. Сейчас, находясь в безликом железном панцире, она будет такой же, как и окружающие её смертники – равным с ними мужчиной. Пусть Бирру, Весту и Венису известна её тайна, но они её не выдадут. Значит, она сможет достойно умереть на страже Деблльских ворот, когда имперские легионы двинутся на штурм на рассвете.

Подняв голову, Марта пристально всмотрелась в раскинувшееся над ней чистое тёмное небо. Сколько лет прошло с тех пор, когда она, ещё ребёнок, видела наверху лёгкую руку Магии и верила, что её защита здесь, рядом? С тех пор многое изменилось; Марта повзрела и узнала жестокость и несправедливость этого холодного мира. Теперь она не могла признать существование Магии, ведь то, что происходило с нею в последнее время, было слишком тяжело, чтобы в это можно было поверить, чтобы это можно было принять. Казалось, с течением лет сверхъестественное вмешательство в её судьбу самоустранилось, точно чья-то повелительная рука, в короткие мгновения из родственно тёплой сделавшаяся недружелюбно холодной, вытолкнула её в большой мир безо всякого права на поддержку. Это научило Марту быть сильной и полагаться только на себя. Всегда ей удавалось выпутываться из проблем самой, но именно в это мгновение, когда неминуемая смерть дышала в затылок, она вновь ощутила себя беспомощной и слабой. Где же Великая Госпожа Магия, когда она так нужна? Марта знала, что её слезы сейчас неуместны и выглядит она глупо и жалко, но остановиться не могла. Впервые за долгие месяцы, прошедшие с момента гибели семьи, она дала волю чувствам. Неделю за неделей она убеждала саму себя, что она сильная, она справится, но в эту минуту вдруг осознала, что целый месяц занималась самообманом. Она казалась бесстрашной, она сражалась на передовой наравне с мужчинами, она теряла друзей, получала раны, попадала в смертельные опасности, но сегодня она проиграла. Разговор с Ноули Виллимони стал для неё последней каплей. Он поклялся ненавидеть всех кеблонцев, ...но что плохого они сделали ему, чтобы у него появился достойный повод произносить такие громкие слова? ПОЧЕМУ?! От осознания всей униженности своего положения Марте вновь захотелось заплакать. Вспоминая вновь и вновь колючие слова пленного офицера, она горестно недоумевала про себя: «Неужели мы действительно так плохи? Мы были обычными людьми, пока мерзавец Фолди не развязал войну и не восстановил против нас жителей Авалории! Теперь нас ненавидят все, хотя мы заслуживаем этих чувств менее, чем наши враги! Почему всё должно быть именно так? Неужели эта страшная война – кара за что-то ужасное? Или это испытание, которое должно закалить наши души? Но в чём виновны дети? Старики? Несправедливость витает повсюду...»

Даже звёзды, холодные красавицы звёзды, освещавшие Марте её нелёгкий жизненный путь, сегодня выглядели безучастными и жестокими, как и всё вокруг. Нигде она не находила

себе поддержки: ни на земле, ни на небе. Может, это значит, что она уже успела где-то ошибиться, раз никто не хочет помогать ей?

«Помощи неоткуда ждать, ты должна добиваться всего, чего хочешь, сама». Марта снова закусила губу, так сильно, что по подбородку потекла кровь, но не почувствовала боли. Словно всё в ней, даже душа, оледенела. Марта печально вздохнула, обращая умоляющий взор к Астрели – самой яркой из Трёх Звёзд, под которой она родилась. «Подскажи, что делать! – мысленно вскрикнула она. – Мне так плохо, что я могу умереть от горя! Хоть раз прояви своё милосердие, докажи, что ты действительно охраняешь меня!»

И, будто сверху снизошло то, о чём она просила, среди чистого синего свода небес показалось бледное, прозрачное, как у призрака, лицо Ноули Виллимони. Пленный офицер лукаво улыбнулся Марте и прижал руку к груди. Она заметила, что пальцы его призывно теребят тонкий фиолетовый инурук, на котором печально болтается небольшой мешочек.

– Ты просишь меня? – удивлённо спросила она вслух.

Воображаемый офицер кивнул и повертел мешочек на ладони, словно желая, чтобы Марта лучше рассмотрела его.

– Таким ты нравишься мне больше, – стараясь казаться весёлой, она выдавила из своей груди усталый смешок. – Когда ты молчишь, мне легче ненавидеть тебя.

Призрачный Виллимони на небе настойчиво подёргал фиолетовый инурук. И ей почудилось, что его губы шевелятся в немой просьбе:

– Быстрее!

– Подожди! – воскликнула Марта. – Подожди, я хотела...

Но видение испарилось, развеянное порывом налетевшего свежего ветерка. Сауновски с наслаждением вдохнула его: впервые за долгие месяцы она ощутила в своих лёгких запахи мира и спокойствия. Сейчас вокруг неё весело носится вихрь, попавший в Кеблоно из Буонко, весёлого рыбацкого городка. Когда-то, ещё будучи совсем ребёнком, Марта бывала там вместе с бабушкой. Беонис Сауновски водил её по белокаменной набережной, с важностью умудрённого годами и опытом человека рассказывая о том, как с отрядом своих товарищей численностью всего в двадцать пять человек мужественно оборонял королевскую галёру против небольшой вражеской армии. Тогда девочка восхищённо улыбалась, про себя не веря, что такое могло быть на самом деле. Жизнь же доказала ей: подлинное мужество способно совершать величайшие и удивительнейшие поступки. Как бы ей хотелось вновь ощутить на своём плече твёрдую, волевою руку бабушки и услышать его грубоватые, но ободряющие слова: «Ну-ка, не смей киснуть! Раз, два – встала, улыбнулась и пошла!»

– Мне так не хватает тебя, бабушка, – сквозь слёзы шепнула Марта. – Почему тебя больше нет рядом? Если бы ты был жив, всё в моей жизни было бы иначе... Ты помог бы мне найти выход...

Может быть, она сходила с ума, но уже во второй раз ей почудилось, что рядом стоит кто-то ещё, кто-то, кого не могло быть здесь.

Морской ветерок бросил ей в лицо знакомый запах бабушкиного ядрёного табака, от которого у неё часто начинало щипать в глазах, его толстого кожаного ремня, чьи удары ей иногда приходилось ощущать на своей пятой точке, и родственной доброты – такой ни у кого, кроме него, больше нет и не будет. А в ушах у неё зазвучал суровый старческий голос, такой реальный и далёкий одновременно...

– Чего стоишь, девочка?

– Я не знаю, что мне делать, – печально ответила Марта.

– Действуй! – рассерженно заговорил бабушка. – Цель есть? Есть! Обязательство есть? Есть? Выполняй, не то сейчас как стукну ремнём по попе!

– Мне уже семнадцать! – возмутилась девушка, тщетно пытаясь отыскать его рядом. – Ты не можешь!..

– Нас в полку, когда я служил (давненько ж это было...), драли ремнём всех: от солдат до офицеров, а многим из нас больше твоих лет было! Так что не смей спорить, поднимайся и иди делать то, что нужно! Иди, я уже вынимаю свой ремень!

Страх перед ремнём давно уже не действовал на Марту. Но повелительные интонации в голосе дедушки нельзя было проигнорировать. С готовностью расправив плечи, она улыбнулась, наклонила голову в знак почтения.

– Я иду исполнять свой долг, – сказала она.

– Шагом марш! – напутствовал её старик, громко расхохотавшись тем смехом, который в нём веселил Марту, а в других людях – раздражал.

Она так и не успела сказать ему то, что должна была бы... Всё вновь получилось, как и тогда, когда он умирал. Ей было всего двенадцать, она жила здесь, в Кеблано, а дедушка – в Найте, в нескольких сотнях километров от её родного дома. Извещение о том, что Беонис Сауновски стоит на краю могилы, было доставлено слишком поздно. Марта примчалась к постели старика, точно у неё за спиной усиленно работали крылья, но их скорость была слишком мала для того, чтобы она пришла вовремя. Девочка едва ступила на порог комнаты больного, а он закрыл глаза и тихо скончался. Но она помнила, что последний взор дедушки был направлен на неё. Боевой товарищ Беониса, Свенил, ухаживавший за больным в дни, предшествовавшие его кончине, говорил, что тот неустанно повторял: «Присматривай за Мартой... Толковая девчонка будет – крепкая, как сталь! Вся в меня! Она не такая, как её ровесницы... Если она придет слишком поздно, ты ей передай, что я её больше всех своих внуков любил...»

Она расплакалась, узнав, что дедушка всё же сумел передать ей свой прощальный призыв. А она так и не сказала ему, что она тоже его любила. Многие вещи она делала слишком поздно... Когда ничего уже нельзя было поправить, и момент был упущен, она чувствовала себя вновь всего лишь беспомощной девчонкой.

Надеясь, что её слова согреют душу старика, где бы он сейчас ни был, она шепнула ветру:

– Я люблю тебя, дедушка.

И на душе у неё стало невыразимо легче, точно она сбросила со своей спины некий груз, что пригибал её к земле на протяжении долгих пяти лет. Теперь, перед смертью, она должна была исполнить все обязательства, что дала при жизни.

Её неуверенный взор остановился на фиолетовом мешочке офицера Виллимони. Тонкий шнурок, обгрённый кровью и испачканный в саже и грязи, доверчиво свернулся у неё на ладони, как маленький котёнок. Будучи от природы весьма наблюдательной, Марта с удивлением заметила, что верёвочка эта сплетена по-особому: ажурные нити соединялись одна с другой в прихотливом узоре, сотворить который могла далеко не каждая рукодельница. Интересно, чья же это мастерская работа? Марта развязала мешочек и внимательно всмотрелась в его содержимое.

Видимо, здесь офицер хранил то, что действительно было ему дорого. Рассматривая с непристойным любопытством его личные вещи, она узнала о нём немало нового. Ещё пару секунд назад она не поверила бы, что Виллимони пишет кому-то письма. Все они, бережно сложенные вчетверо и перевязанные тонкой бечёвкой, адресовались его сестре, той самой «миллой Байне», ради спасения которой он рискнул проникнуть во вражеский город. Здесь же, рядом, Марта увидела и ответные послания к «дорогому Ноули». Смешные пузатые буквы, выходявшие из-под пера писавшей их девушки, были проникнуты таким теплом и такой тревогой, что Марта невольно умилилась. Что-то, похожее на зависть, больно кольнуло ей душу: ведь она знала, что никто не отправит ей исполненное нежной привязанности письмо с пометкой: «миллой Марте». Короткая вспышка странной ревности чуть не заставила её вскрыть послание. Рука уже потянулась к одному из них, но тут совесть охладила её пыл. Семья, в которой

она воспитывалась, не одобрила бы такого поведения даже по отношению к смертельному врагу. Всё, что ей было нужно, – это имперский пропуск, и он лежал между письмами Ноули и Байны, будто разделяющая их перегородка. Марта аккуратно выудила из мешочка небольшую бумажную карточку и развернула её. На жёлтой бумаге затейливым, но разборчивым почерком было выведено:

«ПРОПУСК

На имя Ноули Виллимони, старшего офицера пятого королевского полка, находящегося под непосредственным командованием Его Превосходительства Министра Внутренних Дел Авалории, Гая Перципиуса Фолди-младшего; А также на имя всех родственников упомянутого выше офицера, которые могут легко и свободно доказать своё родство с ним

Пропуск НЕ ЯВЛЯЕТСЯ действительным для лиц, не находящихся в родстве с Ноули Виллимони, старшим офицером пятого королевского полка, а также для лиц, чьё родство с ним находится дальше двоюродной связи.

Засим подписываются

Их Величества Влеона и Кларк, милостивые правители Авалории,

Гай Перципиус Фолди-младший, министр внутренних дел Авалории, а также командир пятого королевского полка,

Ботт Утвер, военный секретарь пятого королевского полка,

Унций Капер, старшина пятого королевского полка,

Ноули Виллимони, старший офицер пятого королевского полка».

– Что за важная шишка попала к нам в руки, – удивлённо хмыкнула Марта, убирая пропуск обратно в мешочек. – Даже Король и Королева подписали эту бумажку!

Что ж, феноменальную наглость Ноули можно объяснить его высокопоставленным положением в светском обществе и в армии. Кажется, этот офицер на короткой ноге не только с министром, но и с их Величествами...

«Так пусть же он умрёт, как продажный раб – под пытками, измученный и сломанный! Кеблоно слишком долго унижали всяческие мерзавцы вроде него, теперь пришла пора отомстить... хотя бы ничтожнейшей части всех своих угнетателей!»

Стоя у тёмных, как грозовая ночь, Деблских укреплений, Марта чувствовала, как в ней зарождается желание однажды увидеть не только офицера Виллимони, но и министра Гая Фолди в окровавленных кандалах. Пусть им будет плохо, они заслуживают этого!

Вдруг Марте нестерпимо захотелось порвать пропуск офицера в клочки: всё равно он больше никому не потребуется. Никому... кроме Байны Санны, которая не виновна ни в чём, за исключением того, что приходится сестрой Виллимони. Марта медленно сжала дрожащие руки в кулаки. Даже дедушка сказал, что она должна исполнить данное обещание...

Хватит сомневаться, хватит дрожать под влиянием секундных эмоций. Пора начать действовать, ведь небо начало бледнеть на востоке – верный признак грядущего рассвета. Ветер, шевельнувший застоялую, затхлую атмосферу Кеблоно, показался Марте могильно мрачным... ведь он предвещал всем им скорую смерть. Байна Санна тоже погибнет, если не получит имперский пропуск, а эта девушка не сделала городу ничего плохого, в отличие от своего брата. Значит, решено. Нужно идти туда, на улицу Серебряных Колоколов. Марта почувствовала, как неприятный холодок пробежал у неё по спине: Байна Санна жила в том же квартале, что и семья Сауновски когда-то. В этом квартале чаще всего падали имперские снаряды. Неудивительно, что Ноули Виллимони так тревожился за свою сестру. Неужели его влияния, влияния королевского приближенного, не хватило на то, чтобы отговорить министра вести обстрел именно этих районов? Ведь, если бы он сумел или захотел уговорить своего начальника, родители и сёстры Марты могли бы остаться в живых...

Ощувив, как предательские слёзы закипают в глазах, она упорно вскинула голову и мрачно зашагала по опустевшим выцербленным мостовым к своей цели. Казалось, Кеблоно

вымер: в связи с частыми обстрелами жилых кварталов городские власти запрещали мирным жителям выходить из своих домов. Марта устало улыбнулась: как будто это гарантировало испуганным людям безопасность! Её семья, как и все порядочные граждане, подчинилась приказу губернатора, но разве это спасло их? И мама, и папа, и Ления, и Амисалла погибли, а Марта выжила. Несправедливо, как же это жестоко и несправедливо! Почему снаряд не рухнул на дом сестры Ноули Виллимони? Почему должны страдать бедные жители Кеблоно, словно на них пал какой-то злой рок, а родственники подлых предателей – жить так счастливо и безбедно, точно вокруг них не кипит война?

Марта стремительно пересекала пустующие площади, усеянные устрашающими следами от упавших снарядов. Так как все мужчины, старики, большинство детей и женщин ушли на фронт, некому было убирать город. Тела погибших могли лежать непогребёнными в течение нескольких недель, источая трупное зловоние. Неудивительно, что в это тяжёлое время в Кеблоно чума и холера стали столь частыми гостями, а крысы и мухи – всегдашними горячих точек оборонительной линии. Пока Марта шла, горечь и ярость накатывали на её душу с усиливающейся яростью, как пенистые волны во время сильного шторма. Вот что содеяли войска Гая Фолди с её городом! Интересно, что сказал и почувствовал бы Ноули Виллимони, если бы увидел здесь, на дне глубоких воронок, изломанное тело своей «милрой» сестры?! А он с яростным, даже каким-то фанатичным остервенением сражается на передовой под личным командованием министра, будто не зная о том, что следствием его воинского мужества может явиться смерть Байны. Всё-таки первое впечатление, сложившееся у Марты о нём, было обманчивым – у Виллимони нет сердца. И почему-то от этой мысли ей стало немного грустно. Она до последнего верила, что не только в Кеблоно сохранились порядочные люди, имеющие честь и совесть. А оказалось, они, ложно обвинённые во всех смертных грехах, встали на противоположную сторону шахматной доски со своими согражданами...

Марта торопливо перебежала через обломки разрушенного моста, стараясь не наступать в прозрачные, холодные водные ручейки, сочившиеся сквозь нагромождения битого кирпича и патину пыли. Всего в паре сотен метров от этого места жила её семья... Чтобы вновь не травить себе душу, она опустила голову как можно ниже и быстро забежала в один из узких кривых проулков. Отсюда ей не увидеть своего дома, здесь она не сможет причинить себе боль. Хотя боль уже причинена, она сидела внутри Марты и грызла её внутренности, как голодный лев. Что толку было утаивать от самой себя свои переживания?

Толк, конечно, был: пока она в бесчисленный раз занималась бесполезным самоистязанием, последние часы её короткой и бесполовой жизни стремительно пролетали мимо. Надо было жить, жить, ведь это – в последний раз! И мстить Империи до последнего своего вздоха! И исполнять свои обещания... ведь они уже были даны. Ноули Виллимони не заслуживал снисхождения, это верно, но Марта не знала его сестру, которой требовалась помощь. Байна Санна тоже жила под градом постоянных бомбёжек, в осаде у нескончаемого страха и отчаяния. В чём-то Ноули действительно не ошибся: Марта долгое время была рабой своих глупых табу и убеждений. Но в этот, последний, день своей жизни она поклялась поступить так, как не поступила бы в иное время.

Вздыхнув, Марта пристально осмотрела близлежащие дома. Улица Серебряных Колоколов, на которой она сейчас находилась, считалась одной из самых старых в городе, здесь проживали только бедняки, неудачники и отщепенцы приличного общества, представители иных разумных рас этого мира. Девушка безмолвно ухмыльнулась: неужели родство со знатной фамилией Виллимони не могло дать Байне Санне возможности купить себе дом в богатейших кварталах Кеблоно? По всей видимости, нет. Марта презрительно фыркнула и подняла взор от выщербленной грязной мостовой. На её удивление, она стояла у дверей нужного ей дома, точно небесные помощники, украдкой окутав её своим невидимым плащом, перенесли её на место.

Глядя на это строение, нельзя было и на минуту представить, что здесь живёт сестра человека, обласканного высшим светом общества. Байна Санна ютилась в небольшом двухэтажном домике, выстроенном настолько бестолково, что, казалось, планировкой занимался пятилетний ребёнок. Узкие, чисто вымытые квадратные окошки печально поглядывали на военный мир, а окружающие их старые ставни тихо поскрипывали, качаясь на ветру. В отличие от своих соседей, Байна была редкостной аккуратисткой: Марта не заметила на территории её дома ни пылинки, точно она всё свободное время занималась уборкой. Узкие невысокие ступеньки, ведущие к изящному крыльцу, потемнели и ссохлись от старости, но, несмотря на это, стараниями своей хозяйки выглядели на зависть красиво. Рассматривая дом Санны, Марта почувствовала к ней родственную симпатию: обеих девушек можно было смело назвать чистюлями. Это идеально выскобленное крыльцо было даже жаль пятнать следами своих грязных сапог. Но, тем не менее, Марта быстро взошла по ступенькам, взялась за круглый медный молоточек и требовательно постучалась им в хлипкую дверь.

Тишина. Отойдя назад, Сауновски внимательно прочесала взглядом второй этаж домика, нависавший над первым, будто старое дерево, молча грозящееся упасть. В единственном окошке под самой крышей неуверенно зажгётся желтоватый свет, и на фоне тонких серебряных занавесок показался тоненький девичий силуэт. Девушка немного постояла у окна, затем отбросила назад свои длинные волосы и быстро скрылась в глубине комнат.

Не успело пройти и нескольких быстротечных мгновений, как Марта услышала дробный перестук чьих-то летящих шагов. Девушка подбежала к двери, звякнула ключами и, даже не взглянув на улицу, тенью выскользнула из дома.

«Узнаю сестру Виллимони, – про себя усмехнулась Сауновски. – Эта девчонка тоже ничего и никого не боится».

Однако внешность юной Байны Санны недвусмысленно указывала на её нежность и робость – те качества, которые по каким-то непонятным причинам ценились в девушках превьшие всего. Хозяйка развалины на улице Серебряных Колоколов застенчиво подняла на Марту кроткий взгляд больших карих глаз, стыдливо покраснела и нервно сжала в крошечном кулачке прядь блестящих каштановых волос. Нежданная гостья тотчас подметила, что тоненькие пальчики Байны пестреют следами от игольных уколов, точно она проводила над шитьём долгие бессонные ночи.

– Кто Вы, милая госпожа? – тихо спросила Санна. – Я не знаю Вас. Быть может, Вам нужен кров, под которым Вы смогли бы провести спокойную ночь?

Голос у девушки полностью соответствовал её внешности: снисходящий до шёпота, подчас неуверенный и подрагивающий, с проскальзывающими в нём изредка ребяческими интонациями. Её уважительная речь в одно мгновение разнесла в пух и прах все представления, что Марта успела составить о ней. Кажется, Санна вовсе не такая самоуверенная нахалка, как её брат. Значит, она всё же заслуживает помощи... хотя Марте и не хотелось её оказывать.

– Госпожа? – громче повторила Байна.

– Ведь ты, насколько я понимаю, сестра старшего офицера пятого королевского полка, Ноули Виллимони? – Марта предпочла сразу перейти от слов к делу.

Приторная, слащавая в своей вежливости Байна казалась в разы противнее, чем её грубый и бесцеремонный брат. Марта начала жалеть о вдруг проснувшейся в ней справедливости. Ей уже не терпелось отдать Санне имперский пропуск и сбежать отсюда.

Лицо девушки, круглое, как яблоко, побледнело в то же мгновение, когда её ушей коснулся холодный официальный тон Марты. Привалившись к дверному косяку, Байна прижала тонкую девчоночью ручку к груди и испуганно закатила глаза. Из её горла вырвался единственный хриплый вопрос:

– Что случилось?

Этот фальшивый спектакль не мог вызвать в душе Марты уважения. Если бы Ноули действительно был дорог Байне, она не стала бы вести себя так глупо. Испытывая жгучее во вредности желание испугать девушку, Сауновски заговорила медленно, смакуя каждое слово с цедящим садизмом:

– Ноули Виллимони, старший офицер пятого королевского полка, вчера вечером был задержан под стенами нашего города и, как особо опасный преступник, поспешно доставлен в подземную тюрьму. Сейчас Вест Айрен и Венис Упульма, должно быть, уморили его пытками.

– О, не надо... – простонала Байна, обхватывая себя за плечи дрожащими руками.

– Несколько часов назад, – с убийственным спокойствием продолжала Марта, – я побывала на допросе этого человека. И он, предчувствуя скорую смерть, попросил меня передать Вам, госпожа Санна, имперский пропуск, чтобы Вы смогли выбраться из города. Не знаю, зачем я исполняю последнюю волю своего злейшего врага, однако я стою здесь и отдаю Вам этот мешочек...

Она вложила в оледеневшую ладонь Байны туго завязанный фиолетовый свёрток. Побелевшие губы девушки задрожали, сжимаясь в узкую полоску, глаза переполнились слезами, а из горла едва слышно полился сдерживаемый вой, исполненный бесконечной тоски. Марта смотрела, как Санна трепетно прижимает последнюю память о брате к своей груди, как беспомощного младенца, и в приступе бессознательной одержимости начинает целовать каждую тонкую верёвочку, образующую нить. Нет, она не лгала и не пробовала себя как драматическую актрису, она действительно страдает... Марта начинала ощущать себя грязным чудовищем. Тогда, когда Ноули ещё жив, она уже хоронит его... Она чувствовала себя такой же, как и имперцы, вставшей на одну доску с ними.

– Забирайте этот пропуск! – закричала Байна, бросая бумажку в лицо Марте. – Забирайте, я хочу умереть в одном городе с братом!

– Это была его последняя воля, – тихо возразила Марта.

– А мне всё равно! Его уже нет! Вы его уморили, на вас будет лежать пятно позора! – выкрикивая эти слова, Байна заливалась яростной краской от кончиков ушей до основания шеи. Марта всерьёз опасалась, что эта полномасштабная истерика может довести Санну до смерти...

Впрочем, её уже не волновало, сколько она проживёт. Сколько бы лет она ни промучилась бы, ей уже не довелось бы встретить на своём пути второго такого человека, как Ноули. Потеряв дорогого брата, она потеряла часть самой себя. Марта знала глубину и отчаяние этой боли, ведь два месяца назад она переживала нечто подобное. Как она могла, как она вообще смела лгать? Ненависть к Империи не должна отравлять жизнь тех, кто и без родства с нею вынес немало горя. Всмотриваясь в то бледнееющее, то краснееющее личико Байны, Сауновски испытывала неимоверное желание признаться в обмане. Но зачем? Виллимони всё равно умрёт: его прикончат не Вест и Венис, но кто-нибудь иной. Уже завтра стены Кеблono падут, и вражеские легионы окружат каждый дом и каждое дерево. Защитники гордого города либо погибнут на его защите, либо попадут в плен и подвергнутся таким унижениям, что мучительная смерть по сравнению с ними покажется блаженством. А те, кому чудом удастся сохранить себе жизнь в яростном пылу войны, постараются сделать всё возможное ради того, чтобы Империя ещё не раз вспомнила их недобрым словом. Группа озлобленных диверсантов убьёт Виллимони, если он ещё будет каким-то чудом жив. У Байны не было шансов увидеть брата рядом вновь. Не стоило обнадёживать её. Поэтому Марта подняла с грязной мостовой пропуск офицера и протянула его рыдающей девушке:

– Возьми.

– Не хочу, – по-детски капризные нотки просквозили в голосе Байны. – Ведь Ноули умер. Для чего теперь я должна спасаться?

– Он хотел этого, – осознавая, насколько глупо и необидительно звучат её слова, Марта всё же произносила их. – Он попросил меня, чтобы я передала тебе эту вещь, – она осторожно коснулась мешочка, который Байна всё ещё прижимала к своей впалой груди. – Ты будешь помнить о нём.

– Он... ведь он действительно хотел? – доверчиво спросила Санна, на мгновение приподняв голову. – Ноули хотел, чтобы я трусливо сбежала из города, который долгие годы был моим настоящим домом?

– Он хотел, чтобы ты была в безопасности, – твёрдо сказала Марта, потрепав приободрившуюся Санну по её острому плечу. – Ты должна выполнить его предсмертную волю. Когда имперские войска ворвутся в город, они не станут щадить никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. В это страшное время даже пропуск не сможет обеспечить тебе стопроцентную безопасность. Беги, пока есть шанс!

Большие карие глаза Байны Санны ещё несколько бесконечно долгих секунд внимательно изучали то лицо Марты, то развязанный фиолетовый мешочек офицера. Марта лениво гадала, что же выберет сестра такого человека, как Виллимони: славную смерть от рук своих союзников в павшем городе «предателей» или же бегство в иную, лучшую жизнь? Если бы этот выбор стоял перед нею, она, не колеблясь ни минуты, осталась бы под прикрытием стен Кеблоно, тех самых, что были для неё колыбелью детства. Они же станут для неё могилой. Ей хотелось верить, что Байна предпочтёт красивую гибель, а она...

Она с видимым сожалением в детском писклявом голосе проронила:

– Ни за что не ушла бы отсюда. Но Магия может покарать меня. И поэтому я исполню волю брата.

Стиснув крошечные ладошки в кулачки, она решительно потрянула головой и сунула пропуск в карман своего скромного коричневого платья. Байна затворила ветхую дверь, ведущую в её старую домишко, улыбнулась на прощание окошкам. Занавески на них прощально качнулись, будто они тоже были живыми и могли ощутить боль расставания – возможно, вечного. Санна нежно погладила широкие подоконники, одарила теплым взглядом каждую доску и каждый кирпичик того строения, в котором провела лучшие годы своей жизни. И затем, обернувшись к Марте, спросила:

– Вы пойдёте со мной?

– Что?

Марта была настолько удивлена этим неожиданным предложением, что её глотка самовольно выпалила глупый односложный вопрос. Байна Санна раздражённо нахмурила изящные дугообразные бровки:

– Вы хотите уйти? Я могу провести Вас...

– Это исключено, – оборвала её Марта. – Имперский пропуск является действительным только для родственников Ноули Виллимони, а я не вхожу в их число.

– Но я хотела бы...

– Не только в этом дело, Байна, – покровительственно улыбнулась Марта. – Кеблоно – моя родина, я не брошу её, что бы ни случилось с нею. Я буду стоять на страже Деблских ворот! Я слишком люблю свой дом. За эти годы Кеблоно сделался частью меня самой. Потеряв его, я потеряю себя. Я благодарю тебя за твоё предложение, но я вынуждена отказаться. Я не предательница, я не слабая. Я не дрогну.

Таинственный золотистый свет неба, на востоке которого медленно начинало подниматься солнце, на секунду озарил их лица. Решительная Марта смело глядела на растерянную Байну Санну, и в глазах у обеих горело пламя любви. У одной: к погибающему городу, у другой – к потерянному навсегда брату. Как бы ни различались эти чувства, суть они имели общую, и эта суть объединяла их. Поэтому Марта не испытала презрения к уходящей Байне.

У неё был шанс начать жизнь сначала. Она знала, что в жизни ей открыто ещё множество разных дорог. А Марта жила и дышала лишь одним – не увядающей мечтой о мести.

– Прощай, Байна Санна, – улыбнувшись, сказала она на прощанье.

– Прощайте, госпожа, – с робким почтением ответила девушка и медленно пошла вниз по крыльцу.

Марта окликнула её тогда, когда она уже торопливо засемила по улочке, пересечённой первыми золотистыми полосами восходящего солнца.

– Постой!

Санна покорно обернулась, сунув руки в глубокие карманы своего платья.

– Что, госпожа? – с непередаваемой детской наивностью спросила она.

– Неужели ты пойдёшь так? Налегке?.. – удивилась Марта.

– Мне нечего брать с собой, госпожа, – тень полуулыбки осветила личико девушки. – Всё, что мне нужно – имперский пропуск и память о брате. Одно, – она похлопала себя по карману, – я несу здесь. Другое, – она нежно дотронулась до фиолетового шнурка у себя на шее, – хранится и вне моего сердца, и в нём самом. Для меня Ноули жив, пока жива я. Я никогда не забуду его.

– Прощай, – повторила растерянная Марта.

– Прощайте, госпожа, – тем же тоном, что и в прошлый раз, отвечала Байна Санна.

Хрупкая фигурка девушки стремительно удалялась, а Сауновски, как заипнотизированная, ещё смотрела ей вслед. Вот сестра офицера Виллимони скрылась за поворотом извилистой улочки, незаметная, как призрак. Хотя её давно не было рядом, Марта неустанно слышала в своих ушах отзвук её слов:

«Для меня Ноули жив, пока жива я».

«Значит, моя семья тоже здесь, рядом, ведь я ещё стою на земле и помню о них», – осознала Марта. Жаль, что эта истина открылась ей чересчур поздно: ведь уже через пару ничтожных часов грядет её последний бой.

– Я иду туда, где сейчас я нужнее всего, – твёрдо улыбувшись, Марта надела шлем и рысью пропустила к Деблским воротам.

* * *

Ноули Виллимони, старший офицер пятого королевского полка, с видом мрачного торжества изучал сырую тюремную стену напротив себя. На самом деле он чувствовал себя вовсе не так уверенно и непоколебимо, как вам могло бы показаться. Когда мысль о сестре: беспомощной наивной глупышке, застрявшей в стане у врага – касалась его памяти, ему казалось, что в приступе гнева он способен разбить унижающие его кандалы вдребезги!

Но это было не так. Закалённая сталь была во много раз сильнее него. Как бы он ни ёрзал и ни извивался, как бы он ни колотил оковами о покрытые плесенью кирпичи, ему не удалось добиться иного эффекта, кроме ноющей боли в сломанных запястьях. Почему он был так жалок и бессилён? Почему?! Ведь он – лучший воин на передовой, в полку о нём ходили легенды! И что толку от его талантов? Его схватили какие-то грязные простолюдины – его, аристократа и доверенного человека Королевских особ!

Но сегодняшний кошмарный день нёс в себе ещё немало новых неприятностей.

Решётка, закрывавшая выход из его камеры, поднялась вверх, и в проходе в качестве нового препятствия возник палач. Как внимательный Ноули выяснил из подслушанных разговоров своих тюремщиков, этого его мучителя звали Вест Айрен. Из всей четвёрки наглых повстанцев он был самым нетерпеливым и самым кровожадным. Казалось, ему доставлял удовольствие процесс пытки как таковой. Потoki льющейся крови, ругань и крики жертвы только подбрасывали дров в костёр его пылкой радости. Ноули сумел выбрать правильную стратегию: во время истязаний он стоически молчал, даже если причиняемая ему боль казалась невыносимой. Вест был бы безмерно счастлив, если услышал от строптивного пленника

хоть звук, а в планы последнего не входило исполнять вражеские желания. Поэтому, едва взор Виллимони остановился на массивной фигуре Айрена, губы его выработанным рефлексом крепко сжались, а каждая клеточка тела внутренне напряглась, готовясь к боли.

Палач-великан с неторопливой грацией пустынного льва подступил к Ноули ближе. Неровный свет факела, который здоровяк сжимал в мясистой руке, разгонял жирных тюремных крыс по тёмным уголкам камеры. Шуриша голыми хвостами, гадкие твари поспешно прятались, но иногда Виллимони успевал различить их уродливые тени и даже очертания их тел. Вспомнив, что голодные крысы могут за несколько часов обглодать человеческое тело до костей, Ноули непроизвольно вздрогнул, и кандалы незамедлительно отозвались эхом его движения.

– Ну, молчишь? – грозно спросил Айрен.

Виллимони предпочёл даже не смотреть на палача: это гарантированно вывело бы того из себя.

На удивление, Вест остался тих и спокоен. Некое подобие мрачной ухмылки пробежало у него по губам, спрятавшись в густой белокурой бороде.

– А я на твоём месте заговорил бы, парень, – пророкотал он.

«Да как этот вишивый деревеничина смеет воображать себя на моём месте?»

– Ты заговорил бы потому, что у тебя душа такая же продажная и слабая, как и у отверженных!¹ А я верен своим милостивым правителям, и я не скажу тебе ни слова о формуле, даже если ты попытаешься вытянуть из меня информацию раскалёнными клещами!

Окончив свою страстную обличительную речь, Ноули поднял голову и с искренней радостью победителя оглядел свою жертву. Его не смущало, что на самом деле он – пленник, а Вест – триумфатор, ведь это было несущественно и являлось действительным лишь в физическом плане. В плане же моральном Виллимони считал себя много выше своего палача, о чём он не преминул сообщить в гулкой тишине тюрьмы.

По губам Веста, теряющимся среди густой растительности, как человеческая дорога – в диких джунглях – вновь скакнула улыбка. Но на сей раз она дышала мерзостью и подлостью. Ноули настороженно взгляделся в громадный, громоздкий тёмный силуэт своего мучителя.

– Как ты смеешь смеяться надо мной? – гневно спросил он. – Надо мной, над Ноули Виллимони? Тебе известно, кто я и кто – ты?!

– Ага, – грубо и просто подтвердил Вест. – Ты – подлый душепродавец, а я – верный защитник своего города. Будешь ещё хамить?

– Буду, – с вызовом ответил Ноули.

Отчаянная уверенность в том, что он уже потерял всё, отключила в его душе сигнал самосохранения. Его не волновало, на сколько лишних секунд продлится его жизнь.

Тюремщики не намерены были церемониться с ним. Они убьют его при любом раскладе. Это значило, что перед смертью он должен максимально насолить им, сделать так, чтобы впоследствии в своих беседах они ещё не раз вспомнили о нём! Надо было делать хоть что-то, пусть даже такое ничтожное, если выполнить свою главную миссию – освободить Байну – он не мог! Ноули сердито прикусил губу. Внутри его сердца ещё жила слабая надежда на то, что эта девушка, Марта Сауновски, выполнит его предсмертную просьбу... Она казалась справедливой и честной. Впрочем, кому, как не ему, знать, насколько обманчиво порой бывает первое впечатление, что мы составляем по чужой внешности!

«Марта, во имя Всесильной Магии, спаси мою сестру», – подумал Ноули и опасливо прикрыл глаза: мрачная фигура Веста очутилась рядом с ним.

---

¹ Отверженными в период 3000 – 3170 гг. авалорийской эры назывались представители иных разумных рас: Дарихаки, гибриды, демоны, оборотни, ищейки и проч. (П. – П.)

– Говори то, что знаешь о формуле, – резко рыкнул он, и офицер даже сквозь темноту сырой темницы увидел, как в его глазах загорелось адское пламя.

Но никакие, даже самые злые взгляды и изощрённые пытки, не заставили бы его открыть доверенный ему секрет. Вскинув голову, Ноули дерзко бросил:

– Не скажусь! Твой дружок, кажется, его звали Бирр, утверждал, что вы справитесь и без меня! Докажите же мне, что у вас имеются хоть зачатки разума!

Язвительная реплика Виллимони не пришлась великану по душе. С наслаждением затягивая кандалы у пленника на ногах, Вест с оттенком сумрачного удовлетворения прошипел:

– Ну, ну, кричи же! Я вижу, что тебе больно!

Да, Ноули действительно было больно, но он скорее бы умер, чем признался в этом врагу. Он должен терпеть, должен терпеть ради Короны и ради того доверия, которым его осчастливила венценосная чета! Ради Байны, ради своей незапятнанной чести!

Хруст! Омерзительный звук, похожий на резкий хлопок, разнёсся в мертвенной тишине темницы. Ноули уже было знакомо это оглушающее болевое ощущение – нечто подобное он испытывал тогда, когда ему ломали руки. Но в то трудное время рядом стояла Сауновски, он чувствовал её сострадание и переносил пыточные муки легче. Сейчас же её здесь не было. Только он, Ноули Виллимони, и этот простак, Вест Айрен. Это – испытание на мужество. Нельзя даже взглядом выдать свои чувства.

– Нравится, мальчишка? – злорадно осведомился палач.

Сквозь зубы офицер выдавил несколько отборных проклятий, которые берёт на худший случай в своей жизни. Он был уверен: сейчас настала пора употребить их.

Кустистые брови Айрена приподнялись в фальшивом подобии изумления:

– Я не представлял, что имперский офицеришка может знать такие выражения!

– Я – старший офицер пятого королевского полка, находящегося под личным командованием Гая Фолди, министра внутренних дел Авалории! – выкрикнул задетый его пренебрежением Ноули.

– Что-то это ничего мне не говорит, – хмыкнул Вест. – Может, отбросим формальности и побеседуем спокойно и по существу того вопроса, который меня интересует?

– Нет, – непреклонно ответил Виллимони и сдержанно фыркнул сквозь зубы от боли: блестящий кинжал, вдруг появившийся у Айрена в свободной руке, полоснул его по плечу. Кровь медленно закапала из глубокой раны.

– Неужели?

Вест склонился к Ноули так близко, что тот мог видеть остервенелую ненависть в его глазах, озарённых сумасшедшим светом неверного факела. Та фанатичная бездна, которая сквозила в узких чёрных зрачках палача, могла бы впечатлить кого угодно, но только не Виллимони. Он равнодушно хмыкнул:

– Можешь угрожать мне, можешь пытаться, можешь убить меня, но я ни слова не скажу о формуле.

– Ты не знаешь, что я – прирождённый палач, – похвастался Вест. – Я ещё не пытал тебя со знанием дела. Я могу жечь тебя вот этим огнём, – он махнул факелом у Ноули перед носом, – я могу делать глубокие надрезы у тебя на коже и потом заливать туда кипящую смолу... Могу бросить тебя вариться в чан с обжигающе горячим маслом... Или... ты не слышал о старинной пытке «уголёк в ухо»? Всё это и не только я могу пустить в ход... Неужели ты не боишься?

Ноули презрительно смотрел в безумное лицо Айрена. Нет, ему не было страшно, ведь он знал, ради чего умирает в медленных дьявольских муках. Сердце офицера грела надежда на то, что однажды Их Величества удостоят его посмертного ордена мужества, и имя его будет вписано на страницы истории Авалории...

Мечтательная улыбка, тронувшая его губы, рассердила Веста Айрена.

– Ах, ты ещё смеешь ухмыляться! – взревев, как раненый зверь, палач замахнулся своим кинжалом...

– Отойди, Вест, – твёрдо приказал знакомый Ноули голос.

Это был Бирр Кавер, один из друзей Марты Сауновски. Стоя на пороге камеры, он с неодобрением смотрел на палача и на его жертву. На невыразительном, как у многих потомков гибридов, лице молодого человека трудно было прочесть хоть какие-то эмоции, однако Виллимони чувствовал исходящий от него гнев.

Айрен медленно опустил нож, но его искажившиеся черты не разгладились, его дыхание не стало тише.

– Его надо убить, Бирр, – страстно заговорил он, указывая в сторону Ноули рукояткой кинжала. – Он – мерзкий, подлый, грубый скот. Он должен умереть!

«Куда больше это краткое, но информативное описание подходит к тебе», – злорадно подумал Ноули.

– Я согласен с тобой, дружище, – устало улыбнулся Бирр, – но мы, тем не менее, не имеем права кончать с офицером.

– Почему?! – яростно рыкнул Вест.

– Потому, что мы пообещали это Марте, – убеждённо произнёс Кавер и сложил руки на груди, точно пресекая все дальнейшие споры.

Но Вест Айрен проигнорировал и характерный жест, и запрещающие слова друга. Обретя волю в глубинах подземных уровней города, этот человек провозгласил сам себя законом, судьёй, Королём и божеством. Он не мог поверить, что на его территории кто-то смеет указывать ему, как следует поступать.

Смешно копируя Бирра, Айрен сложил могучие волосатые руки на груди и презрительно хохотнул:

– Пообещали? Я не помню об этом. Сауновски, наверное, уже тоже. Или ты, Кавер, грешным делом подумал, что нашей подруге есть дело до какого-то там имперского офицера?

– Да, я так думаю, – смело сказал Бирр. – Марта не пустоголовая дуручка; если она заступалась за эту скотину, – он пренебрежительно указал в сторону злобно фыркнувшего Ноули, – значит, она имела на то веские причины. Она ничего не забудет, Вест. Но, даже если ты оказался прав, и она уже ничего не помнит, мы-то знаем, что давали обещание.

– Обещание, обещание, – раздражённо протянул Вест. – Кому вообще нужны эти обещания? Мы уже не жильцы! Зачем нам нужно сохранять жизнь пленнику, который после нашей гибели будет вальяжно разъезжать по городским улицам в золотых каретах?

– Обещание, – железным голосом напомнил Бирр.

– Но ты хочешь убить его! – громовой призыв Веста, казалось, сотряс стены подземной тюрьмы. – Я знаю, ты хочешь!

– Хочу. Но не могу, – твёрдо отрезал Кавер. – Я не стану обманывать свою старинную подругу; это было бы неправильно.

– Никто не пытается склонить тебя к обману! – горячо заговорил Вест. Кажется, его пустую голову озарила некая идея. – Марта запретила НАМ убивать пленника, но она не говорила, что это не может сделать кто-нибудь другой...

Ноули прерывисто вздохнул: его палачи нашли-таки выход из создавшегося неудобного положения. Он не мог сказать, что счастлив встречать свою смерть, но в то же время погибнуть было лучше, чем терпеть череду бесконечных садистских пыток. «Байна, – с отчаянием подумал он, – вот и пришёл конец твоему брату! Хоть бы ты помнила обо мне! Хоть бы ты знала, что я умер так, как полагалось истинному подданному Короны!»

Он уже ничего не боялся – блаженная волна ледяного равнодушия нахлынула на него, утопив в себе и его душу, и его разум. Он с честью выполнил свой воинский долг – он не сказал врагам ни слова о формуле, несмотря на мучительнейшие пытки, которым его подвергали

в этой крошечной камере. Кеблонские повстанцы лишают его жизни, не найдя иного способа сломить его дух. Один этот факт доказывает то, что Виллимони знал с первых минут своего заключения: он намного выше и сильнее столпившихся здесь мучителей.

Одаривая врагов последним взглядом, офицер постарался вложить в него всю ненависть и всё презрение, на которое только был способен. Он не ожидал, что Вест и Бирр ухмыльнутся ему в ответ.

– Думал, ты один умеешь корчить зверские рожи, да, мальчишка? – с радостной злобой спросил палач. – Мы тоже мастаки по этой части.

– Ты ожидал, что мы убьём тебя собственными руками? – задумчиво спросил Бирр Кавер. Его скользкий взгляд был обращён к стене, точно он разговаривал с нею, а не с Виллимони. – Ты обманулся.

– Тебя казнят крысы, – хрипло протянул Вест Айрен.

Тебя казнят крысы. Садизм этого выражения отозвался в душе Ноули мрачным холодным ветром. Он ничего не мог поделать с собой – его взгляд медленно выполз за пределы светового круга, в обитель мрака, где бойко шуришали в грязной соломе крысиные хвосты. Он вспомнил, насколько эти создания противны и кровожадны, во внезапной красной вспышке перед глазами увидел их острые зубы, круглые глаза и грязные когти, услышал, как издали, сдавленное попискивание... Крысиная казнь считалась самой позорной в Авалории. Её применяли только к тем преступникам, злодеяния которых были столь ужасающи, что разумные создания не смели коснуться их. Теперь Ноули с готовностью признавал: Вест Айрен родился палачом.

– Что скажешь, парень? – кровожадно осведомился великан, с бесшабашной наглостью рассматривая поверженную жертву.

– Я так и знал, что у вас не хватит смелости казнить меня самим, – надменно заявил Ноули.

– Как бы то ни было, ты всё равно умрёшь, – вздохнув, произнёс Айрен. – Может, у тебя есть какие-то пожелания, которые мы с радостью передадим твоей семье или твоим товарищам, таким же свиньям, как и ты сам?

Ноули не ответил ничего: эти подлые люди не имели права знать о Байне. Он мог попросить спасти её только Марту Сауновски – ту самую бесстрашную девчонку, которая почему-то вызвала в нём уважение.

– Значит, ты будешь молчать, – угрюмо проговорил Бирр. – Что же, мы не заставляем тебя говорить. Думаю, крысы развяжут тебе язык.

– Идём, Кавер, – позвал его Айрен, отходя от пленника. – Если Сауновски узнает, что этого гада сгрызли крысы, мы скажем,... что забыли запереть камеру. Она не будет жалеть. О тебе никто, даже твои правители и твой командир, не пожалеют, парень, – насмешливо рассмеялся он Ноули в лицо.

– Зато я служил своей стране по мере своих сил, я ни на секунду не становился подлым предателем! – выкрикнул он. – Я умру с незапятнанной совестью!

– Поражаюсь этим имперцам, – в негромком голосе Бирра звучала потаённая горечь. – Они говорят, что не были предателями, хотя все эти месяцы воевали против своих же сограждан! Скажи, Ноули, неужели ты, запуская в наши стены гигантские бульбжники, не думал, что они могут стать могильной плитой безвинному младенцу или немоцному старику? Ты думаешь, они тоже бандиты и предатели?

Ноули молчал: он знал, что сейчас Бирр Кавер пытается обмануть его, сбить с правильного пути. На самом деле мирные жители Кеблono давно эвакуированы в соседние с городом поселения по специально организованному гуманитарному коридору; об этом с каменной уверенностью докладывал господин Фолди на одном из раутов во дворце Их Величеств. Почему он не должен верить своему командиру?

Видимо, на его лице всё же отразились обуревавшие его чувства. Заметив их через плечо, Бирр вздохнул даже с какой-то горечью:

– Всё ясно. Ты не веришь нам. Я тоже не поверил бы, если бы не жил в осаде и не видел каждый день, как погибают мирные люди.

– Хватит болтать с ним, Бирр, – нетерпеливый Вест уже приплясывал на пороге камеры. – Он не раскается, он по природе своей – гадкий червь. Его исправят только крысы. Через пару недель от него не останется даже костей.

– Он заслуживает этой участи, – согласился Бирр и подошёл к Ноули ближе – проверить, надёжно ли тот скован.

Кандалы были крепки как никогда, и вырваться из их плена было не под силу даже двум таким, как Виллимони. Он и не пытался шевельнуться – каждое, пусть и мимолётное, движение вызывало режущую боль в сломанных костях. Ноули чувствовал себя таким слабым и ничтожным, точно он вчера появился на свет и может выразить своё настроение лишь при помощи звуков и взглядов. Звуки, как он успел заметить, больше не раздражают Кавера и Айрена. Посему ему оставалось лишь одно: с испепеляющей ненавистью всмотреться в эти лица.

– Ты можешь пялиться на нас хоть круглыми сутками, – подметил Вест, проверяя кандалы вместе со своим другом. – Но это не освободит тебя.

– Он скован, – заключил Бирр, отходя от пленника. – Теперь можно уходить.

Но Айрен, чья природная свирепость разгорелась ещё ярче под оупляющим и развращающим влиянием войны, не смог устоять перед искушением вновь причинить Ноули боль. Он затянул железные ободки ещё туже – и офицер ощутил, как с хрустом ломаются его пальцы.

– Пусть посидит вот так, – радостно прибавил Айрен. – Думаю, крысы скажут нам «спасибо»: им понравится грызть раздробленные кости.

– Хватит, – оборвал его Бирр. – Он обречён до конца своей короткой жизни страдать так, как, я надеюсь, нам не придётся никогда. Оставь его.

– Прощай, офицершика, – насмешливо отдав честь, Вест вышел из камеры.

Свет факела – неуверенный, слабый, удалялся от него по коридору, превращаясь в жёлтую точку, и вскоре исчез за одним из узких поворотов. Ноули провожал его взглядом, пока всё вокруг него не погрузилось вновь в более привычную ему темноту. Теперь он оставался один сам с собой... и с крысами. Решётка его камеры была поднята, ведь, будучи скованным по сломанным рукам и ногам, заключённый не имел и крошечного шанса на успешный побег. Всматриваясь в тонкие, но прочные прутья, Ноули изнывал от злости. Свобода, как экзотическая птица, реяла в двухстах шагах от него, а он не мог приблизиться к ней!

Но недолго злость владела им. Когда в наступившей тишине, такой острой, что один её немой звук колот ухо, послышалось злое шуршание, Ноули непроизвольно вздрогнул, и леденящий ужас наполнил ему душу. Он неуверенно видел сквозь окружающую мглу, как к нему медленно, угрожающе движутся крысиные силуэты. Они проникали в камеру кольшищимся неровным строем, как вражеская армия, щёлкая острыми зубами и нетерпеливо хлеща голыми хвостами о землю или о бока своих соседок. Ноули казалось, что он даже может различить голодный огонёк в чёрных точках крысиных глаз.

Вот они подкрались совсем близко, и, осмелев, вспрыгнули ему на колени. Виллимони с отвращением смотрел на облезлых грызунов, торжествующе скачущих по его сломанным ногам.

– Пошли прочь! – дёрнувшись, он не только отпугнул нахальных крыс, но и прошил свои бедные кости электрическим болевым разрядом.

Его движение заставило крыс отступить, но ненадолго. Сообразив, что сидящий здесь человек не сумеет стать им достойным соперником, мерзкие создания вновь пошли на штурм. Уже с десяток крыс вновь вскочили на него, и торопливо вонзили зубы в свежее мясо.

Вдалеке что-то грохнуло: наверное, это имперский снаряд рухнул в тюремный двор. Оглушительный шум сыплющихся камней и воинственные крики наверху растворили в себе мучительный вопль Ноули Виллимони. Впервые за двое суток нескончаемых пыток он позволил себе закричать, ведь он знал, что его уже никто не может услышать.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в сломанных конечностях, он силился стряхнуть с себя голодных палачей. Но они ни на секунду не прекращали своего пиришества. Кандалы Ноули вновь стали скользкими от свежей крови. Казалось, её металлический запах только подзадоривает крыс, и они с удвоенной жадностью принимаются грызть его заживо.

«Теперь я чувствую, что действительно умираю», – осознал Ноули. И это было так: никогда ещё призрак гибели не подступал к нему настолько близко. Сейчас же очертания прозрачной фигуры перед ним стали отчётливее и яснее.

Выход из камеры залило ослепительно белое сияние, и среди него появилась светящаяся, как светлячок, Байна... Улыбнувшись, она протянула к брату руку и поманила его за собой...

* * *

Марта стояла на своём посту, наслаждаясь последними минутами тишины перед боем. Тишина эта была особая, зловещая – по страшному звону, сквозившему в ней, было нетрудно догадаться, что вскоре грядет нечто очень страшное. Марта даже знала, что именно – её смерть. Но ей не стало страшно ни на одно мгновение: она так измучилась в этой жизни, что с удовольствием предпочла бы славно покинуть её в сегодняшнем бою, нежели долгие годы слепо ползать по земле без целей и привязанностей. Её единственным стимулом, топливом, что поддерживало в ней неугасимый огонь, была месть за семью и за город. Только одной мечтой Марта жила: мечтой о спасении Кеблоно. Но это было нереально: старые ворота не устоят против мощных таранов, истрёпанное войско внутреннего охранения не сумеет прогнать имперцев. Те были победителями с самого начала... Ноули Виллимони оказался прав снова, хотя он тоже во многом ошибался.

Холод первых предрассветных часов не мог добраться до её тела, закованного в громоздкий панцирь, но её кожа остро чувствовала его. Марта щурилась, ища среди часовых Дебллов Бирра Кавера, но его узнаваемой широкоплечей фигуры не было видно среди её товарищей. Тщетно она всматривалась в окружающих её воинов, тщетно бродила по крепостной стене в надежде обнаружить его. Бирр исчез.

– Айрен, как же я могла поверить тебе... – вслух укорила себя девушка. – Зачем ты солгал мне?

Ей не ответил никто: ни старый камень под ногами, ни шелестящий ветерок вокруг, ни побледневшее небо над головой, ни торопливо прошедший рядом воин. Всё и все молчали... Наверное, это значит, что она должна искать ответы сама. Всегда сама...

Горестно вздохнув, Марта пристально взгляделась в чёрную громаду имперского осадного лагеря, темневшего на вершине рокового Седьмого Креста. Её острые глаза легко отличали один полк от другого: за долгие месяцы осады она успела намертво запечатлеть в своей памяти их эмблемы. Её взор, как несчастный путник, блуждал от одного гордо реявшего в вышине вымпела к другому, пока не остановился на одном из них. Пятый королевский полк... Дракон в объятиях огня... Гай Фолди... Ноули Виллимони...

Вдруг неестественно громкий смех сотряс её уста. Вцепившись в зубчатый парапет, Марта неистово смеялась дикой мысли, что пришла к ней в голову. Все, кто окружали её в дни осады, были врагами, даже формальные «друзья»! Выходит, она, точно наивная глупышка, столько времени искала понимания в стане чужаков...

У неё не было иных друзей, кроме неё самой. Она никому здесь не была и не будет нужна, ведь она избегала общения с союзниками, боясь разоблачения и боли от потери временной привязанности. И теперь уже поздно хоть что-то менять: такая крепкая дружба, которая соединяла её с Бирром, не может возникнуть за короткие часы. А Бирр куда-то исчез. Зря

Марта заступилась тогда за пленного офицера: вполне возможно, этот поступок уничтожил их с Кавером взаимную симпатию навсегда.

– Какую цену мне ни пришлось бы за это заплатить, я не чувствую себя оступившейся, – чтобы поднять себе настроение, Марта уверенно заговорила вслух. – Раз Магия позволила мне спасти офицера, значит, это было нужно. Уважение к врагу не означает, что я предательница. Я всё равно буду ненавидеть и Империю, и Виллимони – они лишили меня того, чем я дорожила. Смерть им!

Но её воинственный клич даже ей самой не показался убедительным. Ведь со стороны Седьмого Креста, как ответный вызов, зазвучало пение фанфар, хриплый зов труб и тревожный рокот барабана. И этот вызов казался куда внушительнее и страшнее, нежели её вопль, ведь ей одной предлагало биться сразу множество людей.

Неверный свет первых солнечных лучей упал на крепостные стены Кеблоно, безжалостно выхватив из ночной тени каждого человека, каждое растение, каждое дерево и даже каждый камень. К окончанию боя многих этих деталей окружающего пейзажа уже не будет...

Седьмой Крест ещё не озарила игра восхода, и его угрюмый холм оставался угрожающим и величавым. Оттуда, с мшистой вышины, поползли вниз чёрные струйки вражеского войска. Зазвенели доспехи защитников Кеблоно. Зазвучали боевые кличи. Музыка взорвала затихшие окрестности. Марта крепче перехватила арбалет, одновременно опуская забрало на лицо. Чёрная волна имперцев, под влиянием солнечного света перекрасившаяся в разнообразные яркие цвета, прекратила свой бег в сотне от недружелюбно молчащих укреплений. Главнокомандующий – а им являлся Его Величество Кларк – на своём крепком сивом коне выехал вперёд. Голос Короля, стократ усиленный с помощью магии, распугал усевшихся на деревьях ворон.

– Готовы ли вы поднять белый флаг, склонившись перед величием Короны, вы, оборона Кеблоно!

Марта не знала, кто ответит Королю, ведь с тех пор, как их командир предложил им последовать предложенному им трусливому плану, защитники Деблльских укреплений отказались повиноваться ему, и, таким образом, оказались предоставлены сами себе. Судя по затихшим баррикадам, никто не осмеливался заговорить с Кларком. «Какие они всё-таки боязливые! – с отвращением подумала Марта, осматривая своих товарищей. – Они могут взбунтоваться против своего командира, бросить вызов неисчислимой армии противника, отказаться подчиняться Короне, но, если их попросят повторить свои отважные речи перед лицом у правителей, они испугаются. Мужчины!.. Вот каковы они! Если они не желают заговорить, тогда это сделаю я!»

Расхрабрившись, Марта подняла забрало шлема и горной козочкой скакнула на парапет. Она стояла на толстом каменном зубце, а под её ногами расстились, как колышущийся ковер, вражеские силы. Но она не испытывала страха перед ними, ведь, пока она стояла так высоко, они чудились бестолковыми и слабыми букашками. Зная, что её дело – правое, Марта могла сказать об этом в лицо даже Королю. Когда её чистый, звонкий голос, усиленный с помощью простого короткого заклинания, разнёсся над притихшим полем, удивление исказило черты воинов. Кларк даже покачнулся в седле: он не ожидал, что совсем юная девушка будет говорить с ним, с правителем страны, так свободно и так непочтительно!

– Я слышу твои слова, главнокомандующий! – отвечала Марта с крепостных стен. – И я отвечаю от имени всех тех, к кому ты обращался, в надежде, что я правильно истолкую их намерения. Я отвечаю: «НЕТ!!» Империя оскорбила нас, мы не склонимся перед нею. Мы будем драться!

Могучая воля Марта к борьбе заразила её товарищей, придав им новых, не известных им раньше сил. Потрясая оружием и громко крича в знак одобрения, они забывали, что всего секунду назад были слабы и растеряны, а их устами говорила женщина.

Оживление, охватившее Кеблоно, не пришлось Его Величеству по душе. Вернувшись в ряды авангарда, он жестом подозвал к себе командира пятого полка, Гая Фолди. Фолди, ещё молодой человек около двадцати пяти лет, с готовностью подскочил к своему повелителю. На лице его появилась угодливая улыбка:

– Что Вам угодно, Ваше Величество?

– Ты будешь иттурмовать Дебллы, – с холодной яростью заявил Король. – И я приказываю тебе: убей их всех! А ту девчонку – с особой жестокостью!

– Будет исполнено, Ваше Величество, – старательно закивал Фолди.

Лишь такой же искусный лицемер, как и он, сумел бы прочесть в его глазах искорку затаенного воодушевления. Такое воодушевление испытывают ловкие интриганы, когда им удаётся заставить марионетку поступить по своей воле. Чтобы не выдать себя, Гай торопливо покинул Короля и ловко ввинтился в толпу генералов, раздавая им указания.

А главнокомандующий, зло сузив глаза, поднёс к губам рог и затрубил сигнал к бою.

Войска Авалории построились и двинулись на иттурм.

– Прощай, жизнь, – с сумасшедшей радостью крикнула Марта.

И грянул гром битвы среди молчащих доселе окрестностей. Вновь могуче зарокотали катапульты, вновь тяжёлые камни один за другим полетели на крепостные стены Кеблоно, и тяжёлые отравленные стрелы, пущенные из арбалетов, стали вонзаться в тела непокорных. Марта чудом жила под смертоносным огнём, в то время как её менее удачливые товарищи снопами окровавленных тел укладывались ей под ноги. Привычный грохот гибели разрывал ей уши, смазанные картинками, сменяя друг друга с молниеносной скоростью, маячили у неё перед глазами. Она не сознавала, что делает: равнодушие к собственной никчёмной жизни сменилось непреодолимым животным инстинктом самосохранения. Она не контролировала свои поступки, её тело словно обрело самостоятельность, пока разум отвлечённо блуждал где-то вдали. Только ощущения подсказывали ей, что она ещё жива и стоит насмерть на Деблльских воротах.

Чёрная тень распластала над нею свои крылья. Отшатнувшись, Марта врезалась в кого-то из своих боевых товарищей и неуклюже рухнула на землю. Гигантский серый бульжник обрушил одну из внешних крепостных стен, бросив пыльную крошку ей в лицо. Послышались душераздирающие возгласы: это замешкавшиеся смертники нашли свою путёвку во Второе Измерение под тяжестью рухнувшего снаряда. Имперские войска разразились радостными кличками: вот уже на одну стену они приблизились к победе. Два месяца назад своевольный город защищали четыре оборонительные линии, ныне из них осталась невредимой лишь одна: та, на страже которой сейчас стояла Марта. Вскакивая на ноги, она схватила откатившийся в сторону арбалет и с яростным остервенением устремилась к передовой: туда, где отважнейшие люди гибли десятками. Она вновь выбралась на парапет и тщательно прицелилась, не спуская тяжёлого взгляда с блестящего на солнце шлема Гая Фолди. Один, два, три выстрела – смертоносный дождь устремился к министру, но не сумел приблизиться к нему и на три метра. Слово что-то вокруг него задрожало, как потревоженное желе, кольхнулось: и стрелы исчезли в туманной пустоте. Фолди медленно поднял голову и презрительно улыбнулся. Маг! Как она не догадалась об этом раньше? Разъярённая своей фатальной ошибкой, Марта изменила направление стрельбы: теперь она вела огонь по окружению Гая. Стоило замертво упасть хоть одному телу, сражённому её рукой, как она испытывала небывалый подъём чувств. Никогда ещё такого с нею не бывало. Быть может, осознание того, что эта битва – последняя, придавало ей новых сил. Камни стонали у неё под ногами, ворота ощутимо дрожали под натиском таранов, люди кричали, погибая, а Марта Сауновски смеялась как безумная, хоть из многочисленных брешей в её броне и сочилась кровь. Смерть – значит, смерть! Значит, вперёд, в мир духов или за победой!

Снова снаряд Империи описал изящную дугу у Марты над головой и тяжело рухнул в тюремном дворе. Земля содрогнулась, пыль взмыла в воздух серыми тучами, и огненные снопы замелькали на Седьмом Кресте. Империя стреляла в них тем секретным оружием, формулу которого повстанцы украли у пленного офицера! Марта с чувством выругалась себе под нос. Человек, стоящий возле неё, закричал в объятиях адского горящего шара, закричал и... умолк. Лишь пепел, оставшийся от него, вяло коснулся земли.

– Бейте Империю! Бейте их, братицы, бейте! – завопила Марта. – Смерть им всем! Смерть! Давайте покажем им, где раки зимуют! Огонь!

Снаряды защитников Кеблоно – здоровенные серые бульжники – полетели в ровный строй наступающей армии. Несколько ударов – и от легендарной конницы пятнадцатого полка осталось только воспоминание, а большинство лучников Фолди нашли вечный покой под общей могильной плитой. Марта торжествующе закричала, хотя ей было ясно, что им не удержать Кеблоно, как бы яростно и преданно они ни обороняли эти стены. Быстро оправившись от удара, имперцы перестроились и вновь неумолимо зашагали вперёд. А оборотни ещё раз запустили тараном в ворота. Теперь отдача была столь сильна, что Марта, покачнувшись, едва не упала с парапета. Она наклонилась над пугающей чёрно-зелёной бездной и увидела, как имперские лестницы ловко опираются о грубые крепостные стены.

– Несите сюда масло, смолу, скорее! – её голос сорвался от волнения, но товарищи всё равно её услышали, будто между ними существовала телепатическая связь. Кипящие котлы, как по волшебству, очутились здесь, и Марта с яростным удовлетворением помогла вылить их содержимое на осаждающих. Обожжённые солдаты с воплями полетели вниз.

Подбежавшие защитники левой стороны Дебллов ловко опрокинули приставные лестницы. Но упорные имперцы подняли их снова, и новые волны врагов хлынули наверх. Марте захотелось выть от отчаяния: она видела, что Кеблоно обречён. Им не спасти свой любимый город, не вырвать его из лап врагов. Империя не зря настолько бесечно жертвует своими воинами, ведь у неё есть ещё множество резервных частей, готовых ринуться в атаку по сигналу кровожадной трубы. А Кеблоно не может пополнить ряды своих защитников: они тают, как шоколад в жару. Всё, конец, конец, их карта бита!

«А вот и неправда! – упрямо подумала Марта. – Я не проиграю! Империя умрёт под нашими непокорёнными стенами!»

Она носилась, как вихрь, в толпе воинов, выкрикивая указания и сама же исполняя их. Как в бреду, она видела бурлящую смолу в котлах и блестящие от яда дротики, слышала крики и стоны, гул падающих снарядов и хлопки чужой агрессивной магии. Всё это было нереально, даже она сама. Она отказывалась понимать то, что происходило на самом деле: оборона Кеблоно билась в смертельной агонии, когда начинает казаться, что дела идут на поправку, когда на самом деле они летят в глубокую чёрную пропасть. Марта верила: они выстоят! Они сумеют! Но подбежавший к ней вдруг испуганный Кавер разрушил и тени её надежд:

– Марта! – закричал он в отчаянном исступлении. – Марта, Главные Северные Ворота пали!

– Что ты говоришь?! – потрясённо прошептала она, оборачиваясь. Камни со свистом и шумом носились у них над головами, люди кричали, и масло шипело, и стены рушились, и гремел победный марш, а она всё не могла поверить. Точно время остановилось. Точно мир вокруг неё умер.

– Ворота пали, – повторил Бирр. – Империя вошла в город.

И ей не нужно было просить сказать об этом снова. В глубине души она давно знала, что их усилия будут напрасны. Но сейчас, когда до её ушей донёсся отчётливый триумфальный стук барабанов, когда запах гари прикоснулся к её обонянию, а мирные жители с воплями кинулись к Дебблам, она отчаянно пожелала вернуться хотя бы на день назад. В тот день, когда мир вокруг ещё был привычным, пусть и омрачённым тревожной тенью войны. Этого

не могло быть... Империя не могла победить в противостоянии, ведь дело кеблонцев было правым! Разве им не говорили в детстве, что добро всегда побеждает зло?.. Оказалось, что в жизни чаще бывает наоборот!..

Шокированная Марта молча всматривалась в расширившиеся глаза Бирра. Они оба были одинаково растеряны и испуганы, ей не имело смысла искать у него помощи.

– Тогда давайте дорого продадим свои жизни! – с ненормальным воодушевлением заявила Марта, вновь хватая арбалет. – Мы окружены, мы не спасёмся. Так что же нам терять?!

– Нечего, – согласился Бирр, – кроме наших жизней. Знаешь, Сауновски, за время войны я многое понял. Нельзя разбрасываться тем, что имеешь: семьёй, друзьями, честью, собственным существованием. Если ты погибнешь сейчас, ты признаешь, что Империя победила. А её сегодняшнее торжество вовсе этого не означает. Словом, я думаю, у нас ещё много битв будет впереди. Я намерен принять в них участие. А ты?

– А я? – Марта была настолько удивлена его словами, что даже не знала, как можно ответить.

Глядя в глаза Кавера, она вдруг поняла, о каком будущем он говорил ей. Он говорил, у них есть шанс, и им ещё не поставлен шах и мат в этой игре. У неё был выбор: покинуть Измерение Живых со славой и бросить Кеблону на растерзание Империи или остаться здесь, чтобы защищать родной город иными способами. И мстить!

Переведя взор на кипящую волну врагов под рушиющимися стенами, она глубоко вздохнула... и выбрала второй вариант.

Бирр понял всё без слов. Схватив её за руку, он побежал между рядами защитников, уклоняясь от града отравленных стрел. Небо над их головами потемнело, ветер усилился, и даже Три Звезды погасли, словно в их жизни наступила вечная ночь. Марта чувствовала себя предательницей по отношению к товарищам, ей отчаянно хотелось вернуться на передовую, но Бирр не позволял ей сделать даже шагу назад. Когда она в очередной раз рванулась к парапету, он прорычал ей в ухо, как озлобленный медведь:

– Нет! Неужели ты не понимаешь, что там тебя ожидает лишь смерть?

Словно в подтверждение его слов, на глаза ей попался труп Веста Айрена. Палач лежал в глубокой луже собственной крови лицом вверх, раскинув здоровенные руки в стороны. Из груди у него торчала внушительная арбалетная стрела. М

«А ведь он любил хвастать, что благодаря его громадным мускулам ни одному врагу не одолеть его. Оказалось, это было не так. Достаточно лишь одного меткого выстрела из арбалета – и часы утомительных тренировок пропадут впустую. Железные мышцы не делают тебя неуязвимым, Вест...»

Торопливо пробегая мимо, она увидела неподалёку от Айрена и его лучшего друга, Упульму. Тот тоже был убит арбалетной стрелой: она пришила его к забрызганному кровью деревянному столбу с объявлениями. На лице Венеса, как и на лице Веста, застыло выражение пламенного гнева, гнева, силу которого не сумела умалить даже смерть. Марте было так больно смотреть на них, что из глаз поневоле потекли слёзы. Она готова была упасть на обгарённую голую землю, выплакаться, а потом с оружием наперевес приготовиться к встрече врагов. Неужели имперцы проникли уже так глубоко в Кеблону? Неужели город пал, сдался?

Ответ на её вопрос нашёлся сам собой. Крадясь по зловеще пустынным и безмолвствующим улочкам центральных кварталов, они вдруг услышали вдалеке мерзкий хохот и печальный звон. Марта вздрогнула: этот звон ей не забыть никогда! Только вечерней колокол Кеблону мог петь так глубоко и так нежно... Как Империя вообще смела коснуться этой святыни?

– Гады! – выругалась она, рванувшись к ратуше. Но могучая рука Бирра, наделённая нечеловеческой силой, твёрдо удержала её за плечо.

– Нельзя, – односложно сказал он. – Они убьют тебя. Посмотри, сколько их там!

Боязливо высунувшись из-за белокаменной стены, Марта придирчиво всмотрелась в огромную воинскую толпу, окружившую ратушу. Камни площади вокруг неё из сиреневых стали красными от крови, в воздухе не стало свободного места от мух и ворон. Чужа знакомый запах бойни, падальщики слетались сюда сей же миг. Трупы погибших защитников города невозможно было различить сквозь толстый копошащийся слой каркающих птиц и жужжащих насекомых. Представив себе, что там могут лежать её друзья и знакомые, Марта полузадушенно взвизгнула от ярости, но Бирр вовремя зажал ей рот рукой.

– Не время, – тихо проговорил он. Она незамедлительно нагрубила бы ему, если бы не слышала в его голосе столь созвучные её настроению нотки сдерживаемой ярости. – Не время, Марта. Мы ещё отомстим им, когда придёт наш черёд делать ход.

– Но... посмотри, что они делают! – плача, воскликнула Марта. – Посмотри! Неужели мы пройдем мимо?

– Да, – вздохнул Бирр. – Мы не сумеем остановить их.

В чём-то он не ошибался. Огромный полк имперцев не под силу было удержать двум одиноким людям. Марта с ненавистью смотрела, как довольно ухмыляющийся Король отдаёт резкий приказ: и огромный колокол, чей чистый голос сопровождал её на протяжении всей её жизни, стремительно мчится к земле. Марта протянула к нему руки в бессильной мольбе с ребячьей надеждой, что он вдруг замедлит своё падение и аккуратно опустится на разогретые камни. Но этого не случилось. Ещё секунду назад вечевой колокол Кеблоно, его гордость и символ его независимости, сверкал на солнце всеми оттенками радуги, и золотистые зайчики пробежали по его серебряным, с замысловатой чеканкой, бокам, а вот уже от могучего колосса остались лишь неровные кусочки да прощальный звон, с тоской затихающий вдали. Марта непроизвольно прижала руку к груди: ей показалось, будто вместо колокола сейчас разбилось её сердце. Неужели?... Неужели уничтожить ЕГО было так же легко, как и рассеять армию Кеблоно? Неужели на протяжении всего этого времени Империя играла с ними, как кошка – с пойманной мышкой?

Смотреть на останки вечевого колокола было невыносимо тяжело, но Марта не могла отвести от них взора, словно её загниотизировали в садистском стремлении усилить её страдания. С гибелью символа свободы исчезла и она сама, как бледный призрак. Теперь гордые кеблонцы стали рабами в услужении у высокомерной себялюбивой Империи. И Марте не нужно было видеть, как над шпильями ратуши взмывает авалорийский итандарт, не нужно было слышать торжествующие вопли имперских солдат, чтобы осознать своё поражение.

«Может быть, Деблльский гарнизон спасёт нас?» – с тенью ободрившей её вдруг надежды она оглянулась, но...

Но лучше бы она стояла к покинутым воротам спиной. Со стороны укреплений неслись звуки победного имперского марша, тюрьма и близлежащие кварталы гибли в огне, а воины Фолди гордо маршировали на воссоединение с королевской частью. Во главе колонны завоевателей Марта увидела министра: радостный и гордый победой, он гарцевал на своём тонконогом вороном эсеребце, широко улыбаясь. От этой его улыбки девушке затошнило. Ей захотелось подбежать к нему и с размаху ударить по лицу. Но Бирр уже в который раз удержал её. Его руки дрожали от ярости, а голос полнился надежды:

– Они заплатят за это! Обещаю!

Но какую цену на войне имеют слова? Даже жалкий камешек стоит больше, нежели любые громкие клятвы. Марта безучастно всмотрелась в укрытое тенью лицо друга. Нет, он изменился, он стал чужд ей, равно как и покорившийся Кеблоно. Ныне от её любимого родного города остались только воспоминания и вот эта жирная чёрная земля, которую они беззащитно топтали ногами. Наклонившись, Марта зачерпнула полную горсть рассыпчатых влажных зёрнышек и нежно поцеловала каждое из них. «Ни один имперец не посмеет осквер-

нить мою последнюю святыню», – решила она и крепко сжала кулак. Она чувствовала, как незримые оковы неслышной клятвы сжимают её душу в холодных тисках. Их хватка была во много раз крепче, чем у кандалов Ноули Виллимони, а Марте вовсе не хотелось вырываться из них. Она добровольно посадила себя в нерушимые застенки. Теперь она будет вынуждена находиться в них, пока не умрёт. И, возможно, так даже лучше.

Издалека донеслись жалобные крики, сдобренные одобрительным улюлюканьем имперцев: это какая-то женщина с уменьшенной копией герба Кеблоно на груди попала в руки врагов. «Вот что ждёт всех нас, – с леденящей кровью яростью подумала Марта, глядя, как женщину тащат в сторону виселицы. – Если мы не покоримся, нас уничтожат.

Но это не значит, что у нас нет права на рокировку».

Бирр настойчиво потянул её за руку:

– Марта, хватит. Я не могу спокойно смотреть на это!

– Не смотри, – ответила она. – Действуй, коли ты действительно так храбр, как кажешься.

– А что будет потом? – удивился Бирр. – Какой толк выйдет из моей смерти, ведь я непременно буду убит, если посмею сразиться с Империей в одиночку. Мне нужны союзники. И время.

– Тогда нам остаётся лишь терпеть и молчать, как затравленные трусы? – возмущённо зашипела Марта. – Неужели...

– Да. Любя Кеблоно, мы затаимся на время. Поверь, мы обязательно заявим о себе. А сейчас... идём. Не стоит травить себе душу лишний раз.

Она молча позволила Бирру взять себя за руку и утащить в клубящийся мрак теневых кварталов города: в те места, где Империя никогда не сумела бы найти их. Пока они, точно призраки, скользили в грозном молчании извилистых переходов, до их ушей из центра Кеблоно доносился алчный треск огня, звон мечей и жалобные людские крики. Всё это время Марте нестерпимо хотелось броситься назад, впрочем, как и Бирру. Но они, два бестолковых трусишки, не оборачиваясь, бежали по скользким камням, пока не наткнулись на монолитную стену тупика. А сзади послышался характерный перестук лошадиных подков: имперский конвой, не теряя времени, начал осматривать покорившийся город.

– Драться? – с интересом спросил Бирр.

Она отрицательно покачала головой: после долгого бега с препятствиями любое движение вызывало боль в мышцах. К тому же, у неё был иной план. Марта заговорщицки кивнула в сторону внушительной мусорной груды, брошенной посреди грязной мостовой. Бирр немо согласился с нею... и нырнул в очистки так же проворно, как и рыба – в воду. Она ловко последовала за ним. Гнилостный запах, противный и угрожающий, тотчас набился Марте в ноздри. Она едва подавила желание чихнуть, которое, несомненно, выдало бы её: из-за угла появился имперский патруль. Сквозь тонкую щель в отбросах ей было видно, что во главе небольшого отряда стоит Гай Фолди. С самоуверенным и всезнающим видом министр осмотрел пустую улицу.

– Именем Короны, выходите! – прокричал он.

Безрезультатно. Если многочисленные отщепенцы, населявшие эти кварталы, и услышали его призыв, то откликнуться на него они не пожелали.

– Выходите! – ещё громче повторил Фолди, и с ноткой фальшивого милосердия прибавил: – Каждый из вас, кто покажется на улице и присягнёт Короне добровольно, не вынуждая меня применять силу, получит вознаграждение: мешок золотых! Вы слышите?

В подтверждение своим словам министр извлёк из объёмной седельной сумки матерчатый кулек, звенящий притягательным звоном денег. Марта была уверена, что падкие на золото отверженные вылетят на улицу, как стайка неуловимых бабочек. Но, тем не менее, мерзкие картины реальной продажности и алчности, вставшие перед взором, шокировали её.

Один за другим униженные бедняки выстраивались в очередь перед неиссякаемым мешком Фолди, протягивая к нему исхудалые руки. Но министр не вынимал ни одной монетки, пока на улице не появился Король в окружении Личной Охраны, и отверженные не присягнули ему на верность перед лицом всего Измерения Живых и самой Магии.

Бирр прошептал Марте на ухо:

– Фолди – умная тварь. Будь уверена, к концу этой недели он не посулами, так лестью или угрозами заставит всех жителей Кеблоно присягнуть Королю.

– Кроме нас, – шёпотом возразила Марта. – Мы не станем предавать свой дом, правда?

– Правда, – тихо согласился Бирр и осторожно сжал её ладонь под грудями мусора.

Однако этот жест искреннего дружеского сочувствия и понимания не придал ей новых сил. Наблюдая из своего укрытия, как рассеивается в небе дым от горящих укреплений Кеблоно, непокорные жители гибнут на улицах, а Фолди широко ухмыляется, точно перекормленный кот, Марта чувствовала, что вскоре всё станет намного хуже...

КОНЕЦ

То, что было после

Парад

Королевство Авалория (истинно – Империя), Центральные Провинции, Кеблоно. 12 Сэйра 3041 года по летоисчислению Авалории.

В городе готовился великий праздник. Он был настолько грандиозен, и, конечно, настолько же чудесен, что все обитатели покоренного Кеблоно обязаны были пойти взглянуть на него. Никто не имел права отказаться: даже тяжело и смертельно больные должны были явиться на центральную площадь и занять отведённое им место. Исключения не сделали даже для отверженных. Чтобы они не оскорбляли чувства прочих преданных подданных Короны, их разместили в особых секторах площади, для этого случая огороженных металлическими решётками. Словом, всё было устроено и спланировано идеально.

В воздухе, между по-весеннему чистым и безоблачным голубым небом и блестящими от старательной уборки камнями мостовой реяли разноцветные ленточки и шары, которые восторженные дети с радостью подкидывали над головами. В ожидании начала праздника пришедшие люди переговаривались, смеялись и улыбались, хотя многим из них вовсе не хотелось этого делать. Однако приказ Его Величества Кларка невозможно было оспаривать, особенно в его присутствии. Король повелел всем жителям Кеблоно «оставить за порогами жилищ свои печали и горести, дабы проявление несоответствующих празднику чувств не омрачило общего веселья». Специально расставленные по площади стражники внимательно следили, чтобы плебс пребывал в приподнятом настроении хотя бы внешне. А, так как изучить обустройство подземных тюрем не желал никто, то в этот тёплый погожий денёк шумная толпа пестрела и искрилась искренними улыбками и натянутым смехом. Венценосная чета, сидя на трибунах для знати, благосклонно наблюдала за происходящим. Королева казалась особенно весёлой. Пока только она и её муж знали, что в их одинокой семье грядёт пополнение. Влеона, которой был поставлен ужасающий диагноз: «бесплодие», наконец-то сумела забеременеть. А это значило, что вскоре на свет появится наследник или наследница, и завещание, составленное Королём и Королевой в пользу Гая Фолди, утратит свою силу. Всеведущий министр, конечно, подозревал об этом. Потому сегодня вид у него был крайне мрачным: тень не подтвердившихся ещё сомнений чернила его чёрствую душу. Но угрюмое выражение на его лице не мешало столпившимся на площади девушкам восторгаться им.

Одна юная особа, тенью следовавшая за своим женихом в первые ряды зевак, из последних сил старалась сдерживать рвущееся из неё раздражение. Эта особа любила честность и мягкость: те человеческие качества, которые в эпоху торжества Империи не были в цене, и которых она сама по воле обстоятельств лишилась. Здесь, среди толпы лицемеров, она не чувствовала себя их частью, поскольку причины, побуждавшие её притворяться, были более весомыми. Проходя мимо дежурного стражника в сверкающих доспехах, девушка боязливо пригнула голову и крепче вцепилась в руку своего спутника. Тот успокаивающе пожал её ладонь в ответ, и, ловко уклонившись от движущейся в их сторону массивной супружеской четы, нырнул в эпицентр толчеи. Раздавая толчки и тычки, помолвленная пара чудом проникла в первые ряды зрителей. Отсюда девушка могла видеть, как на площадных часах быстро крутится секундная стрелка, приближая открытие праздника. Отсюда она могла видеть, как ветераны Освободительной Войны – так Империя предпочитала называть своё подлое нападение на Кеб-

лоно – строятся, готовясь к триумфу. Как то казалось естественным, воины постарались принарядиться. Талант Байны Санны – королевской швеи и модистки – облегчил им эту задачу. Особенно эффектно смотрелся пятый полк, находившийся под личным командованием Фолди. Девушке казалось, что блеск новеньких воинских эполетов, начищенных орденов и медалей ослепляет её больше, чем не по сезону яростное солнце и приторно-радостные улыбки окружающих. Внутри неё несвоевременно вскипела ярость, сдерживать которую она пыталась на протяжении всего этого страшного года. Чтобы ничем не выдать своих чувств, она обернулась к своему жениху и уткнулась носом ему в плечо. Со стороны могло показаться, что она плачет от обуревающей её радости и гордости за Империю. На самом же деле девушка сдавленно прошептала:

– Я больше не могу терпеть, Бирр! Давай убьём их всех! Они рядом – и Королева, и Король, и министр!

– Нельзя, Марта, – успокаивающе похлопывая её по спине, прошептал Бирр ей в волосы. – Ты же знаешь, мы не успеем и шагу к ним сделать, как стража разорвёт нас на куски.

– Надо действовать быстрее! – воскликнула она. – Мы можем всё, если только мы *захотим этого!*

– Я хочу, – отрезал вдруг омрачившийся Бирр. – Но в то же время я хочу жить.

– Ты трус, – фыркнула Марта, отстраняясь. – У нас ничего не осталось, даже чести. Зачем тогда жить?

– Затем, что всё, чего больше нет, мы можем вернуть, – зловещим шёпотом пояснил Бирр. – Неужели ты не понимаешь? Мы можем вернуть это, но только тогда, когда наступит подходящий момент.

– Он уже наступил! – упорствовала Марта.

– Нет. Кто поддержит нас, если мы вздумаем броситься на Короля с Королевой или на министра? Они? – он вопрошающе указал себе за плечо, в сторону народа. – Мне кажется, нет.

– Но наши союзники...

– Их ещё мало. Словом, Марта, стой здесь и не делай глупостей, – устало улыбнувшись, Бирр отпустил её руку. – Ты же знаешь, я не могу остаться рядом.

– Не уходи! – жалобно попросила Марта, снова цепляясь за его воротник. – Ты понимаешь, без тебя я точно наделаю ошибок!

– Если я останусь, это уже будет ошибкой, – отрезал он. – Помнишь нашу легенду? Мы – жених и невеста, круглые сироты, следовательно, по законам нравственности и благочестия, мы не имеем права оставаться вместе на торжествах и траурных церемониях.²

– И почему мы выбрали именно эту легенду? – возмутилась Марта.

– Тише! – шикнул Бирр. С вымученной улыбкой он прибавил: – Согласись, вряд ли кто-нибудь поверит, что мы – брат и сестра. А в то, что мы – отец и дочь или опекун и подопечная – тем более, отверженные не имеют права ни за кого ручаться.

– Почему тогда мы не женаты? – требовательно спросила она.

Судя по утомлённому вздоху Бирра, этот вопрос был глуп до крайности.

– Потому, что тогда стражники потребовали бы у тебя документ, который выдаётся замужним женщинам на имя их супруга.

Марта злобно поджала губы: юридические тонкости никогда не были её коньком. Большинство принимаемых в Империи законов её раздражали или вызывали искреннее недоумение, в то время как Бирр одобрял либо не одобрял их, исходя из своих знаний и какого-то невероятного политического чутья. Сравнивая себя с ним, она часто с горечью приходила

---

² Закон о нравственности и благочестии, изданный Её Величеством Маргарет в 2226 году по летоисчислению Авалории, касался множества вопросов брака и помолвки, а также неформальных отношений между полами.

к неутешительному выводу: пусть он и приходится внуком настоящему гибриду, во многих отношениях он намного умнее неё.

– Успокоилась? – поинтересовался он.

– В той степени, в какой это вообще возможно, – язвительно обронила Марта.

– Надеюсь, это надолго, – сказал Бирр, маскируя свои слова неестественно широкой улыбкой. – Я буду ждать тебя около Внутренних Арочных Ворот. Не вздумай пытаться пройти мимо стражи, договорились?

– Договорились, – уныло ответила Марта.

– Не болтай ни с кем... вдруг рядом окажется имперский шпион, – когда последнее предостережение было высказано, Бирр, кажется, почувствовал себя легче.

Обмениваясь лицемерным прощальным объятием, Марта кисло улыбнулась. Девушки, окружавшие её, болтали о нарядах или, обливаясь слезами, прославляли Империю за её вероломство и коварство... Никто не сказал хороших слов о Кеблоно. Уже не в первый раз она, стоя в шумной счастливой толпе, почувствовала себя невероятно одинокой. Когда Бирр был рядом, её грело ощущение родственности между ними. А сейчас он ушёл, оставив её наедине с враждебным к ней миром. Марта обхватила себя руками за плечи: на пару секунд ей вдруг показалось, что на площади стало по-зимнему холодно.

Но не изменение погоды вызвало у неё такую реакцию, а громовой победный марш Империи. Он звучал точно так же, как и тогда, год назад. Словно с тех пор ничего не изменилось: Кеблоно не пал, последнюю стену не проломил тараны и вечевой колокол не разбили, а вражеские войска стоят лагерем на Седьмом Кресте, готовясь к штурму. Марта понимала, что её воображение играет с ней злую шутку, а испуганное сердце бестолково начинало биться чаще. Её захлестнуло ощущение дежа-вю, когда те самые трубы в последний раз хрипло загудели, а знаменитые имперские полки на противоположном конце площади встали строем, которым шли в победный бой год назад. Те же звуки, те же люди... только атмосфера иная. В прошлом году война реяла угрожающей птицей, сейчас же её боготворили и культивировали. Как будто война не несла смерть и разрушение, голод и панику. Как будто все вокруг, даже коренные жители Кеблоно, переживавшие осаду, забыли об этом. Как будто кровь их родных и любимых реками не лилась по этой самой площади, как будто эти отполированные до блеска стены не впитали в себя эхо криков и стонов умирающих. Как будто все, за исключением Марты и Бирра, сохранили в своей памяти войну как калейдоскоп красивых битв и торжествующей игры победного марша.

Она крепче сжала кулаки, ощутив, как ногти до крови впиваются в ладони. Чтобы успокоиться, она постаралась прислушаться к разговору небольшой группы девушек, стоявшей неподалёку. Несколько мгновений Марта пыталась разобрать среди их речи среди суетливого шума, но это не получалось, пока она не подошла ближе. Прислушавшись же, она с опозданием поняла, что ей стоило бы не двигаться с места.

– Посмотрите, там же Его Превосходительство, господин Фолди! – с восхищением визжала самая низенькая и некрасивая из девушек. – Смотрите, он повернулся в нашу сторону!

Разразившись томными вздохами, подружки якобы стыдливо опустили глаза и залились краской. Министр безразлично скользнул по ним взглядом и принялся изучать их яркие шляпки. Девушки, решившие, что Фолди смотрит на них, продолжили шушукаться уже за прикрытием вееров.

– Какой же он всё-таки красавец... – мечтательно протянула девчонка с длинными тёмными волосами, уныло окаймлявшими её изрытое веснушками лицо.

– Но не для тебя, – насмешливо вставила её соседка, высокая эффектная блондинка с длинными ногами, которые почему-то упорно пытались провести в сознании Марты сравнение с болотной цаплей. – Сама подумай, Кали, кому нужна такая дурнушка и простушка, как ты?

Девушки весело захихикали, обстреливая несчастную Кали презрительными репликами. Вспыхнувшая до корней волос, она ещё крепче прижала веер к лицу и украдкой тоскливо посмотрела на Фолди. Марте вдруг показалось, что это чувство сквозит и во взгляде ненавистного ей министра.

– Да, глупышки вроде тебя не нужны важным людям, таким, как он, – процедила черноволосая девушка. В глубине её синих глаз, резко выделявшихся на фоне мраморно белой кожи, стрельнуло пренебрежение. – Кали, забудь. Он – аристократ, как и я, а ты – только дочка башмачника, которого убили на войне.

– А ещё у Фолди куда больше ума, чем у тебя, – мрачно прибавила блондинка-цапля.

– А ещё он вовсе не такой замечательный, как вы думаете. Кали – дура, а он – алчный, подлый, властолюбивый мерзавец, – по слогам отчеканила вдруг девушка, стоявшая между низенькой дурнушкой и черноволосой дворянкой.

Эти простые слова заставили Марту вздрогнуть. В неверии она вглядывалась в лицо той, кого так долго искала в толпе людей с влюблённым в Империю взглядом. Девушка, не побоявшаяся резко и справедливо осудить Фолди в обществе его страстных поклонниц, на первый взгляд могла показаться ничем не примечательной серой мышью. На фоне спутниц, отличавшихся либо своей красотой, либо своим уродством, она становилась блеклой тенью. Даже сейчас, глядя ей в лицо, Марта не могла запомнить её облика. *Простая, обычная* – два этих слова вертелись у неё в голове. Спутницы с изумлением и неодобрением посмотрели на неё, но она не опустила головы, и родной Марте огонь не погас в её глазах.

Сообразив, что сломить подругу молчаливой злостью не удастся, девушки заговорили. Заговорили, вернее, закудахтали наперебой, как будто потревоженные в курятнике куры. Их возмущение вылилось в одну общую фразу:

– Как ты смеешь?!

– Смею, – бесстрашно возразила девушка. – Смею потому, что я говорю правду. А вы...

– Ой, давайте не будем слушать то, что она болтает, – низенькая дурнушка, явно лидер группы, демонстративно обернулась к говорившей спиной. Её громкий тонкий голосок был исполнен обиды: – Ну вот, из-за её гадких слов у меня совсем испортилось настроение. Знаете, девочки, лучше бы уж мы вовсе не брали её с собой, хоть тётя Парра и просила нас. Даже Кали лучше этой буки Аниссии. Правда?

– Правда, – единодушно поддержали её девушки, по примеру своей подруги оборачиваясь к опальной Аниссии спинами.

Впрочем, их равнодушие ничуть не смутило ту. Снисходительно улыбнувшись, Аниссия тоже отвернулась и с узнаваемой Марте ненавистью в блёклых глазах пригляделась к башенным часам. Всего через три минуты начнётся празднество. Всего три минуты есть у неё, чтобы найти союзника. Предостережения Бирра вылетели у Марты из головы, когда она услышала Аниссию.

«Сама Магия посылает мне знаки».

Решив так, она несмело окликнула стоящую рядом Аниссию:

– Эй!

Аниссия медленно, словно нехотя, обернулась. На её лице уже была непробиваемая маска, скрывавшая её подлинные чувства. *«Все мы, по сути, лицемеры, – тоскливо подумала Марта. – Мы лжём, чтобы жить... Фальшивые чувства и мысли, которые мы демонстрируем, делают нашу жизнь более похожей на эталонную, ту, что нам впаривает Империя. Это облегчает мою задачу, но в то же время вешает мне на шею многотонный груз. Я больше так не могу. Я буду говорить правду, а дальше уж пусть дела идут сами собой».*

Марта подошла к Аниссии ближе и торопливо выпалила:

– Я слышала, ты плохо отзывалась о Фолди.

– И? – Аниссия приподняла брови в надменном насмешливом вопросе. – Ты оттащишь меня в тюрьму потому, что мне не нравится ваш всеобщий герой и любимец? С каких это пор Империя официально запрещает выражать своё истинное мнение?

– Ты не понимаешь, – вздохнула Марта. – Я так долго ждала, чтобы хоть кто-нибудь сказал правду о нём, я совсем отчаялась, а тут ты...

– Почему же ты молчала, когда я говорила? – хмыкнула Аниссия. – Или у тебя не хватило смелости поддержать меня? Кажется, ты такая же, как и они, – она пренебрежительно кивнула в сторону своей компании.

Марта попернулась заготовленными словами. Эти язвительные упрёки, высказанные Аниссией, были тем больнее, чем они были справедливей. Что же помешало ей выступить против Фолди хотя бы словесно вместе с неожиданной союзницей? С неожиданным ужасом Марта поняла: она недалеко ушла от многочисленных лжецов, наводнивших центральную площадь. Аниссия намного была лучше неё: она хотя бы не боялась называть вещи своими именами.

Отвернувшись, Марта отчаянно всхлипнула: ненависть и презрение к самой себе нахлынули на её сердце так неожиданно, что то не выдержало и облилось кровью всего на пару мгновений, показавшихся ей часами. Аниссия, стоя рядом, с безжалостным удовлетворением наблюдала за её мучениями.

– Ты права, – выдавила Марта. – Ты права, я такая...

– Хватит пускать слюни, – жёстко приказала Аниссия. – Думаешь, твои рыдания разжалобят меня? Слушай же, что я тебе скажу. Фолди, которого ты, кажется, не любишь, унизил весь мой род, восстановив его против себя. Из-за месячного простоя в работе отца лишили его высоких привилегий, а, когда он попытался оспорить решение Фолди, Король и Королева отобрали у нашей семьи дворянское звание! Более того, нас, как простолюдинов, выставили к позорному столбу! Но я не стыжусь об этом говорить; ведь вся вина лежит на Фолди! Если бы твоя печаль была велика, ты не промолчала бы, когда эти глупышки, – Аниссия с презрением указала в сторону Кали и её подруг, – попытались поставить меня на место.

– Ты ошибаешься, – тихо возразила Марта. – Я не знала тебя и потому могла подумать, что ты – шпионка.

– Сейчас ты тоже не имеешь доказательств обратного.

– Нет. Но я помню, о твоей семье писала кеблонская газета «Милла». Тогда всё было иначе...

Кажется, Аниссия уловила в её словах оттенок затаённой скорби, почувствовала его искренность и шёпотом догадалась:

– Из-за Фолди ты потеряла очень многое...

– Семейно, – пояснила Марта. – Друзей, дом. То, чего вернуть нельзя.

– Вы должны мстить! – с яростной оживлённостью выплонула Аниссия. – Должны!

– Должны, – повторила Марта. – И мы исполняем свой долг.

Ей не казалось противоестественным то, что она открыто признаётся в своём революционном настроении едва знакомой девушке и даже тайно побуждает ту к бунту. Её накрыла волна сумасшедшего энтузиазма, а одуматься она не успела.

В последний раз на площади хрипло провыли трубы, прозвенели литавры, цитры, грохотнули барабаны. И установилась тишина: торжественно-напряжённая, она сомкнула уста каждого зрителя, словно чья-то тяжёлая рука. Марта с неудовольствием поймала себя на том, что, поддавшись стадному инстинкту, тоже затаила дыхание. Аниссия стояла прямо, скрестив руки на груди и презрительно посматривая на окружающих людей. Те все словно обратились в статуи, даже Король, Королева и беспокойно ёрзавший до того Фолди. Площадь готовилась к торжественному открытию первого парада, посвященному годовщине победы над Кеблоно. Марта же вольнодумно считала, что сегодня должен бы быть объявлен день траура в честь стольких невинно погибших.

Но венценосная чета представляла себе эту дату иначе. Они превратили войну из страшного и тяжёлого времени в пустую весёлую забаву, героическую сказку для маленьких детей. Едва ли кто-то здесь ощущал величественность момента. Марта слышала, как девушки обсуждают новые мундиры ветеранов и отбирают себе в суженые тех, чьи усы были длиннее, взгляд – наглее, а эполеты – ярче. Громче всех заявляла о себе прежняя компания Аниссии. Пока полки снова перестраивались под оглушающую воздух команду Короля, низенькая дурнушка суетливо говорила:

– Ой, девочки, смотрите, как ужасно госпожа Санна обрядила пятнадцатый полк! Смотрятся как дети, право слово!

– Может, госпожа Санна враждует с кем-то из этого полка? – скучающим тоном спросила длинноногая блондинка.

– Ох, хватит смотреть туда! – взмолилась Кали. – Лучше поглядите на пятый полк! Вы не заметили, сколько орденов сейчас на груди у Его Превосходительства, господина министра?

Низенькая дурнушка прищурилась, пытаясь рассмотреть Фолди сквозь блики неверного солнца. Марта и Аниссия тоже пригляделись к нему. Но вскоре им пришлось отказаться от своей затеи: нестерпимо яркие жёлтые лучи резали взор и дезориентировали в мире, зыбком и без оптического обмана. Аниссия принялась рассматривать Короля (как Марта заметила, без особого почтения).

Зато низенькая дурнушка наблюдала за министром до тех пор, пока тот не спустился с возвышения для венценосной четы и не растворился в толпе одинаковых нарядных мундиров.

– Он носит пятнадцать орденов и четыре медали, – сообщила девушка своим подругам. – Ты довольна, Кали?

– Хоть бы я могла кончиком пальчика прикоснуться к нему... – мечтательно протянула та. – Хоть бы я однажды набралась смелости и поприветствовала Его Превосходительство, но у меня с языка не рвётся ни одного слова, когда он рядом!

– Кали, хватит занудничать, – нетерпеливо оборвала её длинноногая блондинка. – Он старше тебя на десять лет, он уже не молод, да и звезда его, говорят, клонится к закату. Лучше посмотри вон туда, на того молодого человека рядом с ним!

Кали с тоской прекратила пожирать своего кумира глазами и покорно обратила внимание на его соседа. Марта прищурилась, пытаясь понять, почему эта фигура в обволакивающем золотистом сиянии кажется ей такой знакомой. Кажется, она уже встречала человека, увлечённо рассказывающего Фолди о чём-то...

– Ну? – спросила блондинка у Кали. Та равнодушно пожала плечами:

– Подумаешь? Ноули Виллимони – герой, я уважаю его, но в моих глазах никому не стать выше Его Превосходительства, господина министра...

– Какая же ты глупая, – презрительно фыркнула темноволосая аристократка, оборачиваясь.

Кажется, на лице потрясённой Марты отчасти отразились одолевшие её чувства, поскольку брюнетка заинтересованно окликнула её:

– Ты тоже любишься парадом?

Очнувшись от трепета злобного волнения, Марта растерянно ответила:

– Парад ещё не начался...

– Ох, иди к нам, – закатив глаза, брюнетка затащила Марту в девичий круг. – Отсюда всё видно гораздо отчётливее. Парад начнётся уже сейчас, и здесь, из лучших мест, ты сможешь во всех подробностях рассмотреть шествие ветеранов.

Ветеранов. Это слово настолько глубоко ранило Марту, что она едва поборолла желание покинуть собеседницу и вновь присоединиться к Аниссии. Как она заметила через плечо, та смотрела на неё весьма неодобрительно.

– Подожди, – попросила она, – я сейчас...

– О, нет, не вздумай общаться с этой дурочкой, – фыркнула темноволосая аристократка, – она научит тебя разным глупостям. Лучше посмотри на Ноули Виллимони – не правда ли, госпожа Санна работала с его мундиром дольше, чем с мундирами остальных ветеранов?

– Не зря же он приходится ей двоюродным братом, – вставила низенькая дурнушка. – Говорят, они проводят друг с другом очень много времени.

– Я слышала, – возбуждённо заговорила блондинка, – что господин Виллимони отказывается выдавать госпожу Санну замуж, представляете? Он говорит, что не доверяет ни одному из её женихов.

– Конечно, – надменно фыркнула темноволосая аристократка, – Виллимони бережёт свою сестру ради Фолди. Все знают, что он добивается её руки.

– Неужели? – Кали распахнула глаза так широко, точно сейчас ей в сердце вонзилась отравленная стрела. – Но он же... он... Не верю!

– Какая же ты наивная! – воскликнула низенькая дурнушка. – Как можно не принять всерьёз знаки внимания, которые он оказывает госпоже Санне? Например, вчера на балу он долго разговаривал с ней... С тех пор, как она переселилась в дом господина Виллимони, Его Превосходительство частенько стал заглядывать туда. В общем, девочки, это будет блестящая партия. Поглядите только, как радостен сегодня господин Виллимони! Наверняка это обещает нам какую-нибудь сенсацию.

Поддержав слова своей подруги гомоном разнообразных ахов и вздохов, девушки внимательно присмотрелись к Виллимони, блистающему в своём новом великолепном мундире. Марта зло заскрежетала зубами: ярость внутри неё упорно била в голову тяжёлым молотком размышлений: *«И почему я не позволила Бирру, Весту и Венису убить его?! Если бы я знала, что Ноули настолько приближен ко двору, я без колебаний пронзила бы насквозь его предательское сердце! Вест был прав – я, слабая женщина, поддалась на гнусные уловки этого мерзавца, я не умею воевать!»*

Но сейчас уже не имело смысла жалеть о своём бестолковом упрямстве. Разглядывая Виллимони сквозь поток солнечных лучей, Марта с небывалой отчётливостью видела каждый любовно выполненный стежок на его мундире, каждую царапинку на его боевых медалях. Ненависть до того обострила её восприятие, что ей на короткую секунду показалось, будто она может уловить общий смысл разговора Ноули и Фолди, хотя, конечно, это было не так. Перед нею была несправедливость во всём своём великолепии: они, отважные жители Кеблоно, названы бесчестными опасными элементами, разогнаны по углам либо убиты, а министр, Виллимони и им подобные: «герои» – разъезжают по площадям на парадах и ловят на себе восторженные взгляды окружающих. Это настолько разозлило Марту, что она в порыве отчаяния даже с размаху пнула вычищенные камни мостовой. Её пинок не вернул в Авалорию честности, зато даровал ей жгучую боль в ушибленной ноге и немое удивление, просквозившее в пустых взглядах стоящих рядом девушек. Впрочем, те недолго смотрели на неё. Когда последний воин занял своё место в стройном ряду полков, и последняя барабанная дробь сотрясла воздух, Король величественно поднялся со своего переносного трона... и во второй раз площадь обволокла тишина. Марта, как и все вокруг, не сводила взгляда с лица Его Величества. Это лицо, уже немолодое, опутала густая сеть морщин, ещё не глубоких, но заметных – верных признаков близящейся старости. Глаза его, когда-то ярко-голубые, сейчас потускнели и помутнились, а волосы покрылись густым слоем седины. Влеона, сидевшая рядом, словно помолодела на десять лет: унылые, мрачные и упрямые морщинки, окружавшие её губы и глаза, разгладнились, а кожа засияла изнутри перламутровым сиянием. Медленно, осторожно, с величественной грацией Королева поднялась следом за своим мужем, широко улыбнулась и воздела руки к небу. Так как она была дочерью законных правителей Авалории, а её муж – Принцем чужеземной страны, то, согласно всем законам, она имела неоспоримое право говорить с народом

первой. Её пафосная речь, ядом разлившаяся в душе у Марты, была исполнена непередаваемой силы, словно она искренне верила в то, что говорила.

– Мои верные подданные!

Ровно год назад на этой площади была одержана великая победа. И я хочу сказать, что ныне Столица не питает враждебности к Кеблоно, ибо жалкая кучка повстанцев, правившая здесь прошлой весной, повержена и рассеяна. Я хочу сказать, что больше никто не станет подозревать этот великолепный город в антиправительственных деяниях. Мы едины! Сохранение целостности страны – это дело не только Короля и Королевы, также это дело всех нас. Давайте же не допускать больше войну в наши дома! Давайте сохранять мир! Чтобы вы всегда помнили о тех долгих кровопролитных битвах, кипевших под стенами находящегося в оккупации города, я и мой муж приняли решение: устраивать ежегодный парад! Помните о прошлом, друзья! Наше прошлое определяет наше будущее!

«Это так, – грустно согласилась Марта, – если бы стены Кеблоно не пали тогда под натиском Империи, я не пряталась бы ото всех по тёмным углам на собственной родине!»

Влеона снова милостиво улыбнулась окружающей её верноподданнической массе и, подобрав многочисленные оборки своего пышного платья, села. Площадь разразилась неоднородным гулом аплодисментов, восторженных криков и воодушевлённого радостного свиста, лица окружающих Марту людей просияли почти искренними улыбками, наполнив её сердце невыносимой горечью. Глядя по сторонам, она видела рядом лишь одного такого же человека, как и она: Аниссию, которая не желала ни улыбаться, ни кричать, ни хлопать в ладоши. Общим было тяжело сознавать, что их партия проиграна; Король, Королева и министр победили, потому что они изначально были сильнее. За их спинами стояли огромное войско, нерушимая вера и миллионы мешков с деньгами. Разве эту громадную силу способны побороть две одинокие девушки, внук гибрида и четверо других свободолюбивых граждан Кеблоно, чьи мозги ещё не замутила искусная ложь правительственных кругов? Конечно, они должны сдаться. Ведь у них нет иного выхода.

– Есть, – шёпотом ответила Марта и крепче сжала кулаки. – Всё будет хорошо.

А Империя, как многоголосое хриплое чудовище, вновь протрубило короткий боевой сигнал. Король резко взмахнул рукой и громко крикнул, так, что дрогнувшие стены отозвались ему таинственным эхом:

– ПОЛКИИИ... СТРОЙСЬ!

В гробовом молчании отчётливым гулом разнёсся топот одинаковых солдатских сапог. Построившись, ветераны войны, все, как один, вскинули головы к небу и прищурились под палящими прикосновениями солнца. Марта сразу выделила из идентичных силуэтов два знакомых: Ноули Виллимони и Гая Фолди. Отличительные ордена и медали за мужество и стойкость побрякивали у них на груди, причём у Виллимони их было намного больше. Кажется, это обстоятельство не радовало министра: наблюдательная и чуткая к притворству Марта читала на его лице сквозь маску лживой радости неудовлетворённость и затаённую злость. Конечно, Фолди не мог наслаждаться торжеством в полной мере: блеск воинской славы Ноули затмевал его полководческий триумф. Все девушки из предыдущей компании Аниссии, кроме Кали, уставились на Виллимони и принялись вполголоса петь дифирамбы ему. Марта почувствовала, как её начинает тошнить от отвращения.

– Смотрите, смотрите! – пищала дурнушка, неистово размахивая веером. – Это же господин Виллимони, это же наш герой! Вы помните, когда некие эти кеблонские чудовища схватили его и предали адским пыткам, он не сказал ни слова о доверенной ему секретной формуле!

– Говорят, ему сломали руки и ноги, приковали к стене, а потом отдали на растерзание крысам, – замогильным шёпотом говорила блондинка на ухо Кали, видимо, пытаясь таким образом повернуть её симпатии от Фолди к Виллимони. Однако та только зевнула:

– Ах, Тайла, не старайся! Господин Виллимони, несомненно, заслуживает уважения, но выше Его Превосходительства в моих глазах не станет никто!

– Влюблённая глупышка, – кратко констатировала дурнушка и уже совсем другим тоном заверещала: – Смотрите, господин Виллимони занимает своё место в авангарде полка! Как красиво играют на солнце его эполеты, верно?

– Он и без эполетов будет великолепен, – хмыкнула Тайла.

– Говорят, – дурнушка таинственно понизила голос, склоняясь ближе к своим слушательницам, – что господин Виллимони – самый завидный жених Империи! Интересно, какой девушке выпадет честь стать его женой?

– Если бы мне! – послышалось множество воплей, как один.

Марта, Аниссия и Кали промолчали. Пока дурнушка в красках расписывала, сколь великолепен Ноули и его дом, Марта отвлечённо изучала марширующую по площади колонну первого полка. Солдаты, бодро и уверенно печатающие шаг с алебардами и арбалетами наперевес, не вызывали в ней ощущений дежа-вю: ведь она не видела их на штурме. Однако она живо представила себе их зверства: пылающие дома, кричащие люди, падающие снаряды. И громкий торжествующий хохот воинов, с бессовестной радостью присваивающих себе чужое добро, бессердечно отбирающих чужие жизни. В видении Марты имперцы из первого полка шагали по скользким дорожкам крови и бездыханных тел: и сегодня, и год назад. Зажмурившись от боли и страха, она прижала руки к груди. Для неё парад был нестерпимой пыткой, окончания которой она с тоскливым нетерпением ожидала ещё до её начала. В эти мучительно длинные минуты имперцы триумфально топтали последнее, что у неё осталось от её города: его землю. Её воспоминания. Когда она была ребёнком, центральная площадь для неё служила символом Кеблоно, который безжалостно извратили, вывернув наизнанку и отравив ядом имперского ярма. Над дворцом совета старейшин качался не вечевой колокол, а горделиво надувался ветром авалорийский штандарт. Он был поднят так высоко, что из любой части города его можно было увидеть. Король и Королева словно лишний раз напоминали им о своей силе и своём величии, построенном на сотнях чужих костей. В миллионный, наверное, раз Марта с недоумением спросила саму себя: «Почему? Зачем?» Почему именно её родину так жестоко растоптали и унизили, почему именно она не может смириться с этим и жить дальше? Зачем Империя предала их, ведь они не делали ей зла... Зачем и сейчас, когда всё кончено, и обоюдная ненависть в их сердцах должна погаснуть, они утверждают, будто самостоятельный Кеблоно был ужасен?

И почему никто, даже с уважительной неприязнью, не расскажет о мужестве его защитников? Неужели их честь обязательно должна быть замарана грязным клеймом: «предатели»?

Это должно быть так, ведь веления Фолди неизменно исполняются в точности. Фолди, Фолди, Фолди, всюду только он, точно он уже не министр внутренних дел, но самостоятельный Король Авалории!

Марта обнаружила его взглядом всего за пару секунд: Фолди, видимо, в надежде украсть кусочек чужой славы, околавивался возле Виллимони. Пока под аккомпанемент труб и барабанов и дождь из цветов и ленточек второй полк, наряженный Байной Санной в блестящие синие мундиры, описывал круг по широкой площади, министр легко вспрыгнул на тонконогую вороного жеребца... того самого, на котором он въезжал в павший Кеблоно год назад. Виллимони что-то сказал ему, и угрюмое настороженное лицо Фолди осветила искусно сотворённая участливая улыбка, раскусить фальшь которой даже Марте удалось с трудом. Два её смертельных врага стояли рядом, беззащитные и спокойные – идеальные мишени для нападения. С отвратительным бессилием вздохнув, она пожалела, что на площадь нельзя было взять арбалет или хотя бы кинжал.

По площади начал маршировать третий королевский полк, также обмундированный по эскизам Байны – несомненного мастера. Казалось, что она владеет знанием, недоступ-

ным остальным смертным. Марта, ещё три года назад считавшаяся лучшей швейей в Кеблано, не могла понять, как же Байне удаётся из куска ткани создать шедевр.

«Если бы я только знала, на что она употребит свои таланты, я в жизни не отдала бы ей имперский пропуск», – подумала Марта, сжимая кулаки. Видимо, сегодня Магия желает наказать её, пропуская перед её глазами людей, которым не стоило давать второй шанс.

Следуя за третьим, четвёртый полк промаршировал к возвышению, на котором сидели Король, Королева и придворный штат, и одновременно резко остановился. Приподнявшись, Его Величество оглушительно крикнул:

– КРУУУГОМ!!

Четвёртый полк обернулся так быстро и слаженно, что она не уловила среди серебристого вихря даже очертаний человеческих фигур. Воины вытянулись в струнку, в последний раз звонко ударили каблуками сапог о мостовую и замерли. Трубы горланно провыли последние звуки победного марша, барабаны торопливо стукнули, придворные и зеваки бросили на мостовую охапки цветов, ленты, шары, и вновь всё вокруг утихло.

На этот раз Король не стал подниматься: застарелая болезнь костей, мучившая его без малого двадцать три года, давала о себе знать. Но голос его остался столь же громок и силен:

– ПЯТЫЙ ПОЛК... ШАГОООМ МАРШ!!!

Словно все ожидали этого момента, площадь затаила дыхание, музыканты с особым воодушевлением заиграли марш, а триумфаторы, чувствуя сконцентрированное на них всеобщее внимание, расплылись в широких улыбках. И Марта заметила, что Ноули Виллимони выглядит не только красивее, но и счастливее своих боевых товарищей. Даже Фолди впервые улыбнулся по-настоящему.

Шум восхищённой толпы ударил ей в уши, как взрыв небывалой силы. Целостные картины перед глазами раздробились на незначительные, но красочные детали: мелькающие в воздухе руки, разбрасывающие цветочные лепестки и красные ленты, топающие в нетерпении ноги зевак, камни мостовой, почти исчезнувшие под покрывшим их разноцветным слоем, сверкающие на солнце мундиры.

Первым мимо Марты медленно, вальяжно процокал копытами вороной конь министра. Фолди, кажется, из ребяческого стремления покрасоваться перед толпой обожателей, бросил поводья и приветственно замахал рукой. Девушки, окружившие Марты, снова почувствовали к нему прилив симпатии и стыдливо прикрылись веерами, обмениваясь за ними лукавыми смешками. А покрасневшая до корней волос Кали, дотянувшись до лошади Фолди, украдкой коснулась его шпоры и быстро, как застигнутая на месте преступления воровка, метнулась назад. Краем глаза Марта видела, что она упала в обморок.

«Влюблённая идиотка», – скоропалительно осудила она Кали и тоже подошла к Фолди ближе. Тот, почувствовав себя на пике славы, нарочно пустил коня почти шагом: следующим позади солдатам приходилось двигаться очень медленно, чтобы не нарушать строй. Но, кажется, эта задержка только поднимала им настроение, ведь и они ловили на себе восхищение зевак. Вглядываясь в эти лица, которые она не могла различить с высот Деблльских укреплений, Марта испытала прилив такой бурной ненависти, что едва сумела удержать её в узде холодным осознанием своей беспомощности. Поймав на себе внимательный взгляд стражника, она дернулась и с усилием натянула на лицо широкую улыбку, хотя её одолевало яростное желание броситься на радостного Фолди и задушить его собственными руками.

– Ох, это же господин Виллимони! – в один голос заорали Тайла и её компания, разбрасывая цветы и ленты под ноги с такой скоростью, что Марта даже не увидела их рук, только ослепительный светлый вихрь.

Грациозный, белый, как свежесвыпавший снег, конь Ноули медленно приблизился к коню Фолди и поехал с ним бок о бок. Теперь эти люди были рядом друг с другом, они приветственно махали народу руками и широко, торжествующе, радостно ухмылялись. Марта в глупом оцепе-

нении уставилась на шитые золотом рукава Виллимони, вспоминая, как жалко висели в них его сломанные запястья всего-то год назад. Искусные королевские маги залечили перелом и прочие увечья так, что несведущий человек не догадался бы о его существовании. Впрочем, многочисленные ранения не отвратили от Виллимони толпы поклонниц, несмотря на слобренные мрачным садизмом прогнозы давно уже мёртвого Веста. Вест мёртв и забыт, а Ноули жив, купаясь в лучах незаслуженной славы. Было в этом что-то настолько обидное и мерзкое, что Марте захотелось плакать. Но она не плакала. Сурово сжав губы, она смотрела на Фолди и Виллимони с нескрываемой злостью. Та же злость, как демонический призрак, плясала в глазах Аниссии.

Взгляд Ноули, удивлённо и радостно скользивший по толпе восторженных зевак, неожиданно замер. И, как колючий ледяной кинжал, впился в лицо Марты. Они оба застыли на какое-то мгновение: бесконечно долгое, но в то же время короткое – и с ужасом и неверием всмотрелись друг в друга. *«Он узнал меня»*, – во вспышке шокированного озарения поняла она. Против её воли каждая мышца в её теле напряглась, приготовившись к бегству или к бою. Она была уверена: сейчас Виллимони подаст знак, и несколько здоровенных стражников, возникнув, как из бездны, оттащат её к эшафоту. К пыткам, к унижению, к мучительной смерти.

Но Виллимони ничего не предпринял. Ей показалось, или его рука самопроизвольно поднялась, выделяя её из многоликой и многоголосой толпы понятным только им двоим жестом? *«Молчи»*, – попросил он её резким взмахом ладони и, не сбиваясь с марша, поехал к возвышению около Фолди. Марта заметила, что тот тоже с подозрением изучает её лицо. Но он никогда не видел её вблизи, ему не узнать, что она стояла год назад на страже Деблльских укреплений, если только он не вздумает с помощью магии проникать к ней в память.

Магия...

Марта схватилась за голову руками, будто это могло защитить её. Она так наивно долгие месяцы скрывалась в трущобах Кеблоно в надежде, что там её не найти и не достать никому. Но королевские шпионы-маги могли в считанные секунды выследить её лишь по неосязаемой, невидимой и неслышимой цепочке мыслей! Народная мудрость оправдывается: тайное всегда становится явным. Она пряталась целый год, не брезгуя нырять в мусорные баки и горы отходов, когда по кривым улочкам заброшенных кварталов маршировал патруль, она научилась находить убежище даже в неверной полуденной тени, но все её накопленные знания и умения оказались бесполезны здесь, на параде, когда давний секрет открылся. Ноули Виллимони узнал её. Теперь её жизнь уже не станет такой, как прежде.

«И это даже лучше, – вздохнув полной грудью, решила Марта. – Я уверена, больше я бы так не смогла».

Лошади Фолди и Виллимони, а за ними – и ровный строй воинов в одинаково красивых блестящих мундирах резко повернулись и звонко промаршировали к возвышению. Этот полк – пятый, элитный, – удостоился чести занять место в центре площади. Стоило последнему протяжному зову музыки умолкнуть, как ветераны встали плечом к плечу, недвижимые, безмолвные. Марте начинало казаться, что она смотрит не на людей, а на истуканов, какими они, в сущности, и являлись. Даже нетерпеливые красавцы-кони, повинуясь твёрдой руке наездника, замерли. Всеобщее внимание было приковано к двум героям войны: Гаю Фолди и Ноули Виллимони, а всё остальное будто враз потеряло своё значение. Марта, как сквозь сон, слышала приглушённое шушуканье Кали и компании, но сама не принимала в нём участия, хотя её несколько раз пытались побудить к этому. Она внимательно смотрела на Ноули, а он, не отрываясь, смотрел на неё. Когда под торжественное пение фанфар по площади замаршировал шестой, а за ним – и седьмой полки, и мелькающие стройные ряды стали мешать взору, фигура Ноули скрылась у неё из вида. Но ненадолго. В её воображении он был здесь, настолько близко, что, казалось, она может коснуться его. В памяти один за другим оживали не связанные друг с другом воспоминания: беззаботное детство среди вольных стен Кеблоно,

тревожная юность и снаряд, падающий на родительский дом, а следом – знакомый ей пленник в окровавленных кандалах, и его призрачное лицо среди звёздного неба. Голова уже шла кругом, однообразные звуки перемешались в ушах, окружающий мир смазался и исказился. Ей чудилось, что сейчас на неё смотрит вся Авалория, и каждый голос из ревушей толпы слышен ей небывало отчётливо, ибо он требует: «КАЗНИТЬ! СМЕРТЬ ЕЙ, СМЕРТЬ САУНОВСКИ!!»

Восьмой и девятый полки, похожие на попугаев в своих разноцветных мундирах, прошли по площади кругом и присоединились к общему строю. Хотя первые ряды уже скрылись от глаз стороннего наблюдателя, пятый полк, во главе которого застыли Виллимони и Фолди, ещё оставался впереди. Казалось, что парад устраивался единственно ради этих двух людей, тщеславных мерзавцев, один вид которых был Марте омерзителен. Другие части непобедимого королевского войска тоже купались в поклонении, но их популярность было не сравнить с популярностью пятого полка. Кали, Тайла и компания неизменно разражались радостными воплями, пронзительным визгом и стыдливым хихиканьем, когда бравые ветераны проходили мимо. Большинству из них не было до девушек никакого дела, хотя, конечно, им нравилось чувствовать себя в эпицентре чужого внимания. Марте стоило невероятных усилий держать на лице широкую улыбку, неестественность которой резала взор марширующим солдатам. Стиснув кулаки до боли в костяшках пальцев, она мысленно успокаивала себя: *«Скоро всё будет кончено. Мимо прошёл уже двадцатый полк. Сейчас по площади проедет военная техника, Королева скажет свою заключительную речь, и этот кошмар останется в прошлом».*

Она ошибалась: худшее было только впереди.

Когда последний полк, участвовавший в «справедливой войне», занял своё место в левом крыле ветеранского войска, с громовой силой зазвучали тревожные нотки марша. Король, даже с расстояния казавшийся громадным скальным утёсом, выкрикнул во всю мощь своих неслабых лёгких:

– Сегодня, в годовщину первого победного парада, по центральной площади проедет военная техника, участвовавшая в осаде оккупированного вольнодумцами Кеблоно!

Переведя дыхание, он приподнялся, опёршись об отполированные деревянные перила, и крикнул ещё громче:

– **ВОЕННАЯ ТЕХНИКА... ВПЕРЁД!!!**

Услышав знакомый скрип, который ещё долгие месяцы после окончания войны преследовал её в ночных кошмарах, Марта машинально крепко зажмурилась. Не жаркое, опаляющее солнце ослепило её привыкшие к свету глаза, но сумасшедший страх, вьёвшийся ей в душу. Она до мельчайших деталей помнила, как выглядят осадные машины, эти громадные чудища, грозившие ей с подступов к Деблльским укреплениям. Хотя глаза её по-прежнему были закрыты, перед мысленным взором катились по камням, как живые, гигантские катапульты и тараны. Издаваемые ими звуки пугали её, вытаскивали из памяти самые страшные воспоминания.

– О, не надо жмуриться! – вдруг закричала ей в ухо низенькая дурнушка, хватая её за руку. – Ты только посмотри на это великолепиие!

Марте пришлось открыть глаза самостоятельно, иначе надоедливая девчонка сделала бы это за неё. Подталкиваемые рабами, грозные машины катились всего в паре метров от неё. Она могла различить каждую трещинку на их деревянной основе, каждый призрачный кровавый след, удалить который не сумели даже часы полировки. И в эту минуту ей вновь сделалось омерзительно дурно на душе: ей показалось, что она слышит отдалённое эхо криков мёртвых жертв войны. И смотрит на их призраки, обступившие её, как свой последний оплот и свою последнюю надежду. Словно на этой площади, кроме неё, больше не осталось живых. Среди сотен незнакомых прозрачных лиц ей попадались и те, кого она знала, кого любила и кому верила. С каждым новым привидением Марта всё крепче уверялась в том, что она сходит (или уже сошла?) с ума. Подступая всё ближе, погибшие кеблонцы кричали ей в уши:

– Сауновски, мсти! Мсти за нас, Сауновски!

– Отойдите! – воскликнула она, взмахивая руками. – Отойдите, пожалуйста!

– Эй! Что с тобой?

Этот встревоженный голос снял с её глаз пелену наваждения. Призраки рассеялись, как круги на воде, вновь освободив площадь для живых. Вместо их печального плача в ушах Марты зазвучал знакомый гром парада, надоевший, зато настоящий, тот, который слышали все. Вдруг ей жгуче захотелось стать частью этого мира, ощутить своё единение хоть с кем-то ещё, кроме Бирра и Аниссии. Хотя ими движет общая цель, они совсем разные. И неизвестно, останутся ли они рядом, когда извлекут свою выгоду из их сумасшедшего дела.

– Почему ты такая мрачная? – назойливо интересовалась крошечная дурнушка. – Это же парад, это торжество, это радость!

– Я могла бы постараться объяснить тебе, но ты всё равно не поймёшь, – вздохнула Марта.

– Ох, как хочешь, – кажется, дурнушка решила обидеться. – Между прочим, я хорошо отношусь к тебе и могу тебя выслушать. Не желаешь – не надо! Тогда, надеюсь, ты согласишься посмотреть вот на этих мускулистых красавцев, которые вчетвером толкают по площади катапульту? Они такие сильные... Хотелось бы мне, чтобы у меня был такой же муж...

– Это оборотни, – сурово пресекла её словоизлияния Марта, бросив взгляд на натужно пыхтящих рабов.

Кажется, даже их нечеловеческие силы приходилось напрягать до последнего предела, чтобы толкать катапульты ровным строем. Странно, но к оборотням она не испытала того прилива горячей ненависти, который накрывал её при приближении имперских воинов. Оборотни были невольниками, они не пошли бы на войну, если бы их не заставили. Они, в отличие от свободных воинов, содержались в полку впроголодь, подвергались разнообразнейшим унижениям и издевательствам. Марта даже жалела их. И сейчас, во время торжественного парада, который должен был, по словам Королевы, считаться праздником светлой скорби и едва уловимого торжества, оборотни не могли порадоваться. Шедшие следом за ними конвоиры стегали их кнутом по спинам, когда они хоть чуть-чуть замедляли шаг. Кажется, это зрелище ничуть не шокировало зевак. Напротив, те раздражались восхищённым, призывным свистом, когда тонкий хлыст с силой опускался на иссечённые тела. Марта отвернулась в надежде поймать проникнутый родственным ужасом взгляд Аниссии. Но Аниссия не видела в истязании оборотней ничего противоестественно жестокого. Казалось, она даже одобряет происходящие на площади зверства.

«И ты тоже глуха к их боли».

Зловеще скрипящая катапульта, отбрасывая на камни удлинённые тонкие тени, прокатилась мимо нестройных рядов зевак. Прищурившись под бьющими в глаза лучами солнца, Марта подняла голову. На фоне безвинно голубого неба провисшие толстые верёвки, опутывающие крепкие деревянные столбы, выглядели как готовящиеся к атаке змеи. Представив себе, как год назад из этих катапульт вылетали смертоносные камни, она вздрогнула. В памяти вновь зловещим эхом отозвался гул падающего снаряда, грохот рушащихся балок и шорох осыпающейся каменной кладки. Возможно, именно эта старая катапульта похоронила четверых Сауновски под безвременной общей могильной плитой. А сколько ещё чужих жизней она унесла? Марте не хотелось думать об этом: один лишь намёк – и она уносилась на долгие двенадцать месяцев назад. Встряхнув головой, Марта заговорила с явно скучающей Тайлой:

– Тебе нравится?

– Нет, – высокомерно процедила та. – Когда шли полки, было гораздо интереснее. Понимаешь ли... э-э... – она непонимающе уставилась на Марту, желая обратиться к ней по имени. Та поспешно выпалила:

– Белина.

– Белина, ты не знаешь, где встретишь своё счастье. Когда тебе двадцать, а у тебя до сих пор нет ни мужа, ни жениха, ни поклонника, ты начинаешь искать его везде. Здесь очень много холостых парней, причём они уже успели покрыть себя славой и завоевать снисхождение светского общества... Как раз такой муж нужен мне. А смотреть на этих противных потных оборотней мне вовсе не хочется. У них слишком острые клыки, слишком раздутое самолюбие и слишком неприятная наружность... и, ах да, в Империи их презирают.

– Конечно, – рассеянно согласилась Марта: нудные рассуждения блондинки утомили её ещё в своём зачатке.

– Хорошо, что ты понимаешь меня, – рассмеялась Тайла. – Кали в своей наивной глупости считает, что оборотни ничем не хуже нас! Интересно, где же она нахваталась этих революционных идей: может, у Аниссии? После того, как её лишили дворянства, она стала такой непредсказуемой. Представляешь, она стояла у позорного столба от рассвета до заката! Я уверена, это каким-то образом исказило её психику. Раньше она была терпимее, хотя она уже тогда раздражала меня своей надменностью. Иногда я даже думаю, что Их Величества заслуженно сделали её простолюдинкой: меньше будет нос задирать! Её отец, вор и мошенник, вообще не заслуживал милостей Его Превосходительства.

– Да-да, – кисло согласилась Марта.

– А ещё Аниссия, говорят, имела дела с ведьмами, – таинственно понизив голос до полуслышного шёпота, прибавила Тайла. – Не зря же она не спит ночами! Когда ещё общаться с ведьмами, если не после заката?

– Конечно, – кивнула Марта. Она уже начинала жалеть, что обратилась к приставучей Тайле.

Но вдруг Тайла замолчала. С круглыми от восхищения глазами она стала наблюдать за степенно проезжающими по площади таранами. Оборотни, впрягшись в открытые повозки, тащили их и тараны за толстые скрученные верёвки на своих исполосованных кнутом надсмотрщика плечах. Марте вновь захотелось выть от злости и обиды за них. Всё в этом отвратительном параде дышало дикой несправедливостью. Она не впервые пожелала, чтобы однажды зверства, чинимые Империей, обернулись против неё самой. Она пожелала этого так искренне и так страстно, что, наверное, в Небытии её услышала Магия. Марта не замечала, как слова мольбы слетают с её губ в едва различимом шёпоте, который, однако, уловили чуткие уши Тайлы. Повернувшись к ней, та убеждённо заявила:

– Ты хочешь, чтобы наши герои жили вечно. Знаешь, я склонна присоединиться к тебе. Посмотри только на эти громадные тараны: как тяжело, должно быть, было нашим кумирам, когда они подтаскивали их к стенам!

– Их тащили оборотни, как и теперь, – не удержавшись, хмыкнула Марта.

Густо подведённые сурьмой глаза Тайлы расширились:

– В королевском сообщении говорилось, что...

– Королевские историки склонны приукрашивать правду ради своей выгоды, – злобно прошипела Марта. Она уже не могла лицемерно соглашаться с бредовыми утверждениями Тайлы, основанными на фальшивых сказках Империи! Она собственными глазами видела с крепостных стен Дебллов, как оборотни таранили ворота под резкими окриками командиров. Это зрелище невозможно было забыть: потоки крови, струящиеся по голой чёрной земле, горящие предместья и тёмная масса вражеских войск, щетинящихся пиками под гордыми стенами Кеблоно. Невозможно было забыть, как рычащие оборотни, закованные в крепчайшие кандалы, с разбегу бросаются на дрожащие ворота, и, не сумев проломить их с первой попытки, получают удар кнутом.

Тайла думает, что она знает о войне! Так склонны считать все, кто слушал королевскую пропаганду и верил ей. Ведь так легко притвориться умной, чтобы обманывать случайных

собеседников! Этот трюк будет работать, пока среди обманываемых не найдутся те, кто знают о настоящей осаде во всём её ужасе.

Марта знала об осаде, она видела её и пыталась снять её, но разве у неё получилось сделать это? Большинство её товарищей мертвы, Кеблоно покорён, а по центральной его площади горделиво маршируют подлые захватчики и проезжают их адские орудия. Всматриваясь в тараны, Марта вспоминала, как дрожали укрепления Дебллов у неё под ногами в ту страшную ночь, когда город пал. Она видела, как блестят в прихотливой солнечной игре металлические наконечники и ободки, слышала натужное сопение, шипение и рычание оборотней и свист понукающего их хлыста, но мысли её были обращены совсем к другим вещам. Она, не отрываясь, смотрела на довольно улыбающуюся королевскую чету и мысленно спрашивала у них в безумной надежде услышать ответ: «*Неужели вы не жалеете о том, что сделали?*»

Нет, они ничуть не жалеют: ни Кларк, ни Влеона, ни Ноули Виллимони, ни, тем более, Фолди. Для них эта война была оправдана и естественна, в их чёрствых сердцах нет места сожалению. Даже Королева не захотела внять отчаянным мольбам жительниц Кеблоно, когда те, стоя у её дворца на коленях, просили пощадить их мужей и сыновей. Ни один из пойманных «бандитов» не вернулся домой. Всех их: и стариков, и взрослых мужчин, и мальчишек – вздёрнули на одной Большой Виселице перед королевскими окнами и за городской чертой, на пустырях, где даже бездомные бродяги не ночуют, и только в страшные ночи полнолуния сбиваются стаи обозлённых отверженных оборотней. На секунду Марте стало интересно, а улыбалась ли тогда Влеона так, как она улыбается сейчас? Наверное, год назад грозное выражение царило на её лице, а отдаваемые ею приказы были один страшнее другого...

Чтобы не выдать себя, Марта принялась разглядывать раскалённую мостовую под носками своих туфель. Когда победный гром марша, наконец, затих в небесной дали, она заставила себя осмотреться. Как оказалось, не зря.

Взмахом руки Король подозвал к себе Ноули Виллимони. Тот спрыгнул с коня и с готовностью помчался на возвышение. Фолди медленно обернулся в его сторону, и Марта успела заметить, что лицо его исказила сдержанная злоба и подозрительность. Пока Его Величество о чём-то шептался с Ноули, Королева и весь придворный штат с интересом смотрели на них. От пришедшей в голову страшной мысли Марта даже похолодела: «*Сейчас Виллимони доносит Королю на меня!*» – догадалась она и мгновенно сжалась в комок. Она беззащитна и одинока – схватить или убить её не составит большого труда.

«*Но я постараюсь усложнить Империи её задачу!*» – решила она, настороженно приподняв плечи. Конечно, у неё ещё есть крошечный шанс сбежать с парада, постаравшись прошмыгнуть мимо стражников, но она не станет делать этого. Дедушка счёл бы её поступок проявлением трусости. А она не станет позорить его память!

Отстраняясь от Короля, Виллимони выпрямился. «*Начинается*», – подумала она.

Его Величество взмахнул рукой – и Марта ещё крепче сжала кулаки. Ей казалось, что Кларк отдаёт сигнал своим охранникам. Но на самом деле он лишь попытался подняться, опираясь на скользкие перила. Оторвавшись, наконец, от переносного трона, он обвёл умолкшую толпу внимательным взглядом и гулко, громко заговорил:

– Жители Кеблоно!

Сегодня, в годовщину одержанной нами великой победой, мы должны решить несколько важных вопросов. Как вы заметили, до сегодняшнего дня вами управлял Его Превосходительство Гай Фолди, – Король сделал широкий жест в сторону министра. Тот утвердительно кивнул и снова замер.

Прокашлявшись, Кларк продолжил прерванную речь:

– Я и моя супруга, Королева Влеона, хотели было назначить господина Фолди наместником Кеблоно, но он отказался в силу неких веских причин, – эти слова прозвучали со сдержанным злым упрёком, словно хлестнувшим вздрогнувшего министра кнутом. – Поскольку Его

Превосходительство *не может совместить обязательства наместника с обязательствами министра внутренних дел*, на Тайном Совете было решено предложить эту должность господину Ноули Виллимони!

Кларк был хорошим актёром: желая нарастить напряжение, он выдержал эффектную паузу, во время которой сердца всех присутствующих вздрогнули. Марта в ужасе смотрела на широко улыбнувшегося офицера, не в силах поверить, что именно он осквернит Кеблонский дворец самоуправления своим присутствием...

Наигранная улыбка, освещавшая лицо Короля, вдруг угасла. Вновь взмахнув руками, он с истинной горечью заговорил:

– Но господин Виллимони отказался от предоставленной ему должности, сославшись на то, что он желает исполнять свой долг перед Империей как воин, а не как политик. Её Величество Влеона предложила мне выход из этой запутанной ситуации: даровать господину Виллимони звание начальника войск внутреннего охранения, а во главе города поставить Дорапа Гевалу, помощника министра иностранных дел!

Площадь взорвали крики, аплодисменты, даже радостный хохот. И Марте тоже хотелось смеяться, пусть в назначении королевского ставленника наместником не было ничего хорошего. Осознание того, что Ноули Виллимони, этот дерзкий мальчишка, не поселится во дворце самоуправления, уже отогрела душу. Она даже готова была смириться с тем, что он будет разъезжать по улицам Кеблоно в своём ярком красивом мундире как начальник войск внутреннего охранения. Она готова была обрадоваться и этому: ведь её враг, тот, кого она видела в тюрьме жалким и поверженным, сам отказался от поста наместника. Интересно, что подвигло его на этот поступок? И почему Фолди не ухватился за новую должность, ведь, как говорит Аниссия, он мечтает о власти?

Не зная ответа, она решила подождать. Год прятков от Империи научил её смирению. Не всегда ей удавалось обуздать свою яростную жажду действия, но сегодня и сейчас победа была одержана. Время, время, время – вот что нужно ей. Терпение, терпение, терпение – вот чего ей недостаёт. И, наверное, иногда это даже хорошо. Такие люди, как Бирр и Аниссия, всю жизнь собирались бы восстать против своих врагов только потому, что их армия больше и казна полнее золотыми. А Марта не боялась никого. Она делала своё дело: защищала Родину от мерзких грязных рук Фолди и его компании.

Глядя, как из толпы придворных выбивается их будущий наместник: невысокий человек средних лет с проплешиной на лбу и толстыми очками на мясистом носу, Марта напрягала всё своё внимание, чтобы как можно отчётливее запомнить его внешность. Хотя она никогда раньше не слышала о Дорапе Гевале, её сердце уже наполнилось ненавистью к нему: за то, что он смел присвоить себе то, что было ему не дано. Под оглушающее ликование толпы Королева с милостивой улыбкой прикрепила наместнику на грудь отличительные знаки и что-то сказала ему: по всей видимости, лестное и приятное, так как он тотчас надулся гордостью. А Фолди, которого Марта ожидала увидеть в яростной зависти, даже пожал Дорапу руку и что-то сказал ему с самым дружественным выражением лица.

Наместник медленно спустился с возвышения, стараясь ослепить улыбкой каждого жителя или жительницу Кеблоно, с которыми он встречался взглядами. Но Марта не реагировала на его дешёвые попытки подлизаться. Она, как и Аниссия, не посмотрела на него, когда он прошёл мимо.

Следом за Гевалой пришёл черёд Ноули Виллимони вкушать плоды покрывшей его славы. Король и Королева улыбались ему, как собственному дитя, пока хлопотливо награждали знаками воинского отличия, чёрно-белой лентой командира войск внутреннего охранения и несколькими орденами сверх того. А Тайла с подружками вопили так громко от охватившего их бешеного восторга, что Виллимони, кажется, услышал их и обернулся. Но взгляд его цепко обратился к Марте, беззастенчиво стоявшей среди первых зрительских рядов с надмен-

ной улыбкой на лице. Неожиданно её захлестнула волна наглой эйфории; она подняла голову выше и помахала Ноули рукой.

«Делай со мной, что хочешь, – подумала она, – я уже ничего не боюсь».

Он в недоумении уставился на неё ещё пристальнее, словно не понимая, почему она до сих пор ещё не сбежала с площади в приступе неконтролируемого страха. Но время пугливых прятков миновало. Хватит! У неё началась новая жизнь.

Виллимони всё ещё не мог переключить внимание с неё на кого-нибудь или на что-нибудь иное. Заметив это, надоедливая Тайла подёрнула Марту за рукав:

– Ты видишь, наш герой, командир войск внутреннего охранения, смотрит на тебя!

– Вижу, – согласилась Марта.

Взбудораженная Тайла радостно затараторила, проглатывая слова от волнения:

– Кажется, господин Виллимони испытывает к тебе симпатию! Любая уважающая себя девушка Империи постаралась бы воспользоваться этим! Ты не представляешь, как ценно и лестно внимание к тебе таких важных людей!

«Оно ценно лишь для тех, – подумала Марта с презрением, – кто не имеет своей жизни и своих целей. Я не такая, как Тайла! Я поклялась мстить Империи! Я не стану повторять прошлые ошибки: больше я не куплюсь ни на лесть, ни на мольбы».

Застывший на возвышении Виллимони с трудом отвёл взор только тогда, когда кто-то из придворных подтолкнул его сзади. Прижав руку к новеньким знакам отличия, он медленно спустился со ступенек и механически, как будто маятниковые часы, взобрался на своего коня. Марта видела, что он не только поражён её смелостью и наглостью, но и растерян. Слово всё вышло вовсе не так, как он ожидал. Кажется, он составил о ней некое впечатление, разрушившееся от мощного удара её поступка. Занимая своё место в авангарде войска, Виллимони всё ещё смотрел на неё, и теперь она замечала в его глазах родственное уважение: он понимал, что на её месте поступил бы точно так же.

Министр спросил Ноули о чём-то, но тот ограничился лишь коротким отрывистым ответом. Озадаченно вскинув бровь, Фолди внимательно всмотрелся в его лицо – и прочёл там всё, что было ему нужно. Марта даже на секунду испугалась за Виллимони. Несмотря на то, что он тоже имперец, к тому же отличившийся в боях под Кеблоно, она ненавидела его меньше, чем целеустремлённого гада министра. Судя по взгляду, которым тот наградил Ноули, в эту минуту они стали заклятыми врагами. Хоть Виллимони ещё не подозревает об этом.

«А какое мне дело до их вражды? – испугав Марту своим отстранённым равнодушием, просквозила в мозгу холодная мысль. – Пусть сгрызут друг друга заживо, мне всё равно».

Неправда! Вовсе ей не всё равно! Встряхнув головой, она вновь прикусила губу и приоткрыла рот к Виллимони внимательнее. Но он уже не наблюдал за нею. По финальному пению труб полки развернулись, и, гулко печатая шаги, двинулись к выходу с центральной площади. Знамена реяли в воздухе, музыка гремела, зеваки визжали от радости, а Марта тихо радовалась тому, что это мучение наконец-то окончилось. Аниссия, кажется, тоже ощутила прилив облегчения. Вместе с облегчением на неё накатила и волна необычной разговорчивости: подвинувшись к Марте ближе, она быстро заговорила:

– Как хорошо: теперь можно идти домой! Я боялась, что не выдержу этого унижения.

– Я тоже, – призналась Марта. – Больше всего мне было смотреть не на ухмыляющихся имперцев, а на бедных оборотней! Аниссия, это несправедливо. В чём провинились оборотни, почему командиры могут издеваться над ними в своё удовольствие?

– Какая же ты бестолковая дура, – презрительно хмыкнула Аниссия. – Оборотней бичуют потому, что они – рабы. Рабы всё стерпят.

Это мерзкое суждение разбило уважение Марты к ней вдребезги. Ощущая, как внутри неё нарастает отвращение к Аниссии, она злобно возразила:

– А если бы ты родилась рабыней? Не думаю, что тебе понравилось бы каждый день становиться под хлыст!

– Сейчас ты говоришь бредовые вещи, – фыркнула Аниссия, отвлечённо изучая свои длинные ногти. – Я не рабыня, я – дворянка.

– *Бывшая*, – с ядовитым сарказмом вставила Марта.

Щёки Аниссии из бледно-розовых стали бордовыми от сдерживаемого гнева. Где-то в глубинах её глаз промелькнула ярость, пальцы заметно дрогнули, и Марте даже показалось, что сейчас Аниссия бросится на неё с кулаками. Но она вздохнула, опустила голову и прошипела сквозь крепко стиснутые зубы:

– Не смей напоминать мне об этом! Во всём виновен Фолди! Если бы не он, моя жизнь шла бы совсем иначе!

– Значит, тебе не было бы дела до народных страданий?! – в приливе внезапного яростного ужаса спросила Марта. – Ты спокойно прошла бы мимо, даже не оглянувшись?

– Да, – подтвердила Аниссия. – А зачем я должна рисковать собой и своим положением в обществе ради тех, кто через пару лет и не вспомнит обо мне? У меня есть мои проблемы, у тебя – свои, и никто из нас не обязан помогать решать их. Пусть оборотни и прочие отверженные и дальше ходят под хлыстом – это меня не касается.

– Ты... ты... – Марта была настолько возмущена, что у неё даже не находилось слов для того, чтобы выразить свои чувства. Наконец, подходящее выражение отыскалось в её взбудораженной памяти, и она процедила его с особой язвительностью и прожигающим презрением: – Ты – подлая безмозглая кукла, такая же пустая, как и те обожательницы Империи, с которыми ты пришла на парад! Мы должны жить ради Кеблоно, а не ради своих ничтожных выходов!

– Мне не понятно, о чём ты говоришь, – с холодной усмешкой отрезала та. – Верная служба и помощь отверженным – это всего лишь пустые слова.

– Значит, у тебя нет ни совести, ни сердца, – отчеканила Марта. – Зря я посчитала, что сумела встретить родственную душу. На самом деле ты даже хуже Тайлы, Кали и их подружек. Ты хоть понимаешь, что от Империи не стоит ждать добра. Но ты остаёшься у неё под каблуком... жалкое создание.

– Послушай меня, наивная девчонка! – воскликнула Аниссия. – Разве ты не знаешь, что всякий, кто посмеет противостоять Авалории, будет повержен и убит? У тебя есть красочный пример в качестве твоего города, и неужели он не научил тебя старинной мудрости: «Сиди тихо и проживёшь долго»?!

– А зачем мне сидеть тихо, когда Кеблоно топчут подлые захватчики, у которых в жизни нет ничего святого? Разве ползучее существование под их пятой я имею право назвать жизнью?

Мимо них проносились смазанные цветные пятна: разноцветные мундиры марширующих воинов, и дикий гул восторженной толпы звучал в ушах, но теперь он не мог помешать Марте отчётливо услышать каждое слово Аниссии. Казалось, они продолжают свой спор, даже если мир вокруг них рухнет.

– Одна ты всё равно ничего не изменишь, – убеждённо заявила Аниссия. – Отверженных положено ненавидеть; они гораздо хуже и ниже нас. А ты защищаешься за них – почему?

– Потому, что они заслуживают нашего уважения! – выкрикнула Марта. – То, что они другие, не значит, что они монстры и должны жить в рабстве! Я сочувствую им, ведь я тоже знаю, каково это: повиноваться врагу, зная, что у тебя нет возможностей противостоять ему!

– Ох, маленькая идеалистка, – вдруг зевнула Аниссия, – оставь бестолковые рассуждения философам и покорись жизни. Ты мечтаешь отомстить Фолди, как и я, значит, мсти и не отвлекайся. Поверь, даровать отверженным свободу ты не сумеешь.

– А вот и сумею! – с детским упрямством заявила Марта. – И я поставлю отверженных наравне с людьми!

– Этим должны заниматься люди, у которых таланта в юридической сфере побольше, – отрезала Аниссия. – Но они не вздумали бы помогать тебе претворить в жизнь твои глупые фантазии. Они слишком хороши, чтобы однажды стать правдой. Занимайся своим делом и не лезь туда, куда тебе не требуется, иначе ты плохо кончишь!

– Плохо кончат те, кто даже не попытаются отстоять свой дом и свою честь! – выпалила разозлённая Марта. – Умереть червём намного позорнее!

Развернувшись так круто, что полы плаща стегнули её по щекам, Марта бросилась бежать сквозь толпу. Она прокладывала себе дорогу локтями, пытаясь не обращать внимания на крики Аниссии, что неслись ей вслед из далёких первых рядов зевак:

– Эй, подожди меня! Куда ты несёшься? Постой!

Марта не замедлила бега: ей было настолько противно и гадко от того, что пару часов назад она готова была уважать Аниссию, что остановиться у неё не выходило. Стражники проводили её недоумёнными взглядами, но не предприняли попыток задержать её, ведь парад уже кончился. Марте не впервые приходилось смотреть, как её надежды рушатся в прах, но с каждым новым провалом приниматься за дело снова становилось всё труднее. Ей начало казаться, что весь Иной мир против неё! Если бы эта затея действительно имела право на существование, среди череды дурных знаков попадались бы и хорошие. Но хороших знаков не было – нигде! И это начинало убеждать её, что она в чём-то ошиблась.

Показавшись из-за громадной телеги, толпа ярко разряженных девушек преградила ей путь так неожиданно, что Марта не успела остановиться и врезалась в них. Выныривая из урагана воплей, визга и ахов, она не извинилась, не обернулась. Даже не оглянулась. И, не замедляя темпа движения, рванула дальше. Куда её ноги несут её тело, она не знала. Она остановилась только тогда, когда воздуха в лёгких не осталось, а ноги не начали заплетаться и гудеть от усталости. Приходя в себя после странной вспышки агрессии, Марта подняла голову и осмотрелась.

Хотя она стояла у Внутренних Арочных Ворот, ближайших к центральной площади, её ещё замутнённая память хранила информацию о том, как она, одинокая и неуправляемая, носилась из одного конца города в другой. Тяжело вздохнув, Марта уселась на мостовую на корточки и обняла себя за колени. Густая прохладная тень, отбрасываемая воротами, которая была так желанна и так приятна после несезонного зноя, укрывала её от любопытных чужих. И это было ей в радость: тихая отрада, покой... то, чего она не имела, то, что она не могла обрести. Так она сидела довольно долго, словно в состоянии прострации, а между тем взгляды стражников, коротавших время у ворот, всё чаще останавливались на ней. Ей нужно было уходить, и как можно скорее.

Поднявшись, она мрачно взглянула на сверкающие оранжевые камни Арочных Ворот. Когда она была ребёнком, они считались самыми высокими в городе. Затейливые шпили, украшавшие их вершины, было видно из любой точки Кеблоно. Они, точно чьи-то тонкие шпаги, царапали небесный свод до тех пор, пока Империя не проломилась сквозь крепостные стены. Когда это случилось, шпили сломали, а ворота перестроили. Теперь они, низкие, крепкие и широкие, таращились на Марту, как будто ослепший старый великан, который чует рядом мясо, но из-за своей немощности не может найти его. Стражники, охранявшие ворота, словно были подобраны им под стать: такие же хмурые громилы со свирепыми лицами, на которых не действуют ни слёзные мольбы, ни льстивые посулы. Рассматривая их, Марта пыталась отрыть в своей памяти приказание Бирра. Кажется, они договаривались встретиться за воротами... или около них? Впрочем, это не имеет значения: стражники, судя по сквозящей в их чертах тупости, не умеют ни читать, ни писать и не разбираются в юридических тонкостях требования документов. Следовательно, можно рискнуть. Марта давно уже не ощущала, как в её крови бурным динамитом взрывается адреналин, сейчас же её истосковавшаяся душа требовала острых ощущений. Она устала от бесконечной игры в прятки!

Подойдя к воротам стремительным размашистым шагом, она вдруг затормозила: тяжёлые пики караульных преградили ей дорогу. Один из них, отличавшийся от трёх своих товарищей шрамом на щеке, хрипло потребовал:

– Ваши документы, госпожа.

– У меня нет документов, господин караульный, – мило улыбнулась Марта. – Но ведь Вы видите: я всего лишь бедная, одинокая женщина, что во мне ужасного? Пропустите меня, пожалуйста! Я так хочу домой!

– Нельзя, госпожа, – возразил стражник. Ни одна глубокая морщина на его обгорелом лице даже не дрогнула: её просьбы не смягчили его сердца. – Без документов нет прохода. Это приказ.

«*Настало время отчаянной мольбы*», – с ребяческим азартом решила Марта и заголова, как будто отнятый от груди младенец:

– Умоляю вас! Сжальтесь над бедной девушкой, выпустите меня! Хотите, я встану перед Вами на колени? – воскликнула она, хотя вовсе не собиралась делать это. На её счастье, караульному тоже не хотелось заставлять женщину унижаться перед собой. Вздохнув с усталостью и даже каким-то призрачным оттенком сострадания, он повторил:

– У меня есть приказ: не выпускать никого за ворота, если у него нет при себе документов.

– Но...

– Приказ! – повторил караульный, будто припечатал. – Отойди, госпожа, и подожди своего отца или брата.

– Но я – сирота! – со слезами на глазах заявила Марта: одно напоминание о семье до сих пор причиняло ей нестерпимую боль. – Пустите!

Но и эта трогательная речь не сумела пронять стражника настолько, чтобы он отодвинул пику с её пути. Один из его товарищей, стоявших поблизости, вдруг оставил свой пост, подбежал к нему и что-то тихо шепнул в ухо.

– Ага... – протянул караульный. Впервые за всё то время, что Марта наблюдала за ним, морщины на его лбу слегка разгладились. Обернувшись к ней, застывшей в позе немой мольбы и страдания, он проговорил: – Слушай, девочка, если у тебя нет ни брата, ни отца, значит, у тебя есть муж!

– Но я ещё не замужем! – воскликнула она, совсем позабыв о легенде, выдуманной Бирром. – Клянусь, рядом со мной нет ни одного мужчины! Пустите меня, пустите домой!

Кажется, стражник уже готов был поверить ей и освободить дорогу: она видела, как его лицо светлеет, а в потускневших под бременем лет глазах проскальзывает некая искра. Но тут, словно по закону подлости, из-за его спины показался некий тощий сутулый субъект с аккуратно причёсанными мышинными волосами и неуверенной, шаткой походкой. Длинные бледные руки субъекта крепко сжимали большую синюю папку, гусиное перо и чернильницу, как пойманную добычу. На носу у него красовались внушительные прямоугольные очки. Марта ощутила, как бесшабашная наглость оставляет её, и тревога сжимает сердце в железное кольцо. «*Секретарь*», – с холодным страхом поняла она. Запудрить мозги ему она не сумеет. Но это неважно: в крайнем случае, её запрут в тюрьме на несколько дней за «проявление дебоширства».

– Я слышал, Вы просили отпустить Вас домой, госпожа, – тихо сказал секретарь. В его словах ей почудилась ядовитая издёвка: затаённая, но такая острая, что она невольно вздрогнула.

«*Кажется, сейчас я совершаю чудовищную ошибку, но другого пути у меня нет*», – решила Марта, дрожащим голосом отвечая секретарю:

– Да, Вы не ошиблись, господин.

– При этом Вы не имеете ни родственников, ни опекунов, ни мужа, ни жениха? – нетерпеливо спрашивал он.

Понимая, что она сама захлопывает перед собой ловушку, Марта признала:

– Да.

– Но это невозможно, – с ехидной улыбкой возразил секретарь, – ибо, согласно Указу об использовании документов, удостоверяющих личность, безмужняя девушка-сирота, при которой нет опекунов, не может посещать торжественные церемонии в одиночестве...

– За мной шли мои подруги, но они отстали от меня, – торопливо пропищала Марта.

Но эта очередная ложь сделала ей только хуже. Улыбаясь ей натянутой злой улыбкой, секретарь заявил с презрительным торжеством в голосе:

– Это не объясняет того, как Вы, госпожа, сумели попасть на центральную площадь, ибо для входа туда требуется предъявить удостоверение личности...

«Вот я и попалась!» Вздрогнув, Марта попятилась назад, но смертельно холодное древко солдатской алебарды упёрлось ей в спину. Ей вовсе не хотелось ни оборачиваться, ни поднимать голову, чтобы увидеть схватившего её стражника. Грубый холодный голос, раздавшийся где-то в вышине, заявил:

– Не вздумай двигаться, госпожа.

– А если двинусь, то что? – дерзко спросила Марта, зная, каков будет ответ.

Громкие, рокошующие, точно гром, слова стражника всколыхнули волосы у неё на затылке:

– Мне придётся убить тебя.

– Убивайте, – нагло заявила она, топнув ногой. – Наместник и начальник войск внутреннего охранения вас за это не похвалят. Вы пожалеете!!

– Вы считаете, за Вас, ничьёмную сироту, станут заступаться господа Гевала и Виллимони? – исполненная сарказма усмешка искривила губы тощего секретаря. – Что-то сомнительно... Ваша смерть не станет потерей для нашего государства, так как официально Вы даже не появлялись на свет.

– Жаль, что вместо меня не можешь сдохнуть ты, гадкая кабинетная крыса! – в сердцах выругалась Марта. – Давайте, что вы на меня смотрите? Убивайте меня, ведь это так легко – я же безоружная женщина, самый подходящий противник для четверых мужчин!

Скосив взгляд в сторону ближайшего к себе стражника, Марта заметила, что её слова наталкивают его скорбные мозги на некие размышления. Но он не успел додумать: на это потребовалось бы слишком много времени, которого не было в арсенале у королевского секретаря, как она поняла, главного в компании. Равнодушно махнув папкой, он заявил:

– Это нарушает статью номер 122 Указа номер 56 Его Величества Кларка об отношениях: формальных и неформальных – между различными слоями населения страны. Ваше поведение, госпожа, расценивается как «неуважительная и недопустимая фривольность» и карается... немедленной смертной казнью через повешение. Сед! – повелительно промолвил секретарь. – Ведите её на виселицу.

В глазах у Марты словно что-то помутнело, потемнело и затем снова прояснилось, а кровь тяжёлым молотком ударила в уши. Вот и всё – конец! Она умрёт на позорной виселице, в окружении бессердечно смеющихся людей, не успев сделать ничего, что ей хотелось бы! Лучше бы уж её убили на Деблских укреплениях в прошлом году! Та смерть была во множество раз почётнее, её совесть и честь перед нею самой остались бы чисты! Взяв её в кольцо, патруль неумолимо быстро зашагал к ближайшей виселице: Марта угадывала её зловещие чёрные контуры на безоблачно чистом небе. Она чувствовала на себе недоумённые и злорадные взгляды восторженных новым красочным зрелищем зевак, но не опускала под ними головы. Ей уже было безразлично их внимание: пусть думают о ней, что только захотят! Она не могла умереть, не исполнив своей клятвы! Преисполнившись неожиданной силы и отваги, она принялась биться в руках стражников, тормозить ногами, рычать, кусаться и царапаться до боли в зубах, до ломоты в пальцах. А те даже не замедлили шаг: толстые железные панцири были бесчувственны к любым её атакам. Марта сопротивлялась до тех пор, пока её силы не иссякли,

а любая воля к борьбе не показалась бессмысленной. Её великая цель оказалась недостижима для неё. Она продолжала сопротивляться, но уже без одушевления, а, скорее, по привычке, влившейся в кровь на войне.

Мимо неё, окружённый толпой восторженно кричащих бездельников и небольшой группой стражников, прошагал новый начальник войск внутреннего охранения, Ноули Виллимони. Его популярность оказалась сильнее временной популярности Марты, и зеваки, прежде смотревшие на неё, на всех парах устремились к нему. Солдаты, ведущие её на казнь, молчаливо ухмыльнулись в свои длинные густые бороды, а мелкий вредина секретарь не сумел удержаться от того, чтобы не впрыснуть к ней в душу новую порцию яда. Подойдя к ней ближе, он торжествующе зашипел:

– Госпожа, мимо идёт тот, кто, по Вашим словам, защитил бы Вас. Почему же он до сих пор не приказывает нам остановиться?

– Своим злословием Вы, господин, – в тон ему отвечала Марта, – лишь ещё ниже опускаете свою низкую душу, если она уже не пала на самые глубочайшие уровни нравственности. Молчите; мне стыдно, что такой человек, как Вы, носит звание королевского секретаря.

Наградив её многозначительной ухмылкой, секретарь отстранился и бодро зашагал во главе патруля. Хотя никто на улице не замечал их, конвоиры держались с величественным достоинством. Вот они поравнялись с головой отряда Виллимони, остановились, отдавая ему честь. Новоиспечённый начальник войск внутреннего охранения, сияя горделивой улыбкой, удостоил их своим взглядом. Конечно, он, как и любой другой типичный представитель жадной до сенсаций человеческой породы, невольно обратил внимание на преступницу, которую стражники вели на казнь. И с ужасом признал в осуждённой Марту... Улыбка медленно сползла с его лица, глаза его перестали искриться радостью. Не сказав ни слова своей многочисленной свите, он решительно прошёл сквозь их колеблющиеся ряды и грозно обратился к секретарю:

– Что это?

– Осуждённая, Ваше Командирство, – с готовностью ответил тот.

Лицо Виллимони потемнело, и секретарь, осознав свою ошибку, поспешно растворился за спинами стражников. Ощувив воскрешение надежды, Марта на одну короткую секунду ощутила к Ноули прилив горячей благодарности. Если бы она сейчас была свободна, она незамедлительно выразила бы свои чувства так, как их не полагалось выражать врагам до гробовой доски. Она испытующе посмотрела на него, задавая немой вопрос: *«Неужели ты действительно решился спасти меня? И зачем же ты делаешь это?»*

Виллимони гневно воззрился на начальника конвоя:

– Как вы смели схватить эту девушку и без моего разрешения потащить её на казнь?

– Так предусмотрено законом, Ваше Командирство, – вдруг осмелевший секретарь высунул нос из-за спины растерявшегося стражника. – Помните? Статья №122 Указа №56 о...

– Замолчи, – махнув рукой, приказал Виллимони. – Я не слишком силён в законах, но один из них я, как и ты, наверное, знаю наизусть. Я – начальник войск внутреннего охранения, и все дела, касающиеся казни либо пыток, имеют ко мне непосредственное отношение. Ты помнишь, что Его Величество вносил изменения в закон, устанавливающий границы моих полномочий? Или ты уже успел забыть об этом?

Побледнев, секретарь затрясся и вновь спрятался за спину начальника конвоя. Тогда Виллимони обратился к стражникам:

– А вы, почему вы послушали этого никчёмного бумагомараку и отправили несчастную девушку на казнь?

– Мы не знали, что... – забормотал было начальник конвоя, но Виллимони не дал ему и крошечного шанса договорить свои оправдания:

– Вы должны были знать, – его колючий взгляд обратился к притаившемуся за стражниками секретарю, – что я утверждаю решение о применении к преступнику смертной казни! А теперь, раз уж мы заговорили об этом, утверждения вы не получите! Эта девушка не будет повешена, как бы вы ни пытались заморочить мне голову.

Секретарь боязливо втянул голову в плечи, стражники обменялись недоумёнными взглядами, а Марта, покусав губы, с усилием сумела убить даже слабый отзвук признательной улыбки. Несмотря на свой благородный поступок, Ноули – имперец, имперец и им же останется. Ей не за что было быть ему благодарной.

Ноули смерил конвой ещё одним обжигающим взглядом:

– Вы слышали? Отпустите девушку!

– Но, Ваше Командирство, она – преступница! Её поведение характеризуется как недопустимо фривольное! У неё даже нет документов! – слабо пискнул секретарь. Впрочем, его возражениям не суждено было быть услышанными: стражники уже покорно освободили Марту.

Слегка подтолкнув её в спину, начальник конвоя обернулся к секретарю и посмотрел на него настолько злобно и настолько презрительно, что тот не попытался повлиять на решение Виллимони.

– Преступница? – ядовито поинтересовался Ноули. – И её преступление, как я понял из твоих объяснений, заключается в том, что она пыталась пройти через ворота, не подождав меня?

– Но Вы... – озадаченно забормотал секретарь. Виллимони раздражённо кивнул:

– Эта девушка идёт вместе со мной! Она – моя невеста! И что, чёрт возьми, она должна была делать на параде, по твоей логике, секретарь? Она должна была взобраться в седло и проехать вместе со мной по площади? Она виновна в том, что растерялась и забыла законы, которые, кстати, даже ты не знаешь назубок?

– Ваше Командирство... – пролепетал секретарь, заливаясь краской. – Мы не знали, что это – Ваша невеста...

– Что, если бы она не имела ко мне никакого отношения, вы оттащили бы её на виселицу? – разозлился Виллимони. – Вот так вы исполняете свой долг перед Коронай?

Смутившись и растерявшись, конвоиры нервно переминались с ноги на ногу. Кажется, они не ожидали, что однажды поведут на казнь невесту господина Виллимони. Как не ожидала и сама так называемая «невеста». Все её ощущения безнадежно перепутались, она не понимала, какому следует доверять. Вздыхнув, она повесила голову. Этот жест, жест покаяния, усилил ужас стражников и секретаря от совершённой ими непростительной ошибки.

– Клянусь, это больше не повторится, Ваше Командирство, – в один голос заговорили они.

– Поверю вам на слово: вы люди честные и ответственные. Что же до тебя, – Ноули вновь устрашающе глянул на совсем стушевавшегося секретаря, – ты сегодня же будешь понижен в должности и отправлен в один из офисов Кеблоно. Тебя не стоит допускать к таким ответственным постам, пока ты не выучишь свод законов наизусть.

Марта лениво усмехнулась про себя: *«Надо же, как быстро Виллимони вошёл в командирский раж! А, казалось, ещё вчера он был смиренным подчинённым, которого не интересовало ничто, кроме слепого исполнения воли командира. Я и не знала, что люди так быстро могут меняться в худшую сторону»*.

Стоя между Виллимони и своими бывшими конвоирами, она чувствовала на своём лице прикосновение прохладной тёмной тени. Представив себе, как же она сейчас выглядит со стороны: одинокая и беспомощная девушка между четырьмя высокими, враждебными мужчинами, она горделиво выпрямилась, чтобы никто не посмел упрекнуть её ни в трусости, ни в слабости.

Рука Виллимони в белой парадной перчатке, расшитой золотом по верхнему краю, протянулась ей навстречу:

– Идём, Марта.

– С великой радостью, Ноули, – ответила она с возмущившей его наглостью, в три шага подходя к нему ближе. Но его руки она так и не приняла.

Впрочем, Виллимони не обратил внимания на её пренебрежение: ловко подхватив её под локоть, он стремительно зашагал куда-то по улице. Его свита тотчас рванулась к нему, засыпая его вопросами о Марте и связывающих их отношениях, но он ничего не ответил. Резко взмахнув рукой, Виллимони составил себе труд утихомирить их коротким заявлением:

– Я пойду один. Оставьте меня с госпожой Сауновски!

– Госпожа Сауновски? – удивлённо протянул кто-то из свиты. – А разве эта девушка числится при дворе?

– Эта девушка – невеста Его Командирства, – просветил самый любопытный и внимательный зевака своих товарищей.

– Почему Вы оставили свою невесту в одиночестве? – удивился кто-то из толпы.

– Почему Вы прогоняете нас? – общий гомон обиженных поклонников Виллимони странно контрастировал с угрюмой настороженностью воинов, которые молчаливо не одобряли решение своего начальника потому, что Марта не пришлась им по душе своим слишком самоуверенным видом.

– Уйдите прочь, – повторил Виллимони и ускорил шаги, надеясь смешаться с толпой.

Ему не удалось сделать это: парадный мундир и отличительная чёрно-белая ленточка на груди и вокруг воротника мгновенно приковывали к нему всеобщее внимание. Ему не нужно было расчищать себе дорогу среди спешащих по своим делам горожан, ведь его известность, будто трудолюбивый дворник, шагала впереди него. И Марте не нравилось это: проходя по восторженно визжащим людским коридорам, она ловила на себе недоумённые взгляды и начинала стесняться этого. Она никогда, даже в детстве, не любила быть на публике. Рой людских голосов, носящийся в воздухе, точно пчёлы, быстрые неуловимые движения сковывали её. Особенно в тех случаях, когда не она была героиней дня. Это вызывало у неё затаённую злобную зависть, ту, которая ужасала и одновременно удивляла её.

А Ноули Виллимони с радостью проходил мимо восхищённых его явлением горожан: он ещё не знал, что популярность – коварная дама. Она капризна и непредсказуема: сегодня она прилетает к вам на крыльях, но завтра на них же улетает, и в последующие долгие годы вы стараетесь из последних сил, чтобы заставить её, точно тяжелораненую, нехотя и медленно приковылять к вам. Ноули Виллимони не знал. И Марта не знала. Жизнь, хоть она и любит порой шутить с нами злые шутки, не дошла ещё до этой крайности садизма.

Некоторое время она молча следовала за Виллимони, понимая, что сейчас ей лучше не стоит заговаривать с ним. Но, когда Ноули в очередной раз крепко сжал её руку так, что все кости в ней хрустнули, Марта разозлилась и остановилась.

– Что опять? – рассерженно спросил он, оборачиваясь.

Она взмахнула свободной рукой:

– Я понимаю, тебе хочется отомстить мне за то, что мои товарищи когда-то сломали тебе конечности, но, знаешь ли, лучше бы ты тогда позволил конвою повесить меня.

– Боишься боли? – хитрая усмешка осветила лицо Ноули.

– Нет, – надменно фыркнула Марта. – Я не так слаба, как твоя дражайшая сестричка Байна Санна.

Она заметила, как тень злости проскочила в его тёмных глазах, и ощутила, как его пальцы ещё крепче стискивают ей локоть. *«Задело? – мысленно позлорадствовала она. – Тебе не нравится, когда то, что тебе дорого, оскорбляют? Теперь ты должен понять мою боль и обиду за Келлоно... Если ты способен на это».*

Выделив ей краткую передышку, Ноули взял её за другую руку и быстрее мысли полетел прочь с оживлённых улиц, в заброшенные Старые Кварталы. Марта почувствовала, как по лицу у неё протягивается широкая ностальгическая улыбка. В этих кварталах она и её друзья, многие из которых ныне уже мертвы, пробовали свои силы и свою ловкость, бесстрашно взбираясь на коньки прогнивших крыш и исследуя затянутые плесенью подвалы. В её памяти ещё хранились яркие, как будто вчерашние, воспоминания об одном походе в древнейший из домов Старого Квартала. Она и Бирр, оба – неразумные тринадцатилетние подростки, жаждущие экстрима и интересных приключений, обошли старую развалину с первого, ещё безопасного, этажа по девятым, где большинство половиц прогнили либо развеялись в прах, а опорные балки превратились в подточенные червями и жуками жалкие тонкие деревянныешки. Она помнила, как в сыром и тёмном подвале, похожем на один из старинных фамильных склепов, которые так любят изображать на картинках в страшных книгах, Бирр вдруг наткнулся на покрытые временной ржавчиной цепи, и, вздрогнув, вскинул повыше фонарь, чтобы осветить свою находку. Перед их взорами – она до сих пор не могла забыть! – возникли старинные хитроумные кандалы, навеки приковавшие к стене мёртвого пленника, чьё тело под влиянием лет давно обратилось в хрупкий скелет. Она помнила, как их с Бирром сдвоенный вопль сотряс стены подземелья, как будто мощный обвал, и они, ни на мгновение не переставая кричать, помчались наверх. Помнила, как они оскальзывались и падали на узких крутых ступеньках под тихий плач падающих с потолка холодных капель, помнила, как в попытке подняться они хватались за хрупкие, ненадёжные нити паутины, рассыпавшиеся от дрожащего прикосновения их пальцев. Помнила, как они, вырвавшись в Кеблоно, с наслаждением вдохнули знакомый запах родных мест. С тех пор Марта и Бирр никогда больше не бывали в Старых Кварталах. Но сегодня ей страстно захотелось вернуться сюда... и увидеть в ржавых кандалах в древней развалюхе скелет не того несчастного, забытого всеми человека, но всенародного любимца Фолди. Странно, но представлять себе прикованные к стене кости Виллимони ей совсем не хотелось.

Ступив в мрачную черноту Старых Кварталов, она вдруг чётко вспомнила своё детство, своих погибших друзей. Наверное, атмосфера этого печального, безнадёжно отсталого от остального мира места подействовала на неё так, до боли затронув самые чувствительные струны её души. Здесь, в Старых Кварталах, всё дышало тоской и страданием: даже давно покинутые, полуразрушенные дома, казалось, смотрели на обезлюдевшие улицы с печальной одинокостью. Марте не хотелось продвигаться вперёд: она вдруг уверилась, что окружающая чёрная вуаль сейчас засосёт, проглотит, уничтожит её. Она нерешительно застыла в узком проулке, украдкой поглядывая назад, туда, где улицы освещало солнце и ходили люди. Пусть они и не вызвали у неё никакой симпатии, иногда ей всё же хотелось стать частью их.

Но Ноули Виллимони, видимо, собирался поговорить с нею о чём-то очень важном, настолько засекреченном, что полная изоляция от общества была допустимой нормой для этого дела. Прижавшись спиной к холодной стене, он с упрёком посмотрел на Марту:

– Зачем ты спорила со стражниками у ворот? Я же велел тебе молчать!

Слова Ноули вновь разбередили старую рану, ещё не успевшую затянуться. Взвизвись на дыбы, она запальчиво ответила:

– Я не повинуюсь повелениям имперцев! Запомни, ты мне не указ! Мы – враги! Я хотела спросить тебя об этом всё время, что мы шли к Старым Кварталам: зачем ты спас меня? Я справилась бы и без твоей помощи!

Выждав, пока её речь иссякнет у неё в лёгких, Виллимони заговорил с кривой усмешкой:

– Я не сомневаюсь в твоих блестящих способностях к суициду. И о нашей вражде я осведомлён не меньше тебя. Но я спас тебя лишь потому, что ты заступалась за меня перед твоими друзьями и исполнила мою просьбу – передала пропуск Байне – когда я думал, что уже умираю. И потому, что я уважаю тебя.

– Я начинаю сожалеть о том, что сделала, – ядовито бросила Марта. – Ты ничем не заслужил моей помощи, и твоя сестра, кстати, тоже.

– Не смей говорить так о Байне! – покраснев, воскликнул Ноули. Марта лишь равнодушно усмехнулась и продолжила говорить, не сводя взгляда с его лица:

– Не нравится? Подожди, не взрывайся раньше времени, я сказала ещё не всё, что думала. Возможно, единственное дарование твоей сестры – её феноменальная наивность, поскольку я не заметила красоты в том убожестве, в которое она обрядила тебя. В нашей тюрьме, в кандалах, ты выглядел лучше. Да, Виллимони, слушай правду, слушай же правду! В этом мундире ты куда больше похож на разноцветного попугая!

– Сауновски...

– Говорить же о твоём моральном облике я и вовсе не желаю: ты надменный, самовлюблённый, самонадеянный имперец, такой же, как и Фолди! Ты лишь немного уступаешь ему в мерзости. И в моих глазах ты навсегда останешься таким, моё мнение о тебе ничто не изменит, ясно? Моя ненависть к тебе так же сильна, как и прежде, хоть ты и спас мне жизнь, и я, конечно, немного благодарна тебе за это. Ты даже моё спасение превратил в унижение. Да как ты вообще смел назвать меня своей невестой?

– Тебе больше понравилось бы болтаться в петле? – язвительно спросил Виллимони.

– Да! – запальчиво ответила Марта. – Да! Ведь тогда я умерла бы с честью!

– А почему же тогда ты не сказала стражникам правду и не отправилась на виселицу? – поинтересовался он, хитро сузив глаза. – У тебя был шанс поступить по-своему! Так почему ты не воспользовалась им?

В наступившей тишине она не знала, что ответить ему. Ведь он говорил правду: она могла признаться стражникам в обмане, рассказать им обо всех тех страшных днях, что она провела на Деблльских укреплениях среди озлобленных смертников, своих товарищей по убеждениям. Она могла бы сбросить с плеч тот неподъёмный груз, что свинцом давил ей на плечи, но она струсила. Теперь, возможно, ей не представится другой возможности выговориться всласть! Она считала, что жизнь давно не дорога ей, но оказалось, это не было правдой. Будь она так же смела и решительна, как и несчастные смертники с Деблльских укреплений, гибель не утратила бы её. Если бы она действительно была той, кем хотела быть, она давно уже пошла бы во Второе Измерение с лёгким сердцем и спокойной улыбкой на устах. Но, стоя на развилке между смертью и жизнью, она выбрала второй путь. И зачем? Весь этот год, этот долгий, жалкий, унижительный год, она подло обманывала саму себя. Нет, даже не год длилась её двойная жизнь: та, настоящая, глупая и бессмысленная, и идеальная, та, о которой она мечтала – не год, а гораздо дольше! Уходя на защиту родного города с оружием в руках, Марта велела своему разуму забыть об инстинкте самосохранения. Но одного веления для достижения цели было недостаточно. На самом деле она всегда любила жизнь, и сейчас, под тяжёлым злым взглядом Виллимони, не имело смысла отрицать эту очевидную истину.

Она несмело подняла взгляд на его лицо, полускрытое мягкой тенью Старых Кварталов. Оказалось, возмущённое пламя в его глазах уже погасло: он тоже устал ненавидеть и уважать её одновременно, ведь это было слишком сложно. Сейчас он, как и она, должен был выбрать что-то одно.

Шумно вздохнув, Виллимони отклеился от влажной древней кладки и грустно посмотрел на неё.

– Прощай, Сауновски, – тихо сказал он.

– Ты не сдашь меня страже? – удивилась она. – Не станешь мучить меня? Неужели кровавые расправы утолили жажду Империи и сделали её добрее?

– Не начинай, – попросил её Виллимони. – Ты же знаешь, я давно мог бы убить тебя, но я не сделаю этого никогда. Я благодарен тебе за всё, что ты для меня сделала, действительно благодарен.

– А я тебе – нет, – гордо отрезала Марта. Но, мгновенно смягчившись, она торопливо опровергла собственное заявление: – То есть: да... Немного... Но это не будет мешать мне ненавидеть и тебя, и Фолди, и Империю.

– Таковы твои железные принципы, – устало улыбнулся Виллимони. – У меня они совсем другие...

– Значит, ты забудешь о моём существовании, вычеркнешь нашу встречу из памяти, будто бы её и не было? – всё ещё не веря ему, спрашивала Марта. Ноули утвердительно кивнул, и в глазах его, подсвеченных странным сиянием Старых Кварталов, появился твёрдый, решительный блеск:

– Да.

– Но как ты объяснишь высшему свету внезапное исчезновение своей невесты? Они вытянут из тебя все жилы, если ты им не ответишь.

– Что-нибудь придумаю, – хмыкнул Виллимони. – Лучше побеспокойся о себе, Сауновски: в следующий раз, когда ты попадёшь в беду, я не стану спасать тебя.

– Не волнуйся, твоя помощь больше никогда мне не потребуется, – расправив плечи, она отступила от Виллимони на несколько шагов и уже тише и мягче проговорила: – Я клянусь, что никому не расскажу о нашей встрече... и о том, что было до неё.

– Я тоже клянусь, Сауновски.

– Прощай, Ноули, – с трудом сглотнув колющий ком в горле, неуверенно шепнула она.

– Прощай, Марта.

Может, это и было типичнейшим проявлением глупости и наивности, но ей вовсе не хотелось, чтобы Ноули уходил. Среди толпы враждебных захватчиков имперцев он был единственным, кто мог бы защитить её. Только, к сожалению, кроме этого, у них не было ничего общего. Удостоив его последним прощальным взглядом, она круто повернулась и быстро зашагала вперёд, к свету, к людскому шуму, к призрачной уверенности в безопасности и защищённости, которая была у неё лишь пару часов назад. Она и не заметила, что застывший позади Виллимони всё ещё смотрит на неё.

Жаркое, будто не весеннее, солнце ослепило её, громкие разговоры горожан оглушили её, но внутренне она осталась так же спокойна и безразлична ко всему, как и прежде. Словно вторая встреча с Ноули надломил что-то внутри неё, и её чувства на мгновение оледенели. Зная свой характер, Марта ускорила шаги, чтобы добраться домой раньше, чем её настигнет боль. Она бежала по залитым солнцем улицам вприпрыжку, пока не примчалась на другой конец Кеблоно, в кварталы бедняков, где царили мрак и холод, угрюмые дома угрожающе посматривали на замусоренные улицы, а пьяные отщепенцы распевали бессвязные песни до хрипоты в залитом спиртным горле. Марта давно научилась справляться с отвращением, что вызывали в ней эти места; ведь она жила здесь. Но она была уверена, что никогда не испытает к своему новому дому и бледной тени тех тёплых чувств, что были у неё к прежнему – погибшему под тяжестью имперского булыжника вместе с её семьёй. Мысль о семье растравляла рану в её сердце, которая не могла затянуться из-за каждодневных горьких воспоминаний. Марта научилась не плакать от боли, но это не значило, что она забыла о своём прошлом. Наверное, неуловимая тень, волочащаяся за спиной у всех лицемеров, теперь стала и её постоянной спутницей, уподобив её Фолди! Она пыталась убедить себя, что между ней и министром нет ни капли схожести, но на самом деле это было не так.

Она проворно скользила между хаотично расставленными рядами мусорных баков, точно пугливая кошка. Она привыкла бояться каждого странного звука, каждого подозрительного движения. И собственные ощущения бесили её, ей хотелось избавиться от них, только... не получалось. Иначе ей не удалось бы выжить.

Приблизившись к своему дому: типичной для бедных кварталов Кеблоно серой двухэтажной развалине – она сразу заметила на крыльце Бирра. Он нетерпеливо и тревожно расха-

живал по верхним ступенькам, зорко вглядываясь вдаль. Бирр заметил её, едва она вынырнула из-за тёмной груды отбросов, уже несколько дней гнивших на улице. Его лицо вдруг просветлело, преобразаясь за краткие доли быстро бегущих секунд. Проигнорировав ступеньки, Бирр тяжело, как мешок, спрыгнул на землю и полетел ей навстречу.

– Где ты была?! – выпалил он, встряхнув Марту за плечи. – Я волновался! Я уже собирался идти искать тебя!

– Я прошла через ворота раньше тебя, – странно улыбаясь, ответила она. – Меня пропустили.

– Как... пропустили? – Бирр отшатнулся, озадаченно рассматривая её. Впрочем, уже в следующую минуту он с радостью поверил её словам и решил прочесть ей нотацию. – Марта! Мы же договорились, что ты не станешь рисковать!

– Я не рисковала, Бирр, успокойся, – широко, натянуто, неестественно улыбнулась она ему. – Я же здесь.

– Но тебя могли арестовать, тебя могли казнить, Марта! – его обычно каменное лицо вдруг стало тревожным и взволнованным. – Ты знаешь не хуже меня, что всюду шныряют имперцы! А если бы этот мальчишка... Ноули Виллимони, если бы он увидел и узнал тебя?

«Он не только видел и узнал меня, – мысленно вздохнула Марта, – но и спас меня от гибели. Я могу бояться любого в этом городе, но только не его».

Однако она и теперь не сказала Бирру правду. Внутри неё жила такая подлая трусливая мыслишка, что ему очень не понравится истинная история её приключений, он сочтёт её предательницей и бросит. А она не могла позволить себе потерять и его. Ради того, чтобы он остался, она была готова солгать.

Опуская голову и пряча глаза от его требовательного внимательного взора, Марта наигранно фыркнула:

– Бирр, я не боюсь.

– То, что ты не боишься, – тихо сказал он, – не гарантирует тебе безопасности.

– Но я же здесь! – утомлённо повторила Марта. – Бирр, хватит, не действуй мне на нервы! Неужели ты не видишь, что мне плохо и без твоих нескончаемых нравоучений?

Её крик словно взорвал шумную суету грязных тупичков и переходов. Для неё мешающие ей звуки умерли, мешающие люди – исчезли. Для неё в этом городе, в этом государстве, даже во всём этом мире, остались только двое – она и Бирр. Прочее не имело никакого значения.

– Прости, – хмуро буркнул он.

Отвернувшись, Марта хранила гордое молчание: она не верила, что его извинения могут быть искренни, ведь он всегда считал себя правым.

Он повторил уже громче:

– Сауновски, прости меня. Ты слышишь?

– Я не хочу тебя слушать, – фыркнула она, снова отворачиваясь от подошедшего к ней Кавера.

Даже нервы потомков гибридов, славящихся своей невозмутимостью, иногда не выдерживают. Поведение Марты разозлило его, и он, взмахнув руками, грозно заговорил:

– Перестань! По большому счёту, сейчас извиняться должна ты! Думаешь, я не волновался за тебя, пока бегал из одного конца площади в другой? Ты и не знаешь, о чём я только ни успел подумать, пока тебя не было! Я ожидал от тебя хотя бы крошечного «извини» и внятного объяснения твоему отсутствию, но ты пришла и накричала на меня! Тебе кажется, ты поступила правильно, так?

Пристыженная, Марта несколько наполненных мукой и болью секунд стояла с опущенной головой. Невыплаканные слёзы позднего раскаяния жгли ей глаза, а она молча сглатывала их, чтобы не показать Бирру своей слабости. Наконец, когда боль немного утихла, она произнесла хриплым шёпотом:

– Прости. Если тебя интересует, где я была, я могу ответить. Я заходила в Старые Кварталы.

– Зачем? – с удивлением и облегчением в голосе спросил он. – Что ты делала там?

– Не имеет значения. Бирр, это совсем не имеет значения.

Сейчас она не смогла бы заставить себя сказать ему неправду: возможно, потому, что ей никогда раньше не приходилось делать это.

Если бы только он был таким же толстокожим, как и все вокруг! Но он знал её с детства и тонко чувствовал любые перемены, происходящие в ней, как будто он проживал с ней одну жизнь на двоих. Его сердце, услышав отзвук упорной скрытности, взвыло, как от боли. «*Она теперь совсем не та*», – с горечью осознал Бирр. Но, надеясь, что их тёплые, доверительные отношения ещё можно вернуть, он выпалил в порыве обезоруживающей искренности:

– Марта, я всегда могу выслушать тебя! Ты же знаешь! Поверь мне, Марта, не прячься от меня!

– Да, я знаю об этом, Бирр, – холодно подтвердила она и, протиснувшись мимо него в узком переулке, с кажущейся бодростью зашагала к крыльцу.

– Марта, ты можешь довериться мне! – с отчаянием воскликнул Бирр.

«*Теперь – нет*, – тяжело вздохнув, подумала она и рывком отворила скрипучую дверь. – *Наверное, нет*».

**История Его Превосходительства Министра
Внутренних дел Авалории, Гая Фолди (28. 08. 14)
14 Сээйра 3041 года по летоисчислению Авалории.
*Королевство Авалория (истинно – Империя), Столица.***

Во дворце царила привычная для полуденной снесты тишина. Все, кто населял сейчас бесконечные анфилады просторных покоев, будь то придворные, знатные гости или Их Величества, спали или же пытались уснуть. Только недремлющие стражники механически маршировали по опустевшим коридорам, и их чёткие шаги заставляли мраморные стены отзываться звучным эхом. Стук-стук, – печально бормотали напольные маятниковые часы. Стрелки на их циферблате двигались с той же монотонной предсказуемостью, с которой в последнее время текла жизнь при дворе. Года проходили за годами, придворные становились всё ленивее и толще, Король и Королева – старше и печальнее, а министр внутренних дел, Гай Фолди – хитрее и властолюбивее. В это время Фолди заимел огромное влияние в Авалории. Все, даже Кларк и Влеона, мчались к нему за советами, все почитали и уважали его. До тех пор, пока при дворе не выдвинулось такое лицо, как Ноули Виллимони. Этот мальчишка, по мнению министра, вообще ни в коей мере не заслуживал свалившихся на него почестей. В те три тяжелейших для имперской армии дня, когда стены Кеблоно брали ожесточённым штурмом, Ноули сидел в кеблонской тюрьме, в безопасности! Фолди был уверен, что повстанцы не убьют его: ведь иначе они не сумели бы раскрыть секрет формулы нового оружия, который Виллимони, кстати, так и не выдал им, хоть его и пытали зверски мучительно и долго. Но неужели его трёхдневное молчание стоило двадцати орденов и девяти медалей за «отвагу», «мужество», «смелость» и «верную службу Короне»? Разве он, Гай Фолди, практически держащий в своих руках бразды правления страной, не заслужил таких же почестей? Судя по поведению Кларка и Влеоны, они считали, что нет. И это безмерно злило министра. Он десять лет шёл к власти всеми мыслимыми путями, переулками и закоулками, он хитрил, лгал, доносил на своих товарищей, бессовестно подлизывался, даже, бросив свои неотложные дела, по приказу Их Величеств помчался под стены Кеблоно, и что же он получил в результате? Ничего! Даже хуже, чем ничего! Ноули Виллимони, этот ничтожный мальчишка, потеснил его с его заслуженного места! Злобно фыркнув, Фолди с удвоенным остервенением зарылся в бумаги, высокими белыми стопками окружавшие его рабочее место со всех сторон. Возможно, если из-под его пера выйдет какой-нибудь великий закон, ему удастся вернуть расположение Кларка и Влеоны.

Покачнувшись на кончике пера, чернильная капля упала на поставленную в верхнем углу страницы печать. Раздражённо покусав губы, Фолди подписал эдикт и отложил его в сторону. Зачем он обманывает самого себя? Ведь он прекрасно знает, что, даруй ему Магия ни с чем не сравнимую мудрость небесных помощников, Их Величества всё равно будут восхищаться Виллимони.

– С этим надо что-то делать... – задумчиво пробормотал Фолди. – Нельзя позволить этому зайти слишком далеко. Конечно, Виллимони не стремится к власти сейчас, но это не значит, ... что он не станет стремиться потом. Его популярность мешает мне. Из-за его появления я потерял прямой доступ к Королеве! И почему, Великая Магия, я не оставил его тогда в подземелье, на съедение крысам?!

Облегчив свою сухую душу разговором со столом – единственным в королевском дворце, что молчаливо слушал и никогда не предавал, – Фолди вновь мрачно уставился в окно. Появление Виллимони доставляло ему немалые неудобства. В последнее время призрачные предчувствия, грозившие отнять у него в будущем корону, преследовали его везде, куда бы он

ни пошёл. Фолди привык доверять своей интуиции, следовательно, Королева действительно ожидает ребёнка либо изменила завещание в пользу кого-то другого. Кстати, то самое завещание, вступления которого в силу он ожидал на протяжении последних четырёх лет, было составлено Кларком и Влеоной тайно, в приступе отчаяния, которое охватило их после очередного выкидыша у Её Величества. Секретари, подписавшие завещание, не успели поведать о его существовании никому: едва последняя печать была поставлена, а бумага – надёжно спрятана, они скоропостижно скончались, как Король объяснил: «от сердечного приступа». Венценосная чета не обмолвилась ни словом о своём решении. Но уже к концу следующей недели каждому, даже самому ничтожному, придворному стало известно, что, если Влеона и Кларк умрут бездетными, трон перейдёт по наследству к Фолди. Будущий наследник, конечно, проведал об этом раньше всех. Долгих четыре года он, сжигаемый тайной жаждой власти, ждал своего часа. Но Король и Королева не желали умирать, и он начинал подумывать о том, как бы помочь им с этим делом. Впрочем, уже по истечении первого года ожидания он, словно очнувшись от дурного сна, снял с глаз пелену и ужаснулся: о чём он только мечтал? Об убийстве своих правителей, своих господ, тем, кому он клялся служить...

Кому, как не ему, знать, что клятвы имеют не больше веса, чем тополиный пух, весною носящийся по ветровым волнам. Неожиданные угрызения совести вскоре оставили его: чрезмерно благородные при дворе не выживали. Власть приплывает в руки к тем, кто упорно добивается её. Поэтому Фолди не стал забивать себе голову ненужными моральными принципами и, затаившись, как змея среди тенистых камней, принялся ждать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.